

ОТЧЕТЪ

0

ВТОРОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ

ПРЕМИИ МАКАРІЯ

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ LVIII-МУ ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕР. АКАДЕМИИ НАУКЪ.
№ 2.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1888.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:
Н. Глазунова въ С. П. Б. Эггерса и Коми., въ С. П. Б.
Н. Киммеля въ Ригѣ.

Цѣна 70 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюль 1888 года.

Непрежѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Отчетъ о второмъ присужденіи премій Макарія, митрополита московскаго, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го сентября 1887 г. Непремѣннымъ Секретаремъ Академикомъ К. С. Веселовскимъ.....	1— 19
I. Рецензія на сочиненіе В. И. Мушкетова «Туркестанъ. Геологическое и орографическое описаніе по даннымъ, собраннымъ во время путешествій съ 1874 по 1880 г. Составлена Членомъ Академіи А. П. Карпинскимъ.	20— 28
II. Война Россіи съ Турціей 1806—1812 г.г., составилъ по Высочайшему повелѣнію Генеральнаго штаба генераль-маіоръ А. Н. Петровъ. Рецензія генераль-лейтенанта Г. А. Леера.....	29— 75
III. Польско-Русская война 1831 г. Составилъ генеральнаго штаба полковникъ (нынѣ генераль-маіоръ) А. К. Пузыревскій. Рецензія члена Академіи Н. Ѳ. Дубровина.....	76— 88
IV. Отзывъ Академика Л. И. Шренка о сочиненіи флигель-адъютанта капитана 1-го ранга Степ. Осип. Макарова: «Объ обмѣнѣ водъ Чернаго и Средиземнаго морей». Донесеніе академикомъ Г. И. Вильда и А. В. Гадолна о сочиненіи Степ. Осип. Макарова «Объ обмѣнѣ водъ Чернаго и Средиземнаго морей», читано въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія Академіи 21 мая 1885 г.....	89— 91 92— 95
V. Отзывъ о сочиненіи г. Цвѣтаева подъ заглавіемъ — «Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ». Составилъ профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго Унверситета и Императорскаго Александровскаго Лицея Н. П. Карѣевъ....	96—110

ОТЧЕТЪ

0

ВТОРОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ МАКАРІЯ, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го сентября 1887 г. Непремѣннымъ Секретаремъ Академикомъ К. С. Веселовскимъ.

Присуждаемая Академіею черезъ каждые два года преміи Митрополита Макарія составляютъ въ итогѣ 6,000 руб. и раздѣляются на двѣ полныя по 1,500 р. каждая, и три неполныхъ, по 1,000 р..

На соисканіе ихъ въ настоящемъ году было представлено авторами семнадцать сочиненій, въ томъ числѣ три рукописныхъ; къ нимъ присоединилось еще одно сочиненіе, отложенное отъ предшествовавшаго конкурса. Назначенная Общимъ Собраніемъ Академіи Комисія для разсмотрѣнія и присужденія премій состояла, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ гг. Академикомъ А. К. Наука, Л. И. Шренка, А. А. Штрауха, Ѳ. Б. Шмидта, В. П. Безобразова, А. В. Гадолина и Адъюнкта А. П. Карпинскаго.

По предварительномъ просмотрѣ подлежащихъ оцѣнкѣ произведеній, Комисія положила одно изъ ихъ числа устранить изъ конкурса, какъ не отвѣчающее условіямъ Положенія и пра-

вилъ о преміяхъ митрополита Макарія; для остальныхъ-же семнадцати сочиненій Комисія избрала спеціальныхъ рецензентовъ, частью изъ среды Академиковъ, частью изъ постороннихъ для Академіи ученыхъ и пригласила этихъ критиковъ отзвѣвы о переданныхъ на ихъ судъ трудахъ доставить къ назначенному для того сроку.

По истеченіи этого срока и полученіи рецензій на всѣ сочиненія, за исключеніемъ двухъ, — вслѣдствіе чего эти послѣднія отложены до слѣдующаго Макаріевского конкурса, — Комисія, обсудивъ сравнительное достоинство прочихъ трудовъ, и основываясь при томъ на заключеніяхъ о нихъ рецензентовъ, положила два сочиненія удостоить полныхъ и три сочиненія неполныхъ премій.

Первое увѣнчанное *полною* премією сочиненіе озаглавлено:

Туркестанъ — геологическое и орографическое описаніе, по даннымъ, собраннымъ во время путешествій съ 1874 по 1880 г.
Сочиненіе пр. И. В. Мушкетова, Т. I въ 2-хъ ч. Спб. 1886 г.

Разсмотрѣніемъ этого сочиненія занялся членъ Комисіи А. П. Карпинскій.

Вышедшій первый томъ сочиненія г. Мушкетова составляетъ собою лишь начало обширнаго, предпринятаго имъ совместно съ пр. Г. Д. Романовскимъ, труда, посвященнаго изученію Туркестана, какъ со стороны палеонтологіи, такъ и въ отношеніи оро-геологическомъ и петрографическомъ.

Эти изслѣдованія, начатыя въ 1874 г. по почину генералъ-адъютанта К. П. фонъ Кауфмана, съ практическою цѣлью, и производившіяся, въ теченіе шести лѣтъ по 1880 г., на средства, ассигнованныя для горнаго дѣла въ Туркестанскомъ краѣ, первоначально касались лишь Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской областей, такъ какъ именно этотъ край, а особенно въ горной своей части, представляетъ наибольшій интересъ съ теоретической точки зрѣнія и подавалъ большія надежды на отысканіе полезныхъ ископаемыхъ; но впоследствии сфера изслѣдованій распро-

странилась на Фергану, Памиръ и другія вновь приобрѣтенныя области Средней Азіи.

Не желая стѣснять другъ друга въ свободѣ, г.г. Мушкетовъ и Романовскій ограничились совмѣстнымъ изданіемъ въ 1886 г. лишь геологической карты Туркестана въ масштабѣ 30 в. въ дюймѣ, такъ какъ матеріалы для ея составленія собирались обоими изслѣдователями одновременно; что же касается самого описанія Туркестана, то обработку и изданіе палеонтологическихъ данныхъ взялъ на себя г. Романовскій, — свѣдѣній же по части орографической, геологической и петрографической г. Мушкетовъ.

Вышедшій въ свѣтъ первый томъ изслѣдованій г. Мушкетова распадается на двѣ части.

Первая часть открывается вступительною главою, въ которой изслѣдователь устанавливаетъ понятіе о Средней Азіи и Туркестанскомъ бассейнѣ, а также раздѣленіе и общую характеристику Туркестана. Термину «Средняя Азія» г. Мушкетовъ даетъ новое опредѣленіе и полагаетъ, что собственно материкъ Азіи распадается на *дѣтъ частей*, рѣзко различающіяся по положенію, характеру и происхожденію: *периферическую* или окраинную Азію и *Внутреннюю* или Среднюю Азію, подразумѣвая подъ этимъ послѣднимъ терминомъ совокупность всѣхъ замкнутыхъ областей Азіи, не имѣющихъ стока къ открытому морю. При такой классификаціи восточная часть Средней Азіи совпадаетъ съ «Центральною Азіею» Рихтгофена или съ бассейномъ Ханъ-Хай; западной же части Средней Азіи г. Мушкетовъ усвоитъ наименованіе Туркестана или Туркестанскаго бассейна, какъ то раньше предлагалъ и Петцольдъ.

Дальнѣйшія главы первой части (II по VIII) заключаютъ въ себѣ историческое обозрѣніе изслѣдованій Туркестана съ древнѣйшихъ временъ по 1884 г., наглядно показывающее сумму современныхъ знаній о Средней Азіи и пробѣлы въ нихъ. Хотя авторъ, по собственному признанію, и не ставитъ себѣ цѣлью дать *полную* библиографію предмета, тѣмъ не менѣе имъ приняты

въ соображеніе *всѣ* вообще *оригинальныя* работы, имѣющія существенный географическій либо геологическій интересъ и составляющія результатъ непосредственныхъ наблюдений путешественниковъ, причемъ авторъ съ особенною подробностью останавливается на трудахъ новѣйшаго времени съ 1840 г. — Такъ какъ изслѣдованія предшественниковъ независимо отъ передачи ихъ содержанія, освѣщаются г. Мушкетовымъ критически, то обзоръ этотъ, по своей обстоятельности и полнотѣ, какъ замѣчаетъ рецензентъ, составляетъ важную заслугу, которую *всѣ* интересующіеся геологіею и географіею Туркестана и особливо будущіе изслѣдователи этой страны несомнѣнно оцѣнятъ по достоинству.

Вторая часть I тома сочиненія занята описаніемъ собственныхъ наблюдений автора въ предѣлахъ Аральскаго или Туранскаго бассейна; главы IX и X заключаютъ путевыя замѣтки отъ Оренбурга до Самарканда и описаніе послѣдняго; дальнѣйшія четыре главы посвящены описанію предгорій Тянь-Шаня и Памира, а остальные (XV—XVII)—Аму-Дарьѣ и Кызыль-Кумамъ.

Къ этому описанію приложена карта, на которой обозначены маршруты путешествій г. Мушкетова и нанесены геологическія данныя, представляющія наглядно связь геологическаго строенія съ орографіею.

Невозможно было бы вкратцѣ перечислить *всѣ* собранные авторомъ богатые и интересные матеріалы по геологій Туранскаго бассейна—не меньшій интересъ представляютъ и общіе выводы автора объ исторіи происхожденія Туранскаго бассейна, объ условіяхъ происхожденія новѣйшихъ въ немъ осадковъ и о процессахъ, переживаемыхъ имъ въ настоящее время, сопоставленные въ заключительной XIX главѣ. Изъ нихъ, слѣдуя за рецензентомъ, укажемъ вкратцѣ на нѣкоторыя соображенія г. Мушкетова. Туранскій бассейнъ, говоритъ онъ, сложенъ главнымъ образомъ изъ юрскихъ и особенно изъ мѣловыхъ третичныхъ и послѣ-третичныхъ отложеній, занимающихъ около 95% всей площади бассейна; остальное пространство этой пло-

щади занято палеозойскими отложениями, метаморфическими и массивными породами, являющимися преимущественно въ видѣ сравнительно небольшихъ острообразныхъ горныхъ грядъ, составляющихъ продолженіе Тянь-Шаня и горъ Нура-Тау.

Изученіе осадочныхъ отложений приводитъ автора къ заключенію, что въ юрскій періодъ Туранскій бассейнъ представлялъ сушу, смѣнившуюся въ теченіе мѣловаго періода моремъ, непрерывно существовавшимъ и въ періодъ третичный. Постепенное сокращеніе этого моря происходило по мѣрѣ увеличенія горныхъ складокъ и привело въ плиоценовую эпоху къ образованію средиземнаго бассейна, изъ котораго затѣмъ возникъ бассейнъ Арало-Каспійскій. Древнія границы этого послѣдняго восстанавливаются г. Мушкетовымъ съ возможною полнотою, причемъ изслѣдователь высказываетъ предположеніе, что бассейнъ этотъ распался на двѣ части, соединявшіяся узкимъ проливомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно показывается устья Узбоя; по обособленіи этихъ частей дальнѣйшее сокращеніе ихъ выразилось въ дробленіи на отдѣльные бассейны, что продолжается и понынѣ.

Далѣе, въ той же заключительной главѣ, г. Мушкетовъ изъ сопоставленія метеорологическихъ данныхъ выводитъ то заключеніе, что въ Туранскомъ бассейнѣ и особенно въ Кызыль-Кумахъ, при высокой средней годовой температурѣ (11,5—12°С), господствуютъ сухіе N и NO вѣтры. Эти вѣтры, почти не производя атмосферныхъ осадковъ, обуславливаютъ громадную силу испаренія, которая въ нѣсколько десятковъ разъ превышаетъ осадки, а въ сухое время—въ нѣсколько сотъ разъ. Очевидно, что всѣ эти процессы способствуютъ, съ одной стороны, весьма быстрому общему осушенію страны, а съ другой стороны рѣзкія суточные измѣненія температуры и постоянные сильные N и NO вѣтры быстро разрушаютъ основныя породы, особенно мѣловые и третичные песчаники, превращая ихъ въ рыхлый, сыпучій матеріалъ, изъ котораго слагаются огромные и многочисленныя *барханы*, занимающіе большую часть поверхности Туранскаго бассейна.

Г. Мушкетовъ противопоставляетъ *барханы дюнахъ*, которые,—не говоря о рѣчныхъ дюнахъ, имѣющихъ въ Туранскомъ бассейнѣ ничтожное распространеніе,—занимаютъ огромныя пространства, особливо въ Кара-Кумахъ и въ сѣверной части Кызылъ-Кумовъ; образованію ихъ способствуетъ главнымъ образомъ морская вода и морскіе вѣтры Аральскаго моря, благодаря чему, по мѣрѣ измѣненія направленія прилегающихъ береговъ внутренняго моря, измѣняется и самое направленіе въ сложеніи дюнъ.

Сводя къ общему итогу свои замѣчанія о трудѣ г. Мушкетова, рецензентъ заключаетъ, что обширность познаній автора дала ему возможность не только начертать картину геологическаго строенія мало-извѣстной области, но и обстоятельно разъяснить многочисленныя детали этого строенія, каковая заслуга выступаетъ тѣмъ рельефнѣе, что изслѣдованія г. Мушкетова были сопряжены съ большими трудностями и лишеніями и даже сопровождались серьезными опасностями.

Второе увѣнчанное *полною* премією сочиненіе имѣетъ заглавіемъ:

Война Россіи съ Турціею 1806—1812 г.г. Т. I. Спб. 1885 г. Т. II и III въ рукописи, съ приложеніемъ атласа картъ.
Сочиненіе генералъ-маіора Андр. Никол. Петрова.

Въ обстоятельной рецензій, составленной, по приглашенію Академіи, профессоромъ Академіи Генеральнаго Штаба г. л. Генр. Ант. Лееромъ, ученый критикъ подвергъ подробному разбору составъ и значеніе труда г. Петрова, служащаго продолженіемъ двухъ прежнихъ сочиненій того же автора о Турецкихъ войнахъ: «Война Россіи съ Турціею и польскими кофедератами съ 1767 по 1774 г.» и «Вторая Турецкая война въ царствованіе императрицы Екатерины II (1787—1791 г.г.)» (это послѣднее было удостоено отъ Академіи преміи гр. Уварова).

Среди многочисленныхъ предшественниковъ г. Петрова,

прямо или косвенно затрогивающих событія войнъ Россіи съ Турціею 1806—1812 г.г., самымъ капитальнымъ и вполне самостоятельнымъ изслѣдователемъ доселѣ признавался г. Михайловскій-Данилевскій, сочиненіе котораго «Описаніе Русско-Турецкой войны 1806—1812 г.г.» появилось 44 года тому назадъ, но страдаетъ отсутствіемъ документальности, критики и объективности. Существенную заслугу разбираемаго труда, по замѣчанію рецензента, составляетъ *его многосторонность*:... «принадлежитъ къ послѣдователямъ новой военно-исторической школы, признающей, что причины пораженія армій кроются въ слабой ихъ подготовкѣ, въ недостаточномъ ихъ устройствѣ, въ недостаточной подготовкѣ всей войны, какъ въ военномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, авторъ не довольствуется изученіемъ одной лишь военной стороны, но въ своихъ изслѣдованіяхъ отводитъ широкое мѣсто политическимъ дѣламъ, а въ дѣлахъ военныхъ не ограничивается, подобно писателямъ старой школы, только одною лицевою стороною, описаніемъ маршей и битвъ, но посвящаетъ особое вниманіе не бросающейся въ глаза, но зато крайне важной изнанкѣ дѣла, т. е. вопросамъ объ устройствѣ снабженія арміи на театрѣ военныхъ дѣйствій, объ устройствѣ продовольственной и санитарной частей и прочихъ административныхъ учрежденій».

Переходя затѣмъ къ ближайшему разсмотрѣнію отдѣловъ политическаго, военно-административнаго и чисто-военнаго (стратегическаго и тактическаго) рецензентъ говоритъ:...» Пользуясь обиліемъ печатныхъ и въ особенности подлинныхъ рукописныхъ матеріаловъ, г. Петровъ представилъ полную картину политическихъ отношеній государствъ между собою и въ особенности къ Россіи въ эпоху, предшествовавшую войнѣ и за все время этой войны; въ изслѣдованіи обширномъ и документальномъ, подтверждая свои выводы включеніемъ въ текстъ наиболѣе важныхъ документовъ, заставляя высказываться самихъ дѣятелей въ этой войнѣ о всемъ что касалось мотивовъ принятыхъ ими рѣшеній и оцѣнки тѣхъ или другихъ трудныхъ положеній, которыя имъ приходилось переживать, авторъ стремится

къ тому, чтобы быть возможно объективнымъ. Подобный способъ изложенія приводитъ автора ко включенію въ политическій отдѣлъ сочиненія массы новаго матеріала, впервые появляющагося въ печати... — Сюда относятся переговоры о Слободзейскомъ перемиріи, Парижскіе переговоры въ 1808 г., описаніе революцій въ Константинополѣ въ 1807 г. и 1808 г., выясненіе истиннаго значенія Эрфуртскаго свиданія и т. д. Не менѣе обстоятельно изложены: сношенія нашихъ главнокомандующихъ съ визиремъ и другими турецкими и персидскими государственными людьми и вообще особенный характеръ дипломатическихъ сношеній съ Турками; — ходъ Ясскихъ переговоровъ въ 1809 г., а также — Журжинскихъ и Бухарестскихъ конференцій въ 1811 г., прибавившихъ къ славѣ Кутузова, какъ полководца, и репутацію высокоталантливаго дипломата. Въ виду этого политическій отдѣлъ является одною изъ самыхъ сильныхъ частей разбираемаго сочиненія, но въ то же время г. Лееръ находитъ, что ту часть этого отдѣла, которая специально посвящена описанію политическихъ и военныхъ событій въ Сербіи и представляется по отношенію ко всей войнѣ 1806 — 1812 г.г. лишь эпизодомъ, разыгрывавшимся на одномъ изъ второстепенныхъ театровъ, слѣдовало бы изложить съ меньшею полнотою, соотвѣтственно тому вліянію, какое эти событія оказывали на ходъ дѣйствій на главномъ Дунайскомъ театрѣ, то отвлекая въ эту сторону наши силы, то притягивая къ себѣ силы Турокъ; другими словами, въ сочиненіи г. Петрова изслѣдованіе событій въ Сербіи, по своей подробности, нарушаетъ соразмѣрность между частями дѣла. Впрочемъ увлеченіе г. Петрова извиняется тѣмъ, что авторъ задается цѣлью опровергнуть иностранныхъ писателей, утверждающихъ, будто въ войнахъ съ Турціею Россія преслѣдовала исключительно свои личные интересы и только пользовалась враждебнымъ Портѣ настроеніемъ ея христіанскихъ подданныхъ. Оспаривая это, г. Петровъ блестяще доказываетъ: 1) что Сербія обязана Россіи своею независимостью; 2) что Россія выработала для нея первыя основанія ея

конституцій; 3) что Россія поддерживала Сербовъ въ борьбѣ за независимость деньгами, оружіемъ и войсками и — 4) что Австрія постоянно интриговала противъ Сербовъ, стараясь отвлечь ихъ отъ Россіи и привлечь ихъ на свою сторону. Эготъ отдѣлъ въ сочиненіи г. Петрова обработанъ настолько обстоятельно, что, по замѣчанію рецензента, могъ бы быть выдѣленъ въ особую книгу, которая составила бы вполне цѣльное и правдивое сочиненіе о положеніи Сербіи въ войну 1806—1811 г., — сочиненіе, какого еще пока не появлялось вовсе въ печати.

На столько же обстоятельно и подробно, и притомъ впервые, разработана военно-административная сторона войны 1806—1812 г.г.: устройство продовольственной части, разнаго рода складовъ, перевозочныхъ средствъ, госпиталей и пр., что прежними военно-историческими писателями совсѣмъ обходилось, а Михайловскимъ-Данилевскимъ затрогивалось мимоходомъ и притомъ крайне рѣдко и поверхностно, тогда какъ именно военно-административная сторона дѣла чрезвычайно важна по вліянію своему на стратегическія операціи вообще, и на стратегическія операціи именно на Балканскомъ полуостровѣ въ частности — вслѣдствіе особенностей этого послѣдняго. Въ сочиненіи г. Петрова описанію cadaго похода предпосылается обстоятельное описаніе всѣхъ распоряженій по хозяйственной части; исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ единственно походъ Кутузова 1811 г. — вѣроятно потому, что автору не удалось въ архивахъ найти необходимаго для того матеріала.

Переходя къ наиболѣе существенному военному (стратегическому и тактическому) отдѣлу, нельзя не обратить вниманія на то, что авторъ во всемъ касающемся описанія военныхъ операцій проявляетъ стремленіе оправдать тактическое изложеніе массою приводимыхъ подлинныхъ документовъ, а равно и обосновать описываемые факты — путемъ критическаго ихъ разбора и отнесенія ихъ къ вызывающимъ ихъ причинамъ.

Что же касается нѣкоторыхъ недостатковъ въ сочиненіи г. Петрова, — то наиболѣе важнымъ должно признать отсут-

ствіе цѣльности въ описаніи операцій. Причина этого недостатка кроется въ томъ, что авторъ въ изложеніи военныхъ событій слишкомъ строго придерживается хронологическаго порядка, отодвигая на второй планъ порядокъ логическій. Зато авторъ съ особымъ вниманіемъ относится къ вопросамъ, представляющимъ существенную важность въ стратегическомъ отношеніи, а именно подробно описываетъ планы операцій, правильную постановку цѣли ихъ и выбора направленія; при разсмотрѣніи тѣхъ или иныхъ операцій г. Петровъ устанавливаетъ, поскольку въ данномъ случаѣ правильно выработывалась основная идея операціи, какъ точка отправления для правильнаго рѣшенія всѣхъ частныхъ задачъ.

Въ отношеніи тактической стороны войны 1807—1812 г.г., изслѣдованіе г. Петрова выгодно отличается отъ сочиненія г. Михайловскаго-Данилевскаго болѣе полнотою и основательностью въ описаніи болѣе крупныхъ сраженій, критическимъ разборомъ ихъ, отчетливостью въ изображеніи важнѣйшихъ моментовъ сраженій, какъ въ текстѣ, такъ и на планахъ, указаніемъ соотвѣтствующаго имъ расположенія войскъ и достаточною разработкою деталей.

Тактический отдѣлъ въ сочиненіи А. Н. Петрова, по замѣчанію ученаго рецензента, выигралъ бы еще болѣе, если-бы авторъ, столь щедрый на выписки изъ подлинныхъ документовъ въ политическомъ, военно-административномъ и отчасти стратегическомъ отдѣлахъ, не былъ нѣсколько скупъ на нихъ въ отдѣлѣ тактическомъ. Такіе важные документы, какъ напр. диспозиціи для важнѣйшихъ сраженій, слѣдовало бы привести въ возможной полнотѣ, тогда какъ авторъ, за исключеніемъ диспозиціи для штурма Журжи, ограничивается выдержками въ болѣе или менѣе обобщенной формѣ.

Равнымъ образомъ, замѣчаетъ рецензентъ, благодаря, быть можетъ, неполнотѣ реляцій, г. Петровъ очерчивая сраженіе подъ Шумлою (11 июня 1810 г.) впадаетъ въ ту погрѣшность, что, описывая исполнительныя стратегическія операціи, не доста-

точно опредѣлительно устанавливаетъ точные моменты совершенія тѣхъ или иныхъ военныхъ дѣйствій, черезъ что утрачивается цѣльность картины боя и оказывается труднымъ составить себѣ ясное и полное представленіе о внутреннемъ развитіи сраженія, о связи во времени и пространствѣ между отдѣльными его эпизодами, а равно и рѣшить, насколько данное сраженіе было ведено въ духѣ единства въ дѣйствіяхъ или же въ хаотическомъ безпорядкѣ; но, съ другой стороны, тотъ-же тактический отдѣлъ сочиненія г. Петрова заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ весьма удачныхъ описаній сраженій (при Обилешти, Рассеватѣ, Татарицѣ и Батинѣ), а операціи Милорадовича подъ Бухарестомъ, съ 31 мая по 3 іюня 1807 г., включая сюда и сраженіе при Обилешти, изложены образцово.

Для окончательнаго заключенія о почтенномъ трудѣ А. Н. Петрова, рецензентъ сравниваетъ его съ сочиненіемъ г. Михайловскаго-Данилевскаго и приходитъ къ тому выводу, что если цѣльность составляетъ главное достоинство сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго, а историческая достовѣрность становится подъ сомнѣніе, то въ сочиненіи А. Н. Петрова, на оборотъ, правда составляетъ самую сильную сторону, тогда какъ цѣльность изложенія здѣсь оставляетъ не малаго желать; такимъ образомъ названныя два сочиненія какъ-бы пополняютъ другъ друга.

«Въ виду изложенныхъ выше достоинствъ сочиненія г. Петрова и въ особенности въ виду обилія данныхъ, основанныхъ на архивныхъ документахъ, приводимыхъ впервые и проливающихъ на многіе факты новый свѣтъ, заключааетъ ген. Лееръ свою интересную рецензію, я считаю долгомъ обратить вниманіе Импер. Академіи Наукъ на послѣднее сочиненіе А. Н. Петрова «Война Россіи съ Турціею 1806 — 1812 г.» и просить удостоить его одной изъ премій Митрополита Макарія, какъ сочиненіе, несмотря на нѣкоторые указанные мною недостатки, представляющее весьма цѣнный вкладъ въ литературу нашихъ Турецкихъ войнъ, изслѣдованію которыхъ авторомъ посвященъ 27-ми лѣтній усиленный, настойчивый и въ высокой степени добросовѣстный трудъ...»

Неполныя преміи присуждены авторамъ слѣдующихъ трудовъ:

1. Генераль-маіору Александру Казиміровичу Пузыревскому, за его сочиненіе *Польско-Русская война 1831 г.*

Спеціальнымъ разборомъ этого изслѣдованія занимался Членъ Академіи, генераль-маіоръ Н. О. Дубровинъ.

Главныя заключенія представленной имъ рецензіи состоятъ въ слѣдующемъ:

Хотя спеціальная литература избраннаго г. Пузыревскимъ предмета насчитываетъ нѣсколько десятковъ книгъ и журнальныхъ статей на русскомъ, польскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, тѣмъ не менѣе доселѣ наибольшимъ авторитетомъ пользовалось связанное и подробное изложеніе польско-русской войны, сдѣланное на нѣмецкомъ языкѣ Смиттомъ и переведенное въ началѣ 60-хъ гг. на русскій языкъ г. Квитницкимъ; хотя и современникъ описываемыхъ событій, Смиттъ, какъ не военный, нерѣдко впадаетъ въ сбивчивыя и ошибочныя сужденія при изложеніи стратегическихъ операцій, а еще болѣе при описаніи тактическихъ подробностей; притомъ онъ не всегда сохраняетъ безпристрастіе къ лицамъ и, наконецъ, на политическихъ событіяхъ останавливается болѣе чѣмъ на военныхъ. Поэтому появленіе изслѣдованія г. Пузыревскаго, существенно дополняющаго трудъ Смитта, встрѣчено было съ большимъ чувствіемъ и въ русской, и въ иностранной военной литературѣ. Правда, нѣкоторые отдѣлы въ книгѣ недовольно полно разработаны, за отсутствіемъ достаточныхъ данныхъ; нѣкоторыя изъ появившихся въ теченіе полустолѣтія, истекшаго со времени окончанія военныхъ дѣйствій, монографій и статей ускользнули отъ вниманія автора, но это можетъ быть объяснено тѣмъ, что книга г. Пузыревскаго составлена въ пособіе къ лекціямъ, имъ читаннымъ для слушателей Николаевской Академіи Ген. Штаба, и что авторъ, преслѣдуя учебныя цѣли, принужденъ былъ во 1-хъ *политической* стороны касаться лишь

въ общихъ чертахъ, насколько то было необходимо для уясненія военныхъ операцій, а во 2-хъ, при описаніи *военной* стороны дѣла, обращать вниманіе слушателей на главныя дѣйствія, оставляя въ сторонѣ дѣйствія второстепенныя.

Указавъ на нѣкоторыя пробѣлы въ сочиненіи г. Пузыревскаго и переходя къ общей оцѣнкѣ этого произведенія, рецензентъ говоритъ:

«Особенность и значеніе труда г. Пузыревскаго заключаются въ томъ, что только путемъ самаго тщательнаго изученія источниковъ, въ особенности архивныхъ, онъ могъ доискаться истиннаго хода событій и дать правдивое, вполне безпристрастное описаніе военныхъ дѣйствій. Положеніе автора было тѣмъ болѣе трудно, что большинство польскихъ источниковъ, изъ которыхъ только и можно было почерпнуть свѣдѣнія о дѣйствіяхъ противной стороны, написаны подъ давленіемъ политическихъ страстей, предвзятыхъ взглядовъ и нерѣдко по слухамъ, хотя и участниками событій».

Въ то же время нельзя не поставить въ заслугу автору и то, что онъ удерживается отъ строгихъ приговоровъ и осужденія дѣятелей кампаніи. Сообщая лишь факты и приводя данныя для характеристики лицъ, онъ предоставляетъ самому читателю выводиться заключенія. Безъ приговоровъ автора читатель видитъ, что событія во многомъ не подчиняются волѣ даже и самыхъ талантливыхъ людей и часто не представляется возможнымъ предвидѣть, гдѣ и когда случится самое грандіозное событіе, имѣющее рѣшающее значеніе на всю кампанію. Таковы особенности военнаго дѣла, требующія глубокаго изученія.

Польская кампанія поучительна еще и въ томъ отношеніи, что театръ войны, на которомъ развивались самыя большія сраженія, остается и до сихъ поръ почти пограничнымъ, слѣдовательно тщательное изученіе его необходимо и для будущаго времени, какъ мѣсто наиболѣе вѣроятнаго столкновенія съ непріателемъ. Въ этомъ отношеніи г. Пузыревскій даетъ на столько обстоятельныя описанія, что на маневрахъ, бывшихъ въ прош-

ломъ году на этой мѣстности, разбираемое сочиненіе для многихъ служило руководствомъ.

Прочтя книгу г. Пузыревскаго, не трудно видѣть, что причиною неудачнаго хода перваго періода кампаніи была во первыхъ разбросанность силъ, а во вторыхъ недостаточное устройство продовольственной части. И здѣсь разбираемый трудъ представляетъ особенность, на которую нельзя не обратить вниманія. Подробное изученіе хозяйственнаго вопроса въ арміи составляетъ одно изъ достоинствъ труда г. Пузыревскаго, тогда какъ большинство историковъ только слегка касаются хозяйственныхъ распоряженій главнокомандующаго. Отсюда происходитъ то, что многія событія остаются необъяснимыми и самый ходъ военныхъ дѣйствій непонятнымъ. Обративъ на эту часть особое вниманіе, авторъ представилъ много важныхъ и интересныхъ данныхъ, до сихъ поръ остававшихся неизвѣстными.

Въ заключеніе г. Дубровинъ замѣчаетъ: Ходъ кампаніи изложенъ подробно, сраженія описаны ясно, съ критическою оцѣнкою дѣйствій обѣихъ сторонъ; къ сочиненію приложенъ особый атласъ съ прекрасно исполненными планами сраженій.

2. Степ. Осип. Макаровъ. *Объ обменѣ водъ Чернаго и Средиземнаго морей.*

Академикъ Л. И. Шренкъ, въ представленной имъ рецензіи на это сочиненіе, замѣчаетъ, что г. Макаровъ, произведя многочисленныя наблюденія надъ движеніемъ, удѣльнымъ вѣсомъ и температурою воды въ Босфорѣ и въ смежныхъ съ нимъ Черномъ и Мраморномъ моряхъ, вывелъ изъ нихъ весьма цѣнные для науки результаты относительно существованія и направленія теченій въ помянутомъ проливѣ и происходящаго посредствомъ ихъ обменна водъ Чернаго и Средиземнаго морей. Въ особенную заслугу г. Макарову должно быть поставлено то, что, не имѣя приборовъ для производства точныхъ наблюденій и пользуясь

лишь тѣми пособіями, какія были въ его распоряженіи, какъ командира станціонернаго парохода, кап. Макаровъ съ замѣчательною настойчивостью старался устранить встрѣченныя имъ препятствія и недостатки инструментовъ, помощью разныхъ приспособленій и приемовъ для главнѣйшихъ наблюденій.

Какъ трудъ самостоятельный и существенно обогащающій науку, вносящій въ нее новыя факты, наблюденія и возрѣнія, сочиненіе г. Макарова вполне соотвѣтствуетъ требованію, изложенному въ § 2 правилъ митрополита Макарія.

3. Третье сочиненіе, увѣнчанное неполною Макаріевскою премією, составляетъ цѣнный вкладъ въ *исторію Иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII в.*

Оцѣнка этого труда была для Академіи значительно облегчена прекрасною рецензією пр. Ник. Ив. Карѣева. Книга г. Дм. Цвѣтаева состоитъ изъ 2-хъ частей: первая посвящена протестантизму, а во второй разсматривается вопросъ о построеніи въ Москвѣ перваго католическаго костела, въ связи съ сопровождавшими его обстоятельствами; кромѣ того къ книгѣ приложено большое число еще не изданныхъ доселѣ документовъ, относящихся до разныхъ предметовъ изслѣдованія.

Самъ авторъ объясняетъ, что представленный имъ трудъ изложенъ, какъ по даннымъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ, гдѣ сохранились документы Посольскаго, Иноземнаго и другихъ приказовъ, вѣдавшихъ дѣла иноземцевъ, такъ и по сказаніямъ иностранныхъ писателей о Россіи и по всѣмъ другимъ изданіямъ и сочиненіямъ, которыя авторъ имѣлъ подъ рукою.

Вполнѣ цѣня такое значеніе, придаваемое авторомъ архивному матеріалу, рецензентъ однако находитъ, что мѣстами книга г. Цвѣтаева носитъ характеръ простой передачи сыраго матеріала, хотя впрочемъ авторъ не пренебрегаетъ и литературою предмета. Изъ всѣхъ своихъ предшественниковъ (свыше 10), писавшихъ о началѣ, мѣстѣ, судьбѣ, числѣ и устройствѣ инозѣр-

ческихъ храмовъ въ Россіи, г. Цвѣтаевъ отдаетъ предпочтеніе труду нынѣ покойнаго Московскаго пастора Фехнера, какъ самому документальному и осторожному, тогда какъ у другихъ авторовъ замѣчается слишкомъ много непровѣренныхъ критикою фактовъ, неправильностей, противорѣчій и сбивчивости, отчего и самый вопросъ мѣстами дѣлается крайне запутаннымъ. Продолжительное пользованіе, какъ изданными, такъ и неизданными матеріалами упомянутаго архива и дозволили г. Цвѣтаеву явиться съ многочисленными поправками къ трудамъ предшественниковъ.

Признавая за сочиненіемъ г. Цвѣтаева значеніе труда вполне самостоятельнаго, основаннаго частью на неизданномъ прежде матеріалѣ, тщательно собранномъ въ архивахъ, частью же на внимательномъ изученіи уже изданныхъ источниковъ и обширной литературѣ предмета, рецензентъ рядомъ дѣльныхъ замѣчаній разъясняетъ вопросъ о томъ, насколько новые факты, наблюденія и воззрѣнія, — несомнѣнно имѣющіеся въ разбираемомъ изслѣдованіи, — существенно обогащаютъ науку.

Г. Карѣевъ находитъ, что, не смотря на пробѣлы въ фактахъ, уже нынѣ возможно начертать исторію протестантизма въ Россіи въ XVI и XVII в. съ достаточной полнотою, въ смыслѣ всесторонняго освѣщенія предмета, въ смыслѣ болѣе широкой постановки общаго вопроса и возбужденія новыхъ частныхъ вопросовъ; эти-то стороны въ разбираемомъ сочиненіи и оставляютъ многого желать: авторъ недостаточно разработалъ, какъ самую постановку общаго и частныхъ вопросовъ, такъ и классификацію фактовъ по степени ихъ важности, а равно и возможность общихъ рѣшеній для поставленныхъ вопросовъ. Не давъ себѣ яснаго отчета о томъ, что — самое главное, что — самое интересное въ исторіи судьбъ и роли иностранныхъ исповѣданій въ Допетровской Руси, г. Цвѣтаевъ слишкомъ сосредоточивается на такой сторонѣ общаго вопроса, которая не имѣетъ существеннаго историческаго значенія, а потому и книга его производитъ впечатлѣніе документальной исторіи только постройки протестантскихъ и католическихъ церквей въ Москвѣ, около чего группируется и

остальной матеріалъ, — большею частью столь же внѣшняго свойства; равнымъ образомъ паралельное изученіе протестантизма и католицизма на чуждой имъ обоимъ почвѣ Московскаго государства не приводитъ г. Цвѣтаева къ обобщеніямъ и къ выясненію взаимныхъ отношеній между обоими вѣроисповѣданіями; такъ здѣсь упускается изъ виду самая борьба, которая происходила между протестантизмомъ и католицизмомъ, — борьба, представляющая особенный интересъ съ точки зрѣнія исторіи Россіи.

Указанные недостатки сочиненія обусловливаются тѣмъ, что авторъ слишкомъ дорожилъ фактическими подробностями, какія ему встрѣчались, и словно желалъ весь имѣвшійся у него запасъ отдѣльныхъ фактовъ безъ малѣйшаго остатка перенести въ свою книгу. «Нельзя отрицать того, замѣчаетъ рецензентъ, что запасъ этотъ очень великъ, и что отдѣльные факты провѣрены критически; но авторъ не сдѣлалъ ихъ сортировки; взявъ за основу своего изложенія факты чисто внѣшняго свойства, со всѣми ихъ подробностями, иногда мелочными, онъ не внесъ въ свою работу объединяющей идеи, не сдѣлалъ изъ своего матеріала историческихъ выводовъ общаго свойства. Этотъ недостатокъ бросается въ глаза при чтеніи книги, и по временамъ можно удивляться, почему авторъ не выдѣлилъ изъ массы мелочей вещей дѣйствительно крупныхъ, не останавливался на нихъ съ бѣльшимъ вниманіемъ, не освѣщалъ ихъ значенія. Это приводитъ рецензента къ заключенію, что нельзя не сожалѣть о томъ, что авторъ не подвелъ итоговъ подъ своими изслѣдованіями въ смыслѣ болѣе широкихъ обобщеній, которыя были бы по отношенію къ нимъ не простою суммою, но ихъ синтезомъ». Полагая, что высшей награды можетъ быть удостоено лишь вполне образцовое сочиненіе, которому нельзя было бы сдѣлать серьезныхъ упрековъ, но, въ то же время, считая представленный въ Академію трудъ г. Цвѣтаева по всей справедливости заслуживающимъ награды, рецензентъ признаетъ, что было бы совершенно справедливо назначить этому труду неполную премию митрополита Макарія.

4. Изъ прочихъ сочиненій, участвовавшихъ въ настоящемъ соисканіи, Комисія признала достойнымъ преміи сочиненіе Г. И. Радде *Орнитологическая фауна Кавказа (Ornis caucasica). Систематическое и біолого-географическое описаніе Кавказскихъ птицъ*», а за раздачею всѣхъ бывшихъ въ ея распоряженіи денежныхъ наградъ Комисія, на основаніи § XII правилъ, присудила ему *почетный отзывъ*.

Сочиненіе г. Радде, изданное при пособіи Е. И. В. Великаго Князя Николая Михайловича на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ съ многочисленными рисунками, составляетъ плодъ собственныхъ изслѣдованій автора, который, съ 1863 г. живя въ Тифлисѣ и завѣдывая Кавказскимъ Музеемъ, созданнымъ подъ его же непосредственнымъ наблюденіемъ, многократно предпринималъ ученые экскурсіи въ различныя мѣстности Кавказа, частью трудно доступныя, и имѣлъ всѣ способы для собиранія коллекцій и производства наблюденій.

Разборъ этого сочиненія былъ поручаемъ Комисіею Академику А. А. Штрауху, который въ своей рецензіи призналъ, что хотя авторъ и не исчерпалъ избраннаго имъ предмета, такъ какъ описалъ далеко не всѣ виды птицъ, встрѣчающіеся на Кавказѣ, тѣмъ не менѣе существенно обогатилъ орнитологическую науку весьма цѣнными, собранными имъ вполне самостоятельно замѣтками по систематикѣ, а равно біологическими и зоографическими наблюденіями.

По присужденіи премій Комисія положила выразить глубочайшую признательность отъ имени Академіи постороннимъ ученымъ, оказавшимъ ей содѣйствіе при разсмотрѣніи конкурсныхъ сочиненій, а именно: Члену Военно-Ученаго Комитета Ген.-Лейт. Генр. Антонов. Лееру, Професору Московской Духовной Ака-

деміи Евген. Евген. Голубинскому, Професорамъ С.-Петербур-
бургскаго Университета: Никол. Иван. Карѣеву и Ив. Егоров.
Троицкому, — Казанскаго Аркад. Ив. Якобію, — Варшав-
скаго Ант. Семен. Будиловичу и Прозектору Московскаго
Университета Мих. Андр. Бѣлину.

I.

РЕЦЕНЗИЯ НА СОЧИНЕНИЕ Н. В. МУШКЕТОВА «ТУРКЕСТАНЪ. ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ И ОРОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ПО ДАН- НЫМЪ, СОБРАННЫМЪ ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВІЙ СЪ 1874 ПО 1880 Г.

Составлена Членомъ Академіи А. П. Каринскимъ.

Вышедшій 1-й томъ сочиненія г. Мушкетова, заглавіе котораго приведено выше, представляетъ лишь начало большаго труда, обнимающаго весь Туркестанскій край. Въ разсматриваемомъ томѣ излагаются, кромѣ обзора литературы по изслѣдованіямъ этого края, также наблюденія автора въ западной части Туркестана, въ такъ называемомъ Туркестанскомъ бассейнѣ. Это объемистое описаніе сопровождается многими поучительными, прекрасно выполненными рисунками, а также таблицами и общеобною геологическою картою Туркестанскаго бассейна, представляющей главнымъ образомъ сокращеніе и упрощеніе большой и относительно подробной карты, составленной авторомъ совмѣстно съ проф. Романовскимъ и вышедшей почти одновременно съ сочиненіемъ г. Мушкетова. Последнее распадается на двѣ части, изъ которыхъ собственно изслѣдованіямъ автора посвящена 2-я часть.

Въ I-й главѣ авторъ прежде всего останавливается на научномъ значеніи термина «Средняя Азія», которому даетъ новое опредѣленіе, руководствуясь основаніями подраздѣленія Азіятскаго материка, предложеннаго Рихтгофеномъ въ его классификаціи.

ческомъ сочиненіи «China». Согласно взглядамъ этого ученаго, Центральная Азія представляетъ область замкнутыхъ, осушающихся или высохшихъ бассейновъ, не имѣющихъ стока къ морю, тогда какъ периферическія части материка прорѣзываются рѣками, впадающими въ моря. Всѣ продукты разрушенія породъ въ Средней Азіи остаются внутри ея, причемъ главнымъ переноснымъ дѣятелемъ является вѣтеръ; наоборотъ въ периферическихъ областяхъ такой дѣятель представляетъ проточная вода, выносящая продукты разрушенія за предѣлы этихъ областей— въ море. По удачному образному выраженію Рихтгофена, въ Центральной Азіи преобладаетъ движеніе центростремительное, въ периферическихъ областяхъ—центробѣжное. Въ первой продукты разрушенія, переносясь только съ мѣста на мѣсто, оказываютъ нивелирующее вліяніе на поверхность страны, придавая ей болѣе и болѣе однообразный видъ, обусловливающей также однообразіе ея растительнаго и животнаго населенія, и крайне неблагоприятно отражающійся на культурномъ развитіи обитающихъ въ странѣ племенъ.

Совсѣмъ другія условія для человѣка и остальнаго органическаго міра возникаютъ въ периферическихъ областяхъ, гдѣ проточныя воды способствуютъ въ общемъ большому и большому расчлененію ихъ поверхности. Кромѣ указаннаго подраздѣленія, Рихтгофенъ принимаетъ также существованіе еще двухъ областей, изъ которыхъ упомянемъ лишь переходный поясъ, къ которому онъ относитъ довольно обширныя части Азіятскаго материка.

Оцѣнивая по достоинству плодотворный принципъ раздѣленія Азіи, предложенный знаменитымъ германскимъ географомъ и геологомъ, г. Мушкетовъ замѣчаетъ, что въ составъ переходнаго пояса входятъ весьма разнообразные элементы и что части этого пояса, рассматриваемыя въ каждую данную эпоху, всегда могутъ быть отнесены или къ периферической, или къ внутренней области. Поэтому г. Мушкетовъ полагаетъ, что собственно материкъ Азіи распадается только на 2 рѣзко различающіяся

по положенію, характеру и происхожденію части: Периферическую или Крайнюю Азію и Внутреннюю или Среднюю Азію, подразумѣвая подъ этимъ послѣднимъ терминомъ совокупность всѣхъ замкнутыхъ областей Азіи, не имѣющихъ стока къ открытому морю. Восточная часть Средней Азіи представляетъ Центральную Азію Рихтгофена или бассейнъ Ханъ-Хай. Западной же части ¹⁾ Мушкетовъ придаетъ названіе Туркестана или Туркестанскаго бассейна, уже ранѣе предлагавшееся Петцольдомъ. Намѣтивъ въ общихъ чертахъ отношенія бывшихъ въ недавнемъ геологическомъ прошломъ въ Центральной Азіи и Туркестанѣ обширныхъ внутреннихъ морей и указавъ на существовавшую непосредственную ихъ связь, Мушкетовъ въ этой же главѣ намѣчаетъ подраздѣленіе Туркестанскаго бассейна и выясняетъ основанія для подраздѣленія окружающихъ его хребтовъ. При обзорѣ крайнихъ возвышенностей Усть-Урты, по примѣру Гумбольдта, Сѣверцева и Борцова, разсматривается за продолженіе Мугоджарскихъ горъ, хотя связь этой возвышенности съ послѣдними является только внѣшней, орографической.

Главы II—VIII (стр. 43—311 и 742) посвящены г. Мушкетовымъ обстоятельному обзору изслѣдованій Туркестана отъ древнѣйшихъ временъ до 1884 г. Обзоръ, отличающійся наибольшою подробностью по отношенію къ болѣе новымъ изслѣдованіямъ, производившимся съ 1840 г., по своей обстоятельности и полнотѣ, представляетъ крупную заслугу г. Мушкетова, которую всѣ интересующіеся геологіей и географіей Туркестана и особенно будущіе изслѣдователи этой страны безъ сомнѣнія оцѣнятъ по достоинству.

Собственныя изслѣдованія Мушкетова въ части Туркестана, названной имъ Туранскимъ или Аральскимъ бассейномъ,

¹⁾ Въ пространствѣ отъ Мугоджарскихъ горъ и Усть-Урты на западъ до Джувгарскаго Алатау, Тянь-Шаня и Памира на востокъ и отъ горъ Копетъ-Дагъ и Хоросанскихъ на югъ до Тарбагатая, Чингизъ-Тау и Арало-Иртышскаго водораздѣла на сѣверѣ.

излагаются въ 10 главахъ (IX—XVIII) второй части сочиненія; послѣдняя же, заключительная, глава посвящена общимъ выводамъ о геологіи Туранскаго бассейна.

Въ настоящемъ обзорѣ нѣтъ возможности перечислить весь собранный авторомъ богатый фактическій матеріалъ; укажу лишь вкратцѣ на нѣкоторыя наиболѣе выдающіяся наблюденія.

Такимъ образомъ въ Кара-Кумахъ особенно интересными являются изслѣдованія летучихъ песковъ, совершенно разнохарактерные типы которыхъ обыкновенно смѣшивались между собою, а иногда приравнивались даже воднымъ арало-каспійскимъ отложеніямъ. Мушкетовъ раздѣляетъ эти пески на дюны и барханы, разнящіеся по формѣ, положенію, составу и происхожденію.

При изслѣдованіи западныхъ предгорій Тянь-Шаня наибольшія затрудненія должны были представить крайне запутанныя явленія дислокаціи, которыя Мушкетовъ, памятуя, что видимый въ природѣ беспорядокъ есть только сочетаніе законныхъ, но непонятныхъ намъ явленій, весьма основательно разъяснилъ, указавъ, что вся запутанность упомянутыхъ явленій происходитъ лишь отъ совмѣщенія или сталкиванія здѣсь двухъ направленій складчатости (NO, h 4 и NW, h 8). Съ особенною грандіозностью это явленіе наблюдается въ Ферганской области.

Между выводами г. Мушкетова, имѣющими практическое значеніе, нельзя не обратить вниманіе на указаніе его, что источники нефти, довольно обильные въ Ферганѣ, находятся въ углахъ соединенія складокъ двухъ упомянутыхъ выше направленій.

Не останавливаясь на многихъ интересныхъ данныхъ и выводахъ, касающихся отложеній лёса, летучихъ песковъ, третичныхъ, мѣловыхъ и юрскихъ отложеній предгорій Тянь-Шаня, укажу на наблюденія Мушкетова въ г. Байсунъ-Тау, прорѣзываемыхъ извѣстнымъ живописнымъ ущелиемъ «Желѣзными воротами». По мнѣнію автора, горы эти представляютъ весьма рѣдкій для Туркестана примѣръ дизъюнктивнаго кряжа, обязаннаго своимъ происхожденіемъ сдвигу. Интересны также выводы

о непрерывномъ соединеніи по болѣе или менѣе узкимъ проливамъ третичныхъ и мѣловыхъ отложеній Гиссара и Алая, подобно тому, какъ послѣднія сливаются съ соотвѣтствующими осадками Тарима и Ферганы. Такое распредѣленіе этихъ отложеній между прочимъ доказываетъ, что еще въ недавнее, въ геологическомъ смыслѣ, время системы Тянь-Шаня, Алая и Памира являлись разьединенными.

Среди разнообразныхъ результатовъ изслѣдованій Мушкетова въ долинѣ Аму-Дарьи укажемъ во первыхъ на опредѣленіе гряды Керчике-Тау, близъ г. Керки, какъ на предѣльную сѣверную границу поднятій, происходившихъ въ послѣднетретичное время и образовавшихъ пѣлюю систему складокъ, составляющихъ западныя предгорія Памиро-Алая. Кромѣ того интересны наблюденія надъ свойственною Туркестанскому краю туманностью воздуха;—надъ отклоненіемъ русла Аму-Дарьи къ В. и мѣстами въ весьма значительныхъ размѣрахъ (до 8 верстъ въ теченіи 30 лѣтъ);—надъ производимымъ этимъ отклоненіемъ разрушеніемъ праваго берега съ его поселеніями, уменьшающимъ прибрежную культурную полосу; наблюденія надъ матеріалами и образованіемъ бархановъ, надъ опустошеніями западной части Бухары, производимыми надвигающимся сюда пескомъ, и пр.

Особенно же любопытна выясненная авторомъ зависимость формъ бархановъ отъ топографіи мѣстности. Типичную полулунную или коническую форму барханы принимаютъ только въ случаѣ образованія ихъ на ровной горизонтальной поверхности; если же песокъ накапливается на склонѣ, простираніе котораго совпадаетъ съ направлениемъ вѣтра, то барханы принимаютъ форму удлинненныхъ неравносклонныхъ грядъ. Подобныя гряды становятся равносклонными, если простираніе покатости, на которой возникаютъ барханы, уклоняется отъ направленія вѣтра. Вообще формы бархановъ изучены авторомъ съ большою обстоятельностью и пояснены многими весьма поучительными рисунками.

Пропуская интересныя изслѣдованія Кизыль-Кумовъ, перейдемъ къ заключительной главѣ сочиненія г. Мушкетова.

Изъ изложеннаго въ ней общаго свода наблюденій укажемъ вкратцѣ на слѣдующіе выводы автора. Туранскій бассейнъ сложенъ преимущественно изъ юрскихъ и особенно мѣловыхъ, третичныхъ и послѣтретичныхъ отложений, занимающихъ около 95% всей площади бассейна¹⁾. Остальное пространство этой площади занято палеозойскими отложениями, метаморфическими и массивными породами, являющимися главнѣйше въ видѣ сравнительно небольшихъ острообразныхъ горныхъ грядъ, составляющихъ продолженіе Тянь-Шаня и горъ Нура-Тау. Замѣчательно, что въ этихъ небольшихъ грядахъ породы являются гораздо болѣе разнообразно и въ болѣе сильной степени метаморфизованными, чѣмъ въ Тянь-Шанѣ.

Изученіе осадочныхъ отложений приводитъ автора къ заключенію, что въ юрскій періодъ Туранскій бассейнъ представлялъ сушу, смѣнившуюся въ теченіе мѣловаго періода моремъ, непрерывно существовавшимъ и въ періодъ третичный. Постепенное сокращеніе этого моря происходило по мѣрѣ увеличенія горныхъ складокъ и привело въ плиоценовую эпоху къ образованію средиземнаго бассейна, изъ котораго затѣмъ возникъ бассейнъ Арало-Каспійскій. Древнія границы послѣдняго возстановляются г. Мушкетовымъ съ наивозможною полнотою. Бассейнъ этотъ распадался на 2 части, соединявшіяся узкимъ проливомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно помѣщаются низовья Узоя. Послѣ обособленія этихъ частей, дальнѣйшее сокращеніе ихъ выразилось въ дробленіи на отдѣльные бассейны, продолжающемся и по настоящее время. При изложеніи исторіи Туранскаго бассейна автору пришлось сдѣлать нѣсколько предположеній, напр. объ отсутствіи рѣзкихъ границъ между мѣловою и третичною системами и ихъ подраздѣленіями, что не можетъ считаться доказаннымъ. Подобныя доказательства обыкновенно могутъ быть до-

¹⁾ Весь палеонтологическій матеріалъ, послужившій къ опредѣленію возраста осадочныхъ образований Туркестана и собранный тамъ какъ Мушкетовымъ, такъ и проф. Романовскимъ и нѣкот. др. лицами, обработанъ этимъ послѣднимъ геологомъ.

быты при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ лишь при детальномъ изученіи края, которое авторъ, вслѣдствіе обширности этого края, конечно не могъ имѣть въ виду.

Въ заключительной главѣ г. Мушкетовъ приводитъ также весьма обстоятельное сопоставленіе метеорологическихъ данныхъ, приводящихъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: «Въ Туранскомъ бассейнѣ и особенно въ Кызыль-Кумахъ, при высокой средней годовой температурѣ (11,5, 12° С.), господствуютъ сухіе N и NO вѣтры, дующіе большую часть года и наиболѣе развитые въ самое жаркое, сухое время, — лѣтомъ и осенью, когда температура возвышается до 40—42°. Эти вѣтры, почти не производя атмосферныхъ осадковъ, вмѣстѣ съ высокою температурой, обуславливаютъ громадную силу испаренія, которая въ нѣсколько десятковъ разъ превышаетъ осадки, а въ сухое время года въ нѣсколько сотъ разъ. Очевидно, что всѣ эти процессы способствуютъ съ одной стороны весьма быстрому общему осушенію страны, т. е. уничтоженію бывшихъ озеръ, обмелѣнію рѣкъ и уменьшенію Аральскаго моря или, все равно, его отступанію. Съ другой стороны, рѣзкія суточные измѣненія температуры и сильныя, постоянныя N и NO вѣтры быстро разрушаютъ основныя породы, особенно мѣловые и третичныя песчаники, превращая ихъ въ рыхлый, сыпучій матеріалъ, изъ котораго слагаются огромныя и многочисленныя барханы, занимающіе большую часть поверхности Туранскаго бассейна».

Нельзя не остановиться также на указываемомъ Мушкетовымъ различіи послѣднихъ отъ дюнь. Кромѣ рѣчныхъ дюнь, имѣющихъ въ Туранскомъ бассейнѣ сравнительно ничтожное распространеніе, въ этой области на огромномъ пространствѣ, особенно въ Кара-Кумахъ и въ с. части Кызыль-Кумовъ, развиты морскія дюны, въ образованіи которыхъ главное участіе принимаетъ само Аральское море, т. е. морская вода и морскіе вѣтры. «Отсюда понятна измѣнчивость направленія ихъ съ измѣненіемъ направленія прилежащихъ береговъ».

«Въ дюнахъ вода измельчаетъ, отсортировываетъ матеріалъ,

а вѣтеръ только продолжаетъ работу воды, придаетъ окончательную отдѣлку дюнамъ, тогда какъ въ образованіи бархановъ всю работу съ начала до конца производитъ вѣтеръ; чѣмъ онъ сильнѣе, чѣмъ онъ постояннѣе, тѣмъ барханный типъ чище, больше распространенъ въ горизонтальномъ и вертикальномъ направленіи. Дюны могутъ образоваться въ разнообразныхъ климатахъ, барханы происходятъ только при извѣстныхъ климатическихъ условіяхъ. Происхожденіе дюнъ часто зависитъ отъ петрографическаго характера породъ берега. Барханы не приурочиваются къ какому-либо опредѣленному бассейну, какъ морскія или рѣчныя дюны; напротивъ, они образуются по всей обнаженной поверхности суши, подверженной дѣйствию вѣтра при значительныхъ колебаніяхъ температуры и находятся на поверхности породъ самой различной древности».

«Самая форма бархановъ уже настолько характерна, что ихъ нельзя смѣшивать съ дюнами; но нужно замѣтить, что типичная форма ихъ получается только на сравнительно ровной поверхности; на неровной же почвѣ форма бархановъ варьируетъ, находясь въ зависимости отъ топографическаго характера основной почвы».

«Что касается петрографическихъ качествъ песка бархановъ, то они непостоянны и зависятъ отъ той породы, которая послужила матеріаломъ для образованія бархана».

Объясняя усыханіе Аральскаго моря, бѣльшее и бѣльшее распространеніе песковъ и пр. общими причинами, вліяніе которыхъ отражается и на другихъ явленіяхъ Средней Азіи, напр. на осушеніи горныхъ озеръ, на поднятіи границы ледниковъ и снѣговой линіи, на уменьшеніи и отступаніи большихъ рѣкъ, стекающихъ съ азіатскаго центральнаго нагорія, г. Мушкетовъ справедливо высказывается противъ обособленнаго рѣшенія какихъ-либо частныхъ вопросовъ по геологіи Средней Азіи (напр. о поворотѣ Аму-Дары) и связанныхъ съ такими вопросами практическихъ предпріятій.

Заканчивая рецензію, въ которой я могъ коснуться лишь

небольшой доли изслѣдованій г. Мушкетова, я считаю долгомъ указать, какъ на достоинство сочиненія, на характеръ его изложенія, дѣлающій содержаніе его доступнымъ каждому образованному человѣку. Энергія и обширность познаній автора дали ему возможность въ теченіи сравнительно короткаго времени не только дать ясное общее представленіе о геологическомъ строеніи малоизвѣстной области, но и обстоятельно разъяснить многочисленныя детали этого строенія. Если прибавить къ этому, что изслѣдованія г. Мушкетова были сопряжены съ большими трудностями и лишеніями и даже сопровождались серьезными опасностями, то заслуги автора выступаютъ еще рельефнѣе. Поэтому я имѣю честь предложить почтить сочиненіе г. Мушкетова премією, на соисканіе которой оно было авторомъ представлено.

II.

ВОИНА РОССІИ СЪ ТУРЦІЕЙ 1806 — 1812 г.г.,

составилъ по Высочайшему повелѣнію Генеральнаго штаба
генераль-маіоръ А. Н. Петровъ.

Рецензія генераль-лейтенанта Г. А. Леера.

Столь богатая повидимому литература, касающаяся прямо или косвенно событій войны Россіи съ Турціею 1806—12 г.г. (въ концѣ разсматриваемаго сочиненія авторомъ приложенъ списокъ 64 печатныхъ сочиненій, которыми онъ пользовался при составленіи его труда), въ сущности представляетъ весьма скромный матеріалъ для описанія войны, какъ это видно изъ краткой оцѣнки каждаго изъ приводимыхъ А. Н. Петровымъ сочиненій.

Не считая сочиненія М. И. Богдановича: *«Исторія царствования Императора Александра I-го»*, въ которой авторомъ описываются подробно только войны, веденныя при личномъ въ нихъ участіи Императора, а остальные, въ томъ числѣ и Русско-Турецкая 1806—12 г.г., только вскользь, «для сохраненія взаимной связи событій, одновременно происходившихъ на различныхъ пунктахъ», какъ то высказываетъ самъ авторъ, — не считая этого сочиненія, самымъ капитальнымъ, вполне самостоятельнымъ трудомъ по описанію этой войны признавалось до сихъ поръ сочиненіе Михайловскаго - Данилевскаго: *«Описание Русско-Турецкой войны 1806—12 гг.»*, появившееся 44 года

тому назадъ. Главное достоинство этого сочиненія — планъ его, цѣльность, упорядоченность въ изложеніи взаимно переплетающихся между собою событій, одновременно разыгрывавшихся на нѣсколькихъ театрахъ военныхъ дѣйствій, на главномъ — на Балканскомъ полуостровѣ, и на второстепенныхъ — на Черномъ морѣ, въ Закавказьѣ и въ Сербіи. Разсказъ такъ расположенъ, что какой бы частный фактъ ни описывался авторомъ, читатель ни на минуту не упускаетъ ни связи его съ другими частными фактами, ни отношенія ихъ къ общей идеѣ операціи. Это объясняется, конечно, прежде всего талантомъ автора, способностью его къ сводкѣ частныхъ явленій въ одну цѣльную картину, соотвѣтственно той или другой основной идеѣ операціи, короче — синтетическимъ складомъ его ума. Если сочиненіе Михайловскаго-Данилевскаго вполне удовлетворяетъ одному изъ главныхъ требованій, которыя ставятся къ произведенію какого бы то ни было рода искусства, *цѣльности*, то оно часто не удовлетворяетъ другому, настолько же важному условію, окончательно опредѣляющему, вмѣстѣ съ первымъ, высокое значеніе этого произведенія въ области искусства, именно — *правдѣ*. Общество уже успѣло, въ этомъ отношеніи, произнести свой справедливый приговоръ писателю, хотя и талантливому, но мало расположенному къ копотливой и въ то же время крайне важной работѣ *анализа*, къ тщательной обработкѣ деталей, углубленію въ подробности. Относясь легко къ этой сторонѣ дѣла, Михайловскій-Данилевскій нерѣдко склоненъ даже ставить воображеніе на мѣсто фактовъ. Такимъ образомъ описаніе сраженій у него большею частью поверхностно, безъ приведенія всѣхъ подробностей, важныхъ по отношенію къ ходу боя. На оправдательные документы онъ крайне скупъ. Хотя ему были открыты всѣ государственные архивы, но матеріалами, въ нихъ хранящимися, онъ пользовался далеко не широкою рукой, выбирая изъ нихъ только нѣкоторые и оставляя массу безъ всякаго изслѣдованія. Этотъ недостатокъ *документальности* въ сочиненіи Михайловскаго-Данилевскаго ставитъ читателя въ невозможность повѣрки того или дру-

гого вывода автора и вынуждаетъ вѣрить ему на слово. Къ дальнѣйшимъ недостаткамъ этого сочиненія слѣдуетъ отнести еще и то, что авторъ исключительно останавливается на *внѣшней сторонѣ* описываемыхъ имъ военныхъ событій, не касаясь *внутренняго ихъ смысла*, не относясь къ нимъ критически, упуская изъ вида, что для поученія массы не столько важно знать какіе результаты были достигнуты *въ той или другой* операціи, въ томъ или другомъ сраженіи, сколько выяснить тѣ причины, тѣ пути, которые привели къ этимъ результатамъ, — вѣрнѣйшее средство къ избѣжанію столь часто повторяющихся ошибокъ на войнѣ. Историкъ долженъ быть въ одно и то же время и *живописецъ*: на его обязанности представить цѣльную и вѣрную картину описываемаго событія, и *философъ*: сдѣлать вѣрную оцѣнку его внутренняго содержанія. Михайловскій-Данилевскій, въ «Описаніи Русско - Турецкой войны 1806 — 12 г.г.», является *только живописцемъ*¹⁾. Далѣе, въ томъ же сочиненіи, авторъ *недостаточно многостороненъ* въ изображеніи описываемыхъ имъ событій, почти исключительно касаясь только чисто *военной* ихъ стороны, стратегической и тактической, и очень слегка затрогивая столь важную *политическую* сторону и еще болѣе слегка — *военно - административную*, вопросъ о безостановочномъ снабженіи арміи на театрѣ войны всякаго рода запасами, столь сильно вліяющій на тактическую сторону военныхъ операцій. Нельзя не упомянуть еще объ одномъ недостаткѣ сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго, не столько для того, чтобы поставить его въ упрекъ автору, а лишь для полноты оцѣнки его труда и чтобы еще разъ убѣдиться въ томъ, что для вполнѣ *объективной* исторіи необходимо отойти отъ описываемыхъ событій по крайней мѣрѣ на разстояніе цѣлаго поколѣнія. Этотъ недостатокъ сводится къ *угодливости сильнымъ міра, современникамъ, участникамъ въ описываемыхъ событіяхъ*.

¹⁾ Причина отсутствія критическаго элемента въ сочиненіи Михайловскаго-Данилевскаго, прежде всего, заключается въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находился по отношенію къ живымъ еще участникамъ этой войны.

Какъ бы ни были замѣчательны личные подвиги эскадроннаго командира Бенкендорфа ¹⁾, или капитана (потомъ полковника) Паскевича, какое вліяніе они могутъ обнаружить на веденіе цѣлыхъ армій? Этимъ подвигамъ и личнымъ отличіямъ мѣсто въ *военной хроникѣ* и въ *исторіи полковъ*, а не въ *исторіи цѣлыхъ войнъ*.

Приведенная оцѣнка самаго капитальнаго изъ выпедшихъ до сихъ поръ сочиненій о Русско-Турецкой войнѣ 1806—12 г.г. необходима была для установки *исходной точки* къ оцѣнкѣ новѣйшаго объ этой войнѣ сочиненія А. Н. Петрова.

Уступая Михайловскому - Данилевскому въ одномъ, но зато и не въ маловажномъ дѣлѣ, въ *цѣлности* описанія военныхъ событій, А. Н. Петровъ сумѣлъ устранить всѣ только что приведенные недостатки сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго; впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ (отсутствіе критики и угодливость вліятельнымъ лицамъ) устранились сами собою, болѣе благопріятными условіями, въ какія былъ поставленъ А. Н. Петровъ, писавшій почти 80 лѣтъ послѣ войны 1806—12 г.г.

Къ достоинствамъ разсматриваемаго сочиненія слѣдуетъ отнести: *многосторонность* въ описаніи и изслѣдованіи событій войны 1806—12 г.г. Принадлежа къ послѣдователямъ новой военно-исторической школы, признающей, что «армія, которья были разбиты, были еще до поля сраженія разбиты», т. е. несли причину своего пораженія въ себѣ, или въ недостаточной ихъ подготовкѣ, недостаточномъ ихъ устройствѣ, недостаточной подготовкѣ всей войны какъ въ военномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, А. Н. Петровъ не останавливается только на одной военной сторонѣ, но отводитъ широкое (можно сказать, даже слишкомъ широкое) мѣсто *политической* сторонѣ дѣла, а въ *военной* не ограничивается, подобно писателямъ старой школы, одною *лицевою* стороною дѣла, описаніемъ маршей и битвъ,

¹⁾ «Описаніе Русско-Турецкой войны» Михайловскаго-Данилевскаго (II, 172, 176).

НО и посвящаетъ должное вниманіе не бросающейся въ глаза, но зато крайне важной *изнанкѣ дѣла*, вопросу объ устройствѣ снабженія армии на театрѣ военныхъ дѣйствій, объ устройствѣ продовольственной части, санитарной и прочихъ *военно-административныхъ учреждений*.

I

Важность преслѣдуемой Россіею *цѣли* въ войнахъ на Балканскомъ полуостровѣ: обезпеченія свободы православной церкви и улучшенія политической жизни христіанъ на этомъ полуостровѣ, въ связи съ усложненіями въ отношеніяхъ европейскихъ государствъ подъ гнетомъ Наполеоновскаго режима, рѣзкія перемены въ политической обстановкѣ, при которой велась война 1806—12 г.г., все это придаетъ особый интересъ и важность *политическому* элементу въ отношеніи его вліянія собственно на операціи этой войны.

Она *началась* въ періодъ полного нашего разрыва съ Франціею и вызвана собственно давленіемъ этой державы на Турцію; *продолжалась* въ періодъ нашего союза съ Франціею, послѣ Тильзитскаго договора, и *окончилась* въ періодъ новаго, полного нашего разрыва съ Франціею.

Такіе перевороты въ политической обстановкѣ сильно вліяли: 1) на *цѣль* войны: до *Тильзита* — только вынудить Порту къ точному исполненію прежнихъ трактатовъ, расширившюся *послѣ Тильзита* до постановки границею между нами и Портою Дуная, т. е. до приобрѣтенія русскими княжествъ Молдавіи и Валахіи, и 2) на *характеръ* ея: сперва, въ походѣ Михельсона въ концѣ 1806 г. (причемъ война началась съ нашей стороны безъ формальнаго ея объявленія), она, по мѣткому выраженію герцога Ришелье, имѣла характеръ *«миролюбивѣйшаго»*, безкровнаго занятія крѣпостей; далѣе, въ походѣ Михельсона 1807 г., она приняла характеръ *оборонительный*; затѣмъ обратилась въ *продолжительное перемиріе*, чтобы въ 1809 и 10 г.г., въ походахъ

князя Прозоровскаго, Багратіона и гр. Каменскаго, принять характеръ войны *наступательной* на правомъ берегу Дуная, и наконецъ въ 1811 г., въ славномъ походѣ Кутузова, политическія условія снова вынудили насъ обратиться къ оборонѣ, но къ *оборонѣ*, которая дала столь *положительные* результаты, какихъ не могли дать предшествовавшіе походы, веденные съ вдвое бѣльшими силами, — къ захвату всей арміи визиря и къ почетному миру (Бухарестскому), въ минуту, когда мы въ немъ наиболѣе нуждались.

Пользуясь обиліемъ печатныхъ и въ особенности подлинныхъ рукописныхъ матеріаловъ, А. Н. Петровъ представилъ, въ изслѣдованіи *обширномъ* и *документальномъ*, полную картину политическихъ отношеній государствъ между собою и особенно къ Россіи въ эпоху, предшествовавшую войнѣ 1806 — 12 г. (ч. I, I), и за все время этой послѣдней (кампанія 1807 г. VI, ч. II, I, III, IV, V, VII, часть III, I; кампанія 1811 г. IV, V, VI; 1812 г. II), подтверждая свои выводы не только соответственными ссылками на источники, но и включеніемъ въ текстъ наиболѣе важныхъ документовъ и заставляя, такимъ образомъ, высказываться самихъ дѣятелей въ этой войнѣ о всемъ, что касалось мотивовъ принятыхъ ими рѣшеній и оцѣнки тѣхъ или другихъ трудныхъ положеній, которыя имъ приходилось переживать; короче авторъ, какъ бы опасаясь *говорить отъ себя* (что главнымъ образомъ дѣлается Михайловскимъ-Данилевскимъ), стремится къ тому, чтобы быть возможно *объективнымъ*.

Подобный способъ изложенія весьма естественнымъ путемъ приводитъ автора ко включенію въ политическій отдѣлъ его сочиненія *массы новаго матеріала*, впервые появляющагося въ печати у насъ и представляющаго полную картину всей дипломатической переписки и переговоровъ по замиренію съ Турціею и по сношеніямъ съ иностранными дворами. Сюда относятся: переговоры о Слободзейскомъ перемиріи 1807 г. (ч. I, стр. 267 — 277); Парижскіе переговоры въ 1808 г. (ч. II, 27 — 31); описаніе революцій въ Константинополѣ въ 1807 г. (ч. I, 171 —

174) и въ 1808 г. (ч. II, 75 — 85); выясненіе авторомъ истиннаго значенія Эрфуртскаго свиданія (ч. II, 96 — 104).

Сверхъ того, весьма обстоятельно изложены: сношенія нашихъ главнокомандующихъ съ визиремъ и другими турецкими и персидскими государственными дѣятелями и вообще особенный характеръ дипломатическихъ сношеній съ турками¹⁾; ходъ Ясскихъ переговоровъ въ 1809 г. (II, 1808 г., VII), а также Журжинскихъ (ч. III, кампанія 1811 г., VI) и Бухарестскихъ конференцій (ч. III, кампанія 1811 г., IV и VI), прибавившихъ къ славіи замѣчательнаго полководца Кутузова и репутацію высокоталантливаго дипломата.

Нельзя при этомъ не упомянуть о томъ особомъ вниманіи, съ какимъ авторъ относится къ описанію политическихъ и военныхъ событій въ *Сербіи*, которыя, по отношенію ко всей войнѣ 1806—12 г.г., входя въ нее какъ часть, какъ эпизодъ, разыгрывавшійся на одномъ изъ второстепенныхъ театровъ, должны бы быть изложены въ полнотѣ, соотвѣтствующей лишь тому

¹⁾ Особый характеръ дипломатическихъ сношеній съ турками, излишнее довѣріе съ нашей стороны, хитрѣйшіе приемы и необыкновенная изворотливость въ затягиваніи переговоровъ турецкими дипломатами, и наконецъ какъ слѣдуетъ вести переговоры съ турками, все это весьма мѣтко изображено авторомъ въ послѣдней главѣ ч. III (стр. 421—423).

«Какъ слѣдуетъ переговаривать съ турками, говоритъ онъ, правильнѣе всѣхъ понималъ гр. Румянцевъ-Задунайскій. Онъ понялъ, что Турція уступаетъ только давленію силы и вынуждается на уступки одними обстоятельствами, которыхъ она, въ данную минуту, отвратить не можетъ. Поэтому онъ, истощивъ всѣ усилія въ безплодныхъ переговорахъ, рѣшился не перомъ, а штыкомъ писать договоры. Турецкимъ дипломатамъ, пріѣхавшимъ въ его главную квартиру для переговоровъ, онъ предложилъ слѣдовать за арміею, которую онъ велъ противъ послѣдняго убѣжища визиря въ Шумаѣ, и переговоры велись на привалахъ, во время остановки арміи для отдыха. Только этимъ путемъ онъ и могъ заставить турокъ дѣлать уступки и подписать миръ, заключенный, по словамъ Румянцева, военною ухваткою».

«Такъ думалъ и кн. Багратионъ, говоря, что штыкъ есть лучший дипломатъ въ переговорахъ съ турками и что о мирѣ съ ними нужно трактовать въ палаткѣ русскаго главнокомандующаго, а самый миръ долженъ быть подписанъ на барабанѣ или на спинѣ визиря».

Опытъ нашихъ войнъ съ азіатскими народами вполне оправдываетъ вѣрность такого взгляда, за которымъ и слѣдуетъ признать значеніе руководящаго начала въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ ними.

вліянію, какое ими было обнаружено на ходъ событій на главномъ театрѣ, Дунайскомъ, то отвлекая въ эту сторону наши силы, то притягивая къ себѣ силы турокъ. А. Н. Петровъ, увлекаясь стремленіемъ опровергнуть иностранныхъ писателей, доказывающихъ, что *въ войнахъ съ Турціею Россія преслѣдовала исключительно свои личные интересы и только пользовалась враждебнымъ Портъ настроеніемъ ея христіанскихъ подданныхъ* (все *предисловіе* къ сочиненію исключительно и посвящено этому вопросу), даетъ уже излишне широкое развитіе описанію политическихъ и военныхъ событій въ Сербіи въ войну 1806—12 г.г., въ такой мѣрѣ, что если бы все это выдѣлить въ особую книгу, то вышло бы вполне цѣльное и правдивое сочиненіе о положеніи Сербіи въ эту войну, сочиненіе, какого еще пока не появлялось въ печати и которое основательно доказываетъ, что: 1) Сербія обязана Россіи своею независимостью; 2) Россія выработала для нея первыя основанія ея конституціи; 3) Россія поддерживала сербовъ въ борьбѣ за ихъ независимость деньгами, оружіемъ и войсками, и 4) Австрія постоянно интриговала противъ сербовъ, стараясь отвлечь ихъ отъ Россіи и привлечь на свою сторону ¹⁾).

Цѣль, поставленная себѣ авторомъ при изслѣдованіи событій въ Сербіи, если и не вполне оправдываетъ излишнее распространеніе этого отдѣла до предѣловъ чуть-ли не самостоятельнаго сочиненія, нарушающаго соразмѣрность между частями цѣлаго, то во многомъ извиняетъ это увлеченіе.

Во всемъ остальномъ слѣдуетъ признать *политическій* отдѣлъ за одну изъ самыхъ сильныхъ частей разбираемаго сочиненія.

¹⁾ Политическія статьи автора о Сербіи въ войнѣ 1806—12 г.г., напечатанныя въ «Военномъ Сборникѣ» (1866 г.), несмотря на не совсѣмъ дѣльные отзывы о сербскихъ дѣятеляхъ и даже объ ихъ народномъ вождѣ, Черномъ Георгіи, были переведены на сербскій языкъ и помѣщены въ журналѣ «Ратникъ».

II

Настолько же обстоятельно и подробно, и притомъ *въ первый разъ*, разработана и *военно-административная* сторона войны 1806—12 г.г., *устройство продовольственной части, разнаго рода складовъ, перевозочныхъ средствъ, госпиталей*, эта *изнанка дѣла*, обходимая прежними военно-историческими писателями, которой, какъ выше приведено, Михайловскій-Данилевскій касается лишь крайне рѣдко и притомъ весьма поверхностно, между тѣмъ какъ, по вліянію своему на стратегическія операціи, она чрезвычайно важна вообще и въ частности по отношенію къ операціямъ именно на Балканскомъ полуостровѣ, вслѣдствіе его особенностей.

Военно-административная подготовка операцій важна *вообще*, такъ какъ ею обусловливаются: бѣльшая или мѣньшая быстрота въ ихъ веденіи; бѣльшая или мѣньшая тяжеловѣсность армій; бѣльшая или мѣньшая уязвимость тыла армій, чувствительность ихъ сообщеній; бѣльшая или мѣньшая свобода и безопасность въ маневрированіи; наконецъ и самая возможность или невозможность тѣхъ либо другихъ операцій. «Какимъ бы образомъ, говоритъ одинъ изъ авторитетнѣйшихъ стратегическихъ писателей, генераль Клаузевиць, ни было устроено снабженіе войскъ: запасами изъ магазиновъ или путемъ реквизицій, этимъ обстоятельствомъ создаются такого рода затрудненія, что ему должно принадлежать *первенствующее значеніе*¹⁾ при обсужденіи вопроса объ операціяхъ. Нерѣдко оно препятствуетъ приведенію въ исполненіе наибѣль дѣйствительныхъ комбинацій и вынуждаетъ армию искать средствъ къ пропитанію, вмѣсто того, чтобы искать побѣду, и заботиться о неизбѣжно-необходимомъ, вмѣсто того, чтобы думать о блескѣ успѣха. Именно этотъ вопросъ о запасахъ и придаетъ всю матеріальную тяжеловѣсность машинѣ

¹⁾ И эта важная сторона дѣла такъ безперемонно обходилась до сихъ поръ въ описаніяхъ военныхъ событій!

и такъ сильно задерживаетъ ея дѣйствія, не позволяя имъ подняться на высоту грандіозныхъ предначертаній»¹⁾. Что, напр., было причиною болѣе чѣмъ двухмѣсячнаго перерыва (съ конца февраля до конца мая) въ главныхъ операціяхъ въ Русско-Прусско-Французскую войну 1807 г.? Отчасти—обстоятельства политическія, но главнымъ образомъ — скудость продовольственныхъ запасовъ, которую въ сильной степени ощущали не только русскіе, но и французы.

«Въ настоящую минуту, писалъ Наполеонъ Талейрану (изъ Остероде, 10 марта), *судьба Европы и всѣхъ высшихъ расчетовъ зависитъ отъ продовольственныхъ запасовъ. Разбить русскіе, если бы только я имѣлъ достаточно хлѣба, было бы дѣломъ легкимъ*»²⁾.

Это признаніе Наполеона служитъ лучшимъ подтвержденіемъ вышеприведеннаго взгляда Клаузевица.

Если таково значеніе устройства продовольственной части въ арміи вообще, то въ турецкихъ войнахъ, въ частности, вслѣдствіе разнаго рода особенныхъ условій, оно получаетъ еще болѣшую важность, какъ это видно изъ слѣдующей выдержки приводимаго А. Н. Петровымъ (ч. I, стр. 76) донесенія Михельсона Государю отъ 25 іюня 1806 г. Въ немъ Михельсонъ говоритъ, что «въ Молдавіи и Валахіи войска русскія могутъ разсчитывать только на тѣ продовольственныя средства, какія *привезутъ* съ собою. Страна хлѣбомъ бѣдна, а все богатство жителей состоитъ въ садахъ, кукурузѣ, пшеницѣ, просѣ и ячменѣ, которые намъ не совсѣмъ пригодны. Сверхъ того жители разбѣгаются отъ страха, ибо у турокъ тѣмъ начинается война, что разоряютъ и опустошаютъ край, который удержать не надѣются». Отсюда Михельсонъ выводитъ необходимость имѣть при арміи въ значительномъ числѣ *подвижныя запасы*. Затѣмъ А. Н. Петровымъ описываются всѣ хозяйственныя распоряженія по

¹⁾ «О войнахъ», VI, 345; французскій переводъ.

²⁾ Thiers—«Histoire du consulat et de l'empire», VII, 453.

молдавской арміи передъ началомъ войны (ч. I, 74—78 и приложенія №№ 10 и 11), съ полной обстоятельностью.

Въ какой мѣрѣ легко къ этому же вопросу относится Михайловскій-Данилевскій въ «Описаніи Русско-Турецкой войны 1806—12 г.г.» видно изъ слѣдующаго. На стр. 18 (ч. I) онъ говоритъ: «Въ ноябрѣ 1806 г., *окончивъ приготовленія* къ походу, Михельсонъ отдалъ слѣдующія приказанія...». *Окончивъ приготовленія* къ походу и только, а въ чемъ они заключались—не упоминается ни слова. Такъ легко Михайловскій-Данилевскій отдѣливается отъ разсмотрѣнія одного изъ весьма существенныхъ вопросовъ; но что еще болѣе странно, такъ это то, что, не помѣстивъ описанія этихъ предварительныхъ, *подготовительныхъ* къ открытію похода распоряженій по хозяйственной части, онъ, хотя и въ весьма бѣгломъ очеркѣ, далѣе приводитъ распоряженія, которыя по той же части были сдѣланы въ зиму 180⁶/₇ г. г., уже послѣ занятія нами княжествъ (ч. I, 29—31). Странно говорить о перенесеніи магазиновъ, не упомянувъ гдѣ они прежде были расположены, начинать, такимъ образомъ, описаніе извѣстнаго дѣла со середины его развитія, обойдя начало. Подобно тому, какъ военныя операціи извѣстной кампаніи возникаютъ одна изъ другой, имѣютъ свою преемственность, свое историческое развитіе, точно такъ же и хозяйственныя распоряженія, *подготавлиющія* и *сопровождающія* эти операціи. Сверхъ того, Михайловскій-Данилевскій до того поверхностно относится къ этому вопросу, что о столь важномъ для войны въ Турціи *подвижномъ магазинѣ* онъ только упоминаетъ.

Вообще къ устройству *военно-административной* части, какъ уже приведено, Михайловскій-Данилевскій относится крайне легко и какъ бы мимоходомъ, въ то время какъ въ сочиненіи А. Н. Петрова встрѣчается къ нему вполне серьезное отношеніе. Описанію cadaго похода предпослано обстоятельное изложеніе всѣхъ распоряженій по хозяйственной части ¹⁾. Въ этомъ

¹⁾ 1807 г. ч. I, 134—139; 1808 г. ч. II, 32—57 и прилож. № 1, VIII, 195—200; 1809 и 1810 г.г. ч. II, XV, 437—450 и ч. III, II, 18—20.

отношеніи только походъ Кутузова въ 1811 г. составляетъ исключеніе и вѣроятно потому, что автору не удалось найти въ архивѣ необходимаго для того матеріала (во всякомъ случаѣ, это слѣдовало бы оговорить).

III

Переходя къ самому существенному отдѣлу, *военному (стратегическому и тактическому)*, слѣдуетъ отдать полную справедливость, во всемъ касающемся описанія военныхъ операций въ *частности*, стремленію автора къ оправданію фактическаго изложенія массою приводимыхъ подлинныхъ документовъ, — его *документальности*, а равно и къ обоснованію описываемыхъ фактовъ путемъ критическаго разбора ихъ, отнесенія къ вызывавшимъ ихъ причинамъ. Въ послѣднемъ отношеніи обращаютъ на себя особое вниманіе: 1) описаніе всей *операции Милорадовича подѣ Бухарестомъ*, включая *сраженіе при Обилешти*, въ концѣ мая и началѣ іюня 1807 г. (ч. I, стр. 174—195); 2) *наступательная операція князя Багратіона* въ 1809 г. противъ турецкаго вспомогательнаго корпуса, двигавшагося для освобожденія Силестріи отъ осады, приведшая къ сраженію при Татарциѣ (9 и 10 октября; ч. II, 377—389); 3) *дѣйствія графа Каменскаго 2-го въ 1810 г. подѣ Руцукомъ* (ч. III и VI); 4) *вся кампанія Кутузова въ 1811 г.*, бой подѣ Руцукомъ и плѣненіе *арміи визиря* (ч. III, II и III).

Въ то же время нельзя не отмѣтить и нѣкоторыхъ *недостатковъ* въ сочиненіи А. Н. Петрова, между которыми наиболѣе важный — недостатокъ *цѣльности* въ описаніи операций, часто довольно запутанныхъ и разыгрывавшихся на нѣсколькихъ театрахъ военныхъ дѣйствій въ извѣстной внутренней связи между собою. При такихъ условіяхъ, цѣльность въ описаніи и получаетъ особенно важное значеніе. Безъ нея нельзя выяснитъ ни относительнаго значенія частныхъ фактовъ, ни связи

между ними, ни отношенія ихъ къ цѣлому, ко всей операціи, а все это настолько существенно необходимо, что *безъ этого нѣтъ собственно стратегіи*, задача которой и состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы «*смотреть*» на дѣло, какъ бы оно ни было сложно, «*въ цѣломъ*». Такимъ образомъ, чтобы не поступиться столь важною стратегическою стороною дѣла, разъ-какъ работа сведенія частностей въ стройное, гармоническое цѣлое или обобщена *писателемъ*, или не доведена до конца, то она всецѣло ложится *на читателя*, который, напротивъ, требуетъ и въ правѣ требовать отъ автора «*готоваго*». Сочиненіе, не удовлетворяющее этому требованію, прежде всего вредитъ самому себѣ, такъ какъ оно не можетъ уже разсчитывать на обширный кругъ читателей.

Причина недостаточной цѣльности въ описаніи военныхъ событій заключается въ томъ, что авторъ въ изложеніи ихъ слишкомъ строго придерживается *хронологическаго порядка*, отодвигая на второй планъ *логическій порядокъ*. Обратнаго направленія держится Михайловскій-Данилевскій, сочиненіе котораго, какъ выше приведено, не только внѣ подобнаго упрека, но цѣльность въ изложеніи описываемыхъ событій составляетъ именно самую сильную сторону его, пожалуй, даже единственное его достоинство. Новѣйшее сочиненіе А. Н. Петрова, при всѣхъ остальныхъ своихъ достоинствахъ, устраняющихъ массу недостатковъ (указанныхъ выше) сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго, не мало выиграло бы, если бы первый изъ этихъ авторовъ заимствовалъ у второго то, что составляетъ главную силу въ трудѣ его предмѣстника, именно *весь планъ сочиненія*, представляющій замѣчательное *генеральное размежеваніе* всѣхъ явленій Русско-Турецкой войны 1806—12 г.г.

Въ хронологическомъ порядкѣ развитіе операціи начинается съ организаціи арміи, устройства базы, сосредоточенія къ ней запасовъ и войскъ и маршей-маневровъ, *подготавливающихъ* ея рѣшеніе, и заканчивается въ боѣ, съ его послѣдствіями, *рѣшающимъ* судьбу операціи.

Но все это должно развиваться въ томъ или другомъ *направленіи* на пути къ намѣченной той или другой *цѣли*, т. е. согласно той или другой *основной идее*, царящей надъ всѣмъ дѣломъ. Изъ нея развивается вся сложная стратегическая операція со всѣми ея частными задачами, которыя опять-таки посредствомъ нея связываются въ одно стройное логическое цѣлое.

Съ приведенія и разбора этой основной идеи (плана, замысла) операція и должно начинаться описаніе ея и затѣмъ такъ вестись въ частностяхъ, чтобъ она ни на минуту не забывалась читателемъ и не заслонялась неловкою группировкой подробностей. Все должно быть къ ней отнесено, и въ каждой частности она должна проявлять себя.

Такова *логическая послѣдовательность* въ описаніи событій, для удовлетворенія требованіямъ которой нерѣдко приходится отступать отъ хронологическаго порядка, особенно въ описаніяхъ дѣйствій, имѣющихъ второстепенное значеніе. Подобнымъ образомъ строго *упорядоченное* изложеніе Военной Исторіи необыкновенно облегчаетъ изученіе ея.

Въ подтвержденіе вышесказаннаго, я приведу, правда, наименѣе удавшійся въ этомъ отношеніи отдѣлъ изъ сочиненія А. Н. Петрова, начало похода 1807 г. (Михельсона), и сравню его, съ точки *плана изложенія*, съ соответствующимъ отдѣломъ въ сочиненіи Михайловскаго - Данилевскаго.

Описаніе похода 1807 г., приведя составъ и расположеніе русской арміи, Михайловскій-Данилевскій (ч. I, стр. 38) начинаетъ съ *общаго плана нашихъ дѣйствій для всего театра войны*, по которому Михельсонъ, на *главномъ театрѣ*, на Дунаѣ, долженъ былъ дѣйствовать оборонительно, въ виду его слабыхъ силъ, а наступательныя дѣйствія предполагались на *боковыхъ театрахъ*, на Черномъ морѣ и въ Грузіи.

Послѣ *общаго плана* для всего театра войны, Михайловскій - Данилевскій переходитъ къ изложенію вытекавшаго изъ него *частнаго плана* Михельсона, собственно для главнаго театра, т. е. *главнымъ предметомъ дѣйствій ставитъ овладѣ-*

ніе *Измаиломъ съ обороною на остальныхъ пунктахъ* (Днѣпровскія крѣпости, Бухарестъ, со стороны Браилова и Силистріи).

По ознакомленіи читателя съ основною идеей операціи на Дунаѣ, Михайловскій - Данилевскій описываетъ событія по отношенію ихъ къ главной операціи противъ Измаила, изложеніе которой и составляетъ магистральную линію всего разсказа.

Начавъ съ неудачнаго для насъ дѣла при Кубіи (по Петрову — Куйбей, 13 февраля), *вызваннаго наступленіемъ изъ Измаила Пегливана - пашы*, Михайловскій - Данилевскій обращается къ приближенію корпуса Мейндорфа къ Измаилу и обложенію имъ послѣдняго. Далѣе описываются: наступленіе Михельсона къ Журжѣ и сраженіе при Турбатѣ (5 и 6 марта), какъ отмѣтка за пораженіе при Кубіи и главнымъ образомъ для *отвлеченія турецкихъ силъ отъ главнаго предмета дѣйствій, отъ крѣпости Измаила*. Затѣмъ слѣдуютъ: *дѣйствія подъ Измаиломъ до прибытія главнокомандующаго*¹⁾; планъ наступленія турокъ къ Бухаресту; перерывъ въ исполненіи его, вслѣдствіе революціи въ Константинополѣ; исполненіе этого плана, приведшее къ сраженію при Обилешти, и потомъ—*окончаніе дѣйствій подъ Измаиломъ и сербскія дѣла*²⁾.

Такъ естественно, съ полнымъ удовлетвореніемъ логикѣ и хронологіи, распланировано Михайловскимъ - Данилевскимъ описаніе событій на главномъ театрѣ въ 1807 г. Внутренняя связь между ними ни на минуту не упускается изъ вида; общимъ центромъ всего, какъ то и должно быть, является главный предметъ дѣйствій, крѣп. Измаилъ. Если Михайловскій - Данилевскій, доведя разсказъ о дѣйствіяхъ подъ Измаиломъ до конца мая, и уклонился къ Бухаресту и къ константинопольской революціи, то единственно потому, что хотя крѣп. Измаилъ и была все время главнымъ предметомъ дѣйствій, но подъ этой крѣпостью, вслѣдствіе энергическихъ вылазокъ Пегливана, а главное по недостатку войскъ и неимѣнію осадной

¹⁾ Все это составляетъ содержаніе главы IV.

²⁾ Содержаніе главы V.

артиллеріи (?), все дѣло съ нашей стороны ограничивалось только *сидѣніемъ* съ отраженіемъ вылазокъ.

Такого строго-упорядоченнаго описанія похода 1807 г. не встрѣчается у А. Н. Петрова.

Прежде всего у него *отсутствуетъ общій планъ*, обнимающій всѣ театры. Правда, и у Данилевскаго онъ приведенъ, по обыкновенію, безъ ссылокъ на документы. При склонности этого писателя, какъ выше указано, нерѣдко ставить свое воображеніе на мѣсто фактовъ, можетъ быть, и планъ, имъ сообщаемый, измышленъ. Если бы даже этого плана и не было, то, вѣроятно, существовалъ другой, но его А. Н. Петровъ не привелъ. Слѣдовательно, не было никакого плана, а царя *безпланность*. Такъ это слѣдовало бы констатировать, чего не сдѣлано, такъ что читатель, по этому существенно-важному вопросу, *исходной точкой для всего похода*, принужденъ гадать только въ догадкахъ. Съ одной стороны, судя по общей оцѣнкѣ дѣйствій Михельсона, въ нихъ господствовала *безпланность* (въ послѣдней главѣ ч. III, *Общемъ обзорѣ турецкихъ войнъ съ 1769 по 1812 г. г.*, на стр. 426, дѣлая рѣзкій приговоръ о дѣйствіяхъ Потемкина: «стратегическихъ цѣлей у него не было никакихъ, а были только случайныя встрѣчи и возня съ крѣпостями», — авторъ буквально примѣняетъ это и къ Михельсону: «тоже и у Михельсона»); съ другой же стороны казалось бы, что по крайней мѣрѣ *общій планъ* у насъ былъ, такъ какъ, приступая къ описанію дѣйствій на Кавказѣ (ч. I, стр. 288), А. Н. Петровъ говоритъ: «При составленіи *общаго плана* войны противъ Турціи, нельзя было оставить безъ вниманія наши азіатскія границы на Кавказѣ...», а между тѣмъ этотъ общій планъ нигдѣ не приведенъ.

Указавъ расположеніе арміи Михельсона въ началѣ 1807 г., А. Н. Петровъ приводитъ планъ наступленія турокъ къ Бухаресту, не упоминая пока о нашемъ планѣ на главномъ театрѣ, и, слѣдуя хронологическому порядку, подробно описываетъ ничего не значащій бой при Курманкуя (на двухъ страницахъ,

140—142), о которомъ вполне достаточно было бы развѣ только упомянуть; далѣе авторъ переходитъ къ описанію боя при Куйбей и затѣмъ только, и то какъ бы мимоходомъ (на стр. 148 ч. I), наконецъ, излагаетъ планъ Михельсона: «Генераль Михельсонъ дѣйствительно рѣшилъ овладѣть Измаиломъ, для чего назначилъ корпусъ Мейндорфа. Но чтобы не дозволить непріятелю выслать къ Измаилу подкрѣпленіе, рѣшено было сдѣлать движеніе корпусомъ гр. Каменскаго къ Браилову, а корпусомъ Милорадовича — къ Журжѣ...». Далѣе слѣдуютъ: дѣйствія подъ Журжею, сраженія при Турбатѣ и Журжѣ (5 и 6 марта), вскользь (въ трехъ строкахъ) упоминается о подходѣ корпуса Мейндорфа къ Измаилу (*главному предмету дѣйствій*) и о началѣ блокады его; дѣйствія подъ Измаиломъ отнесены въ самый конецъ описанія похода, гдѣ всѣ они, отъ начала до конца, до 12-го іюня, сведены въ особую главу (IV, 195—214), авторъ же обращается къ обзору весьма второстепенныхъ дѣйствій гр. Каменскаго подъ Браилowymъ и затѣмъ, въ гл. II, описываетъ внутреннія неурядицы въ Турціи, а въ главѣ III — дѣйствія подъ Бухарестомъ.

Такое изложеніе, въ которомъ не дается сначала общая идея операціи и описаніе второстепенныхъ дѣйствій, какъ бы они замѣчательны ни были сами по себѣ, ставится на первомъ планѣ, а описаніе дѣйствій на главномъ пунктѣ, какъ бы они ни были блѣдны, относится въ самый конецъ, отвлекающее вниманіе читателя въ сторону, нельзя признать вполне цѣльнымъ и строго упорядоченнымъ.

Съ точки *цѣльности изложенія*, походъ 1807 г. представляеть наиболѣе слабую часть сочиненія. Несравненно болѣе упорядочено описаніе похода 1809 г. кн. Прозоровскаго и кн. Багратіона и особенно походъ 1810 г. гр. Каменскаго 2-го.

Такимъ образомъ, въ походѣ 1810 г. гр. Каменскаго 2-го, въ виду направленія главной операціи на Силистрію и Шумлу (ч. III, 36), А. Н. Петровъ начинаетъ изложеніе событій этого похода съ движенія главныхъ силъ на Силистрію и Шумлу. Доведа ихъ до Силистріи и описавъ обложеніе этой крѣпости (испол-

ненное 23-го мая), авторъ временно приостанавливаетъ на этомъ разсмотрѣніе дѣйствій подъ Силистрією и обращается къ описанію дѣйствій на флангахъ, Засса подъ Туртукаемъ и гр. Каменскаго 1-го подъ Базарджикомъ, чтò и вполне оправдывается не только хронологическимъ порядкомъ (Туртукай и Базарджикъ были нами заняты ранѣ паденія Силистріи, 1-й — 25-го, 2-й — 22-го, а Силистрія 30-го мая), но и причиною чисто логическаго характера, тѣмъ моральнымъ вліяніемъ, которое обнаружило паденіе ихъ на гарнизонъ Силистріи, на успѣхъ ея осады, по отношенію къ коимъ взятіе этихъ пунктовъ является *подготовительнымъ актомъ* (понимая подготовку въ самомъ широкомъ смыслѣ). Такое расположеніе разсказа не только даетъ понятіе о трехъ отдѣльныхъ фактахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ выясняетъ и внутреннюю связь между ними, а это — главное.

Несмотря на несравненно бôльшую *упорядоченность* въ изложеніи военныхъ дѣйствій въ *знаменательную кампанію Кутузова 1811 г.*, сравнительно съ описаніемъ военныхъ дѣйствій въ другія кампаніи (исключая похода 1810 г.), чтò, впрочемъ, и не должно было представлять особенной трудности въ виду цѣльности замысла операціи и цѣльности въ исполненіи ея, оно выходитъ несравненно цѣльнѣе въ сочиненіи Михайловскаго-Данилевскаго, чѣмъ въ сочиненіи А. Н. Петрова.

Послѣ мастерской сводки, на двухъ страницахъ (II, 152, 153), походовъ всѣхъ предшественниковъ Кутузова: Михельсона, Прозоровскаго, Багратіона и гр. Каменскаго 2-го¹⁾), — изъ которыхъ два послѣдніе располагали не малыми арміями, не достигнувъ, въ 5 лѣтъ войны, другихъ результатовъ, какъ-только обладанія обоими берегами Дуная, отъ его устья до Никополя, не разгромивъ арміи визиря, — Михайловскій-Данилевскій настолько же мастерски набрасываетъ картину крайне труднаго по-

¹⁾ Сводитъ повременамъ въ одно цѣлое подробности того или другого періода кампаніи — это тоже весьма хорошій приемъ для облегченія восстановленія цѣльности картины, приемъ, къ которому нерѣдко обращается Михайловскій-Данилевскій; у А. Н. Петрова мы его почти не встрѣчаемъ.

ложенія Кутузова, поставленнаго въ необходимость оборонять съ армією, уменьшеною до 46 т., Дунай на протяженіи до 1000 верстъ. Не менѣе мастерски, въ цѣльной картинѣ, онъ приводитъ и всю ту совокупность мѣръ, которыя были приняты Кутузовымъ, чтобы, насколько то возможно, разрѣшить крайне трудную, поставленную ему, задачу, пуская въ ходъ для этого на первый разъ чисто *военныя средства*, какъ-то: возможное сокращеніе стратегическаго фронта путемъ сосредоточенія главныхъ силъ къ центру, Бухаресту и Рущуку; уничтоженіе укрѣпленій Силистріи и Никополя; возвращеніе всѣхъ войскъ, кромѣ находившихся у Рущука, съ праваго берега на лѣвый, съ оставленіемъ для *ближайшаго* бокового обезпеченія, приблизительно въ трехъ переходахъ вправо и влѣво, отрядовъ Войнова у Слободзеи и Турчанинова у Турно. *Дальнѣйшее* боковое охраненіе возлагается Кутузовымъ на отряды Засса, въ Краіовѣ (200 верстъ отъ Бухареста), и Тучкова, съ флотилією на нижнемъ Дунаѣ. Такимъ образомъ передъ нами полная картина расположенія, хотя и слабой числомъ, арміи почти на 1000 верстъ и притомъ расположенія сосредоточеннаго, съ возможностью собрать въ три дня у Рущука главные силы (38 баталіоновъ, 51 эскадронъ и 4 казачьихъ полка). Приведенная картина, однако, несовсѣмъ еще полна, такъ какъ правый флангъ всѣ-таки недостаточно обезпеченъ; но войскъ на это не достаетъ, и Кутузовъ, избѣгая во что бы ни стало разброски своихъ слабыхъ силъ, приказываетъ Зассу дѣйствовать *подкупомъ* и *угрозами* на видинскаго муллу-пашу; короче, вслѣдствіе слабости въ силахъ, Кутузовъ пускаетъ въ ходъ все что только можно, и тѣмъ достигаетъ замѣчательнаго рѣшенія многотрудной стратегической задачи.

Все это есть и у А. Н. Петрова (ч. III, стр. 249—265) и притомъ съ гораздо большими фактическими подробностями, но такъ сгруппированными, что ими затмѣвается представленіе цѣлаго.

Тоже замѣчается и въ описаніи самыхъ операцій, которыя

ведутся по двумъ операціоннымъ направленіямъ, на Рущукъ (главное) и отъ Виддина къ нашему правому флангу (побочное). Тѣсная связь между этими двумя операціонными линиями, зависимость между операціями на той или другой заставляють, конечно, отъ описанія однѣхъ переходить къ описанію другихъ; но въ то время, какъ Михайловскій-Данилевскій, въ виду *цѣльности описанія*, нашелъ возможнымъ сдѣлать это только одинъ разъ, А. Н. Петровъ въ описаніи военныхъ дѣйствій непрерывно переходитъ отъ одного направленія къ другому, что развлекаетъ вниманіе читателя и опять-таки вредитъ цѣльности представленія картины операцій.

Вообще этотъ недостатокъ, то въ большей, то въ меньшей степени проходитъ черезъ все сочиненіе.

Особенно важное значеніе *плановъ операцій, правильной постановки цѣли ихъ и выбора направленія*, короче—выработки *правильной основной идеи операціи*, какъ отправной точки для правильнаго рѣшенія всѣхъ частныхъ задачъ, обратило на себя полное вниманіе автора, какъ это ближе всего подтверждается приводимыми имъ то въ большей, то въ меньшей подробности планами всѣхъ кампаній (за исключеніемъ указаннаго выше общаго плана похода 1807 г.). Мало того, имъ приводится (ч. II, стр. 422—437 и прил. № 9) полностью, хотя и оставшійся безъ примѣненія вслѣдствіе назначенія новаго главнокомандующаго, *замѣчательный планъ кн. Багратіона къ открытію похода 1810 г.* Планъ этотъ не только подвергается авторомъ всесторонней критической оцѣнкѣ, но, прилагая его къ условіямъ нашей послѣдней войны въ Турціи (1877—78 г.г.), А. Н. Петровъ находитъ его вполне пригоднымъ къ обстановкѣ этой войны и ставитъ его гораздо выше того плана, которому мы въ ней слѣдовали, въ чемъ нельзя и не согласиться съ нимъ. Планъ этотъ, къ сожалѣнію, до настоящаго времени не былъ извѣстенъ и *является лишь въ пер-*

выи разъ съ печати, въ чемъ слѣдуетъ признать не малую заслугу со стороны А. Н. Петрова. По поводу этого, приводя замѣчательно вѣрное мнѣніе Миля: «въ наше время лучше всѣхъ думаетъ тотъ, кто лучше другихъ знаетъ мысли своихъ предшественниковъ», авторъ высказываетъ вполне справедливое сожалѣніе, что «разработка военно-историческихъ сочиненій у насъ ведется безъ системы и лишь случайно таковыя появляются въ свѣтъ. Поэтому и планъ кн. Багратіона оставался по сіе время неизвѣстнымъ» (ч. II, 434).

Послѣ такого серьезнаго отношенія къ приводимымъ имъ въ текстѣ сочиненія планамъ нашихъ главнокомандующихъ, нѣсколько странное впечатлѣніе производитъ его заключительный выводъ по этому же предмету въ послѣдней главѣ ч. III (Общій обзоръ войнъ въ Турціи съ 1769 по 1812 г.г.), гдѣ на стр. 426 говорится о полнѣйшей *безпланности* въ нашихъ дѣйствіяхъ. Мы начинали войны съ Турціею, не зная ни ея естественныхъ условій, ни военныхъ средствъ и не имѣя даже картъ, которыя уже составлялись во время войны. Натурально, что при такихъ условіяхъ единственной цѣлью войны было только бить турокъ, гдѣ бы они ни встрѣтились (это, замѣтимъ, и составляетъ прежде всего главную цѣль всѣхъ операцій), и *самая война* велась какъ бы ошупью или, какъ удачно сказалъ одинъ изъ современниковъ: «война съ турками до сихъ поръ похожа была на игру дѣтей въ жмурки, гдѣ каждый ловить другаго, не умѣя себѣ сказать какъ и гдѣ онъ кого поймалъ». Такимъ образомъ выходитъ, что въ турецкихъ войнахъ все предоставлялось нами только одному *слѣпому случаю, а расчетъ вполне отсутствовалъ*.

Приговоръ этотъ, конечно, не вѣренъ и никакъ не вяжется съ доводами автора, приводимыми въ текстѣ 3-хъ-томнаго его сочиненія.

Нѣтъ сомнѣнія, что планы нашихъ главнокомандующихъ были не безъ недостатковъ, даже крупныхъ, на которые авторъ въ своемъ мѣстѣ и указываетъ; но чтобъ у нихъ не было вовсе плановъ — это опровергается само собою. Этотъ строгій приго-

воръ А. Н. Петровъ относить главнымъ образомъ къ Михельсону и Прозоровскому.

Позволяя себѣ остановиться только на послѣднемъ, который хотя и дѣйствовалъ въ 1809 г. весьма неудачно (неудачные штурмы Журжи и Браилова), но *мыслимъ* недурно, какъ это видно изъ представленнаго имъ государю въ декабрѣ 1807 г. операционнаго плана, приводимаго по существу Михайловскимъ-Данилевскимъ (ч. I, стр. 124—127) и на этотъ разъ—со ссылкой на документъ, на донесеніе 21-го декабря 1807 г. ¹⁾.

¹⁾ Это, по моему мнѣнію, весьма важный документъ, важный хотя и не по отношенію къ тому, какъ фактъ совершился (планъ этотъ не осуществился на дѣлѣ), а по отношенію къ *внутренней сторонѣ* дѣла, къ *идейной работѣ* нашихъ главнокомандующихъ, и въ особенности важный для выясненія истиннаго значенія первенствующаго на войнѣ фактора, *силы*, по отношенію къ которому и опредѣляется значеніе (*относительное*) всѣхъ остальныхъ,—фактора *столь часто забываемаго, забытаго* въ эту войну на самомъ верху, ставившемъ нашимъ главнокомандующимъ цѣли, значительно превышавшія ихъ средства, и *забытаго* наконецъ, въ заключительныхъ выводахъ (въ концѣ ч. III), и самимъ авторомъ.

Мало того, коренная причина продолжительности нашей послѣдней войны съ Турціею (1877—78 г.г.) и неудачъ, испытанныхъ нами, заключалась въ томъ же забвеніи важнаго значенія на войнѣ основного фактора *силы*, въ пренебреженіи къ одному изъ законовъ стратегіи, который такъ искусно примѣнялся къ дѣлу великими стратегами, именно: закону крайняго напряженія *всѣхъ силъ, одновременнаго развертыванія, въ самомъ началѣ войны* (кампаніи, операциі), *всѣхъ силъ, которыми только можно располагать, не опасаясь назначить для этого слишкомъ мною войскъ, а скорѣе—обратнаго, назначить слишкомъ мало*. Этотъ законъ въ особенности мастерски примѣнялся къ дѣлу величайшимъ изъ стратеговъ, Наполеономъ I, и пруссаками въ послѣднихъ ихъ войнахъ.

Начинать наши войны съ недостаточными силами, не только турецкія, но и всѣ вообще,—это наша застарѣлая, хроническая болѣзнь, съ полной откровенностью, между прочимъ, поставленная намъ на видъ въ 1-мъ изданіи сочиненія Сарматикуса: «Театръ войны въ Польшѣ».

Въ заключеніи, дѣлая оцѣнку нашимъ сильнымъ и слабымъ сторонамъ, вообще всѣмъ тѣмъ факторамъ, которые необходимо принять въ расчетъ при составленіи плана войны противъ насъ, на стр. 66, ч. II, онъ говоритъ, что «при оцѣнкѣ степени боевой готовности русской арміи, сравнительно съ сосѣдними, слѣдуетъ принять въ расчетъ еще одинъ факторъ. Ни разу еще, въ теченіе своей новѣйшей исторіи, Россія не *начинала войны* во всеоружіи, при полномъ развитіи своихъ силъ. Она *постоянно вела войны* лишь съ частью своихъ силъ, пока настоящая нужда не побуждала ее къ дальнѣйшему ихъ развитію. Естественнымъ послѣдствіемъ этого *постоянно*

По Михайловскому-Данилевскому, хотя кн. Прозоровскій и располагалъ 80 т. (въ то время, какъ у его предшественника, Михельсона, было только 40 т.), но онъ считалъ ихъ достаточными только для войны *оборонительной*, а не *наступательной*, для которой онъ находилъ необходимымъ имѣть болѣе 150 т. Это — не совсѣмъ вѣрно. Въ донесеніи государю отъ 21-го декабря кн. Прозоровскій не упоминаетъ объ оборонѣ, а приводитъ собственно *два наступательныхъ плана*. *Одинъ, при малыхъ силахъ*, болѣе осторожный и медленный, съ *предварительнымъ овладѣніемъ крѣпостями* Журжею, Браиловымъ и въ особенности Измаиломъ, чтѣ и весьма естественно при такомъ условіи (остановился же въ 1796 г. генералъ Бонапарте, прошедшій въ 5 недѣль всю С. Италію до р. Минчіо, на 8 мѣсяцевъ передъ небольшою крѣпостью, Мантуей, единственно потому, что силы его не превосходили 40 т., — а какъ онъ смѣло обходилъ крѣпости, при соотвѣтствующей конечно парализаціи ихъ тѣмъ или другимъ способомъ, разъ-какъ онъ располагалъ большими силами!). *Другой планъ* Прозоровскаго имѣлъ въ виду наступленіе болѣе быстрое и рѣшительное, до Адрианополя, даже до Константинополя. Если, какъ сказано на стр. 125 (ч. I) у Михайловскаго-Данилевскаго (донесеніе Прозоровскаго имъ приводится въ сокращенномъ видѣ, съ нѣкоторыми только выдержками изъ подлинника), прежде взятія Измаила, Браилова и Журжи велѣно будетъ государемъ переходить черезъ Дунай, то необходимо *двѣ армии, дѣйствующая и резервная* (т. е., позволю себѣ

повторяющаяся явленія было то, что Россія начинаетъ свои войны съ неудачъ и болѣею частью сильно платится за науку (*zahl schweres Lehrgeld*), пока добьется рѣшительной развязки». Далѣе онъ перечисляетъ рядъ войнъ XVIII и XIX столѣтій, въ которыхъ, по его выраженію, «безпрестанно повторяется это странное явленіе, которое не должно быть упускаемо изъ вида, именно вслѣдствіе своего хроническаго характера. Болѣе всего удивлена была Европа малымъ развитіемъ силъ, съ которыми это могущественное царство начало послѣднюю Восточную войну.

Вотъ гдѣ коренная причина и нашихъ неудачъ и затягиванія войны. Это прежде всего и слѣдуетъ имѣть въ виду, а между тѣмъ она у А. Н. Петрова забыта.

добавить, *первая* идетъ безостановочно впередъ, а *вторая* принимаетъ на себя обезпеченіе тыла). Въ дѣйствующей имѣтъ три корпуса: главный — въ 40 т., «ибо въ большемъ количествѣ войскъ не можно способно маневрировать(?)»; по сторонамъ главнаго корпуса имѣтъ два отдѣльныхъ, не менѣе 20 т. и не болѣе 25 т., и въ авангардѣ — 15 т., а резервной арміи состоятъ изъ 60 т., занимать княжества, осаждаютъ крѣпости и имѣтъ отрядъ въ Малой Валахіи; 4) для успѣшнаго дѣйствія противъ Варны прибыть туда черноморскому флоту; 5) по случаю разрыва съ Англіею имѣтъ, для отраженія нападений ея, береговой оборонительный корпусъ у Одессы и въ Крыму, и 6) (этотъ пунктъ, чисто тактическаго характера, касается обученія войскъ, почему мною здѣсь и опускается). «Устройвъ все такимъ образомъ, писалъ князь Прозоровскій, весьма возможно далеко двинуться впередъ, даже до Адріанополя, особливо пользуясь осеннимъ временемъ. Но къ лучшей удобности, надобно попытаться взять Варну, откуда по берегу моря пролегаетъ удобный путь въ Румелію. Слышалъ я, что близъ пролива Константинопольскаго есть такая позиція, что, занявши оную, столица держаться не можетъ» (Прозоровскій имѣлъ въ виду, вѣроятно, Чатаджинскую позицію).

«Прозоровскій, какъ говоритъ А. Н. Петровъ (ч. III, стр. 427), все писалъ и писалъ безъ конца, а дѣло у него не выходило». Хотя послѣднее и вѣрно, но, какъ видно, онъ писалъ дѣло. Приведенный планъ его, правда, написанный лишь въ общихъ чертахъ, не хуже наступательныхъ плановъ князя Багратіона и даже Кутузовскаго (составленнаго, по свидѣтельству А. Н. Петрова, еще въ 1793 г.; ч. III, стр. 254—256; Михайловскій-Данилевскій, ч. II, стр. 161—164).

Планъ Прозоровскаго важенъ потому, что выборъ того или другаго образа дѣйствій онъ ставитъ въ зависимость отъ самаго кореннаго условія, *силы*, — по правильной его отправной точкѣ.

Именно отправляясь отъ этой основной причины, можно объяснить тѣ, что А. Н. Петровымъ ставится въ укоръ нашимъ

главнокомандующимъ, какъ-то: *возню съ крѣпостями и медленность въ дѣйствіяхъ*. Все это — неизбежное слѣдствіе нашей слабости въ силахъ.

«Что касается до стратегическихъ соображеній войны съ Турціею, говоритъ А. Н. Петровъ (ч. III, 429), то, какъ уже было сказано, у насъ не было твердо поставленной цѣли (это опровергается имъ же приводимыми планами). Встрѣчи съ непріятелемъ были какъ-бы случайными, и мы переходили отъ одной крѣпости къ другой, теряя подъ каждой цѣлый годъ кампаніи, и послѣдующій годъ все начинали снова. Такимъ образомъ, первую половину каждаго года мы повторяли старыя ошибки, а вторую употребляли на ихъ исправленіе, забывая военную аксіому, что *нужно дѣлать то, что противникъ не желаетъ*. Мы же, наоборотъ, дѣлали именно то, чего онъ желалъ, — брали поочереди одну крѣпость за другою, употребляя всѣ свои силы на преодоленіе наибольшихъ преградъ, *иде насъ ожидали* и готовили намъ сильный отпоръ. . . .»; короче, авторомъ ставится намъ въ упрекъ *неправильная постановка цѣлей*, выборъ предмета дѣйствій *пунктовъ географическихъ*, крѣпостей, а не *живой силы*, непріятельской арміи (хотя это имъ прямо не высказывается, но таковъ смыслъ вышеприведенной выдержки), слабое примѣненіе столь важнаго *принципа внезапности и случайный характеръ боевыхъ столкновеній*.

Выше уже объяснено, почему мы прикованы были къ крѣпостямъ (по слабости силъ), но въ то же время мы не упускали изъ вида и *главнаго объекта, непріятельской арміи*, ловко примѣнявшей по совѣту Наполеона, *принципъ подставленія сильной стороны и уклоненія слабой*, прятавшейся въ Шумлѣ и избѣгавшей боя въ открытомъ полѣ. Избравъ предметомъ дѣйствій ту или другую изъ болѣе важныхъ крѣпостей, мы тѣмъ хотѣли, главнымъ образомъ, вызвать непріятельскую армію двинуться къ ней на-помощь, выйги въ открытое поле, и здѣсь уже выставить нашу сильную сторону противъ ея слабой (что до Кутузова однако не удавалось). Кажется, что при наличныхъ

тогда условіяхъ, выборъ географическихъ пунктовъ, какъ предмета дѣйствій, оправдывается обстановкою, причемъ неприятельская армія не только не забывается, а напротивъ того — постоянно имѣется въ виду (развѣ лучше другихъ поступилъ графъ Каменскій 2-й, выбравшій, со слабыми силами, предметъ дѣйствій главную турецкую армію подѣ Шумлой?). Что же касается случайныхъ сраженій въ эту войну, то я затрудняюсь ихъ привести. Ни одно изъ крупныхъ сраженій ея не носятъ для насъ характера сраженія *случайнаго*: всѣ они были *преднамеренными*, вытекавшими изъ *расчета* свыше.

Таковы мои заключительные выводы, построенные на сочиненіи А. Н. Петрова, далеко не согласные съ вышеприведеннымъ его заключеніемъ.

Главная ошибка въ дѣйствіяхъ нашихъ главнокомандующихъ (исключеніе составляетъ, конечно, образцово-веденная Кутузовская кампанія 1811 г.) заключалась прежде всего не въ томъ, что они вели войну съ *недостаточными силами*, такъ какъ они вели ее съ тѣмъ, что имъ давалось свыше, и не въ *ошибочной постановкѣ цѣлей* (какъ только-что приведено), не въ *планахъ*, въ *замыслѣ* операцій, а въ *исполненіи* ихъ, въ *недостаточной подготовкѣ* ихъ рѣшенія какъ въ *широкомъ*, стратегическомъ смыслѣ, такъ и въ *болѣе тѣсномъ*, тактическомъ. Последнее, впрочемъ, относится не столько къ *полевымъ сраженіямъ*, сколько къ *атакамъ крѣпостей*.

Стратегическая подготовка рѣшенія той или другой операціи сводится, какъ извѣстно, въ каждомъ частномъ случаѣ, къ возможно искусному сочетанію между собою условій *силы, времени и пространства, къ сосредоточенію силъ въ кратчайшее время на меньшемъ пространствѣ, сравнительно съ неприятелемъ*, съ тѣмъ, чтобъ этимъ путемъ заручиться *относительнымъ численнымъ превосходствомъ надъ противникомъ*. «Самая лучшая стратегія, говоритъ Клаузевицъ, это — наиболѣе сильная вообще и въ особенности на рѣшительномъ пунктѣ». Привести къ полю сраженія войска въ соразмѣрности 2 : 1 — та-

кова главная задача стратегической подготовки рѣшенія операціи. Вотъ какимъ путемъ, путемъ *возможно искусной группировки силъ во времени и пространствѣ*, возможнаго ихъ *сосредоточенія* въ предѣлахъ требованій обстановки, достигается превосходство въ стратегическомъ положеніи надъ противникомъ.

Противъ этого главнымъ образомъ и грѣшили наши главнокомандующіе, *излишне разбрасывая свои силы*.

Великое мастерство въ группировкѣ силъ, въ возможномъ сосредоточеніи своихъ крайне слабыхъ силъ, явилъ Кутузовъ въ 1811 г. У всѣхъ же остальныхъ, и прежде всего у Михельсона и князя Прозоровскаго, замѣчается въ большей или въ меньшей степени разброска силъ, а слѣдовательно и недостатокъ стратегической подготовки.

Хотя у Багратиона и графа Каменскаго 2-го разброска проявляется уже въ меньшей мѣрѣ, но и у Каменскаго 2-го, въ особенности во 2-мъ періодѣ его дѣйствій (одновременно и противъ Шумлы и Руцука), подъ вліяніемъ *раздраженія* послѣ неудачной атаки арміи визиря подъ Шумлою, войска его были настолько разбросаны, что на рѣшительномъ пунктѣ театра военныхъ дѣйствій, подъ Руцукомъ, онъ имѣлъ не болѣе 20 т. (и это изъ 80-тысячной арміи!).

Послѣдствія Татарискаго сраженія, даннаго княземъ Багратиономъ (10-го октября 1809 г.), хотя въ извѣстномъ смыслѣ и удачнаго для него, въ смыслѣ *отбитія удара только*, но далеко неудачнаго по отношенію къ преслѣдуемой *главной цѣли*, разбитія арміи визиря, и имѣвшаго слѣдствіемъ снятіе осады Силистріи, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ А. Н. Петровъ, объясняются главнымъ образомъ *излишнею разброской силъ*, т. е. *недостаточною стратегическою подготовкой* операціи.

На разборѣ этого вопроса, рѣшеніе котораго повліяло на неблагоприятный исходъ всей кампаніи 1809 г. (снятіе осады Силистріи и уходъ нашей арміи на лѣвый берегъ Дуная), авторъ останавливается съ большимъ вниманіемъ и вполне убѣдительно доказываетъ (ч. II, стр. 384—388), что слѣдовало бы двинуть

корпусъ Каменскаго 1-го къ Силистріи, а не къ Базарджику и Каварнѣ, для наблюденія за Варною, для чего достаточно было бы выслать только слабые отряды, такъ какъ съ этой стороны, въ эту минуту, никакой опасности не угрожало. Князю Багратиону было положительно извѣстно, что вся визирская армія собрана у Рущука и половина ея уже идетъ къ Силистріи. Точно также онъ могъ бы притянуть къ Силистріи и корпусъ *Засса*, освободившійся послѣ сдачи Изманла 14-го сентября и оставленный въ ней до 9-го октября, для приѣма имущества крѣпости (?).

Все это, по расчету автора, давало возможность Багратиону, ко дню Татарицкаго сраженія (10-го октября), сосредоточить къ рѣшительному пункту театра военныхъ дѣйствій, крѣпости Силистріи, до 40 т. и, оставя изъ нихъ 10 т., подъ прикрытіемъ сильныхъ укрѣпленій, противъ крѣпости, имѣть на полѣ сраженія 30 т., — силы, равныя непріятельскимъ, между тѣмъ какъ въ день боя у него было только 4.500 челов. пѣхоты (всего 7 тысячъ, по Богдановичу: «Исторія царствованія Императора Александра I», ч. II, 476) противъ 30 тысячъ.

«Если и при такой несоразмѣрности въ силахъ, говоритъ авторъ, всѣ атаки турокъ отбиты были горстью нашихъ войскъ, то можно-ли сомнѣваться, что съ 30 тысячами человекъ князь Багратионъ уничтожилъ бы визирскую армію?»

Конечно, располагая равными съ противникомъ силами, онъ могъ бы, какъ развиваетъ далѣе авторъ, съ полной безопасностью для себя, обратиться въ бою къ самому смѣлому образу дѣйствій: оставивъ на занятыхъ позиціяхъ до 10 т., направить 20 т. въ обходъ праваго фланга и въ тылъ непріятелю и, окруживъ его передъ боемъ, въ случаѣ успѣха, или захватить всю армію, или разрушить ее.

Тогда, конечно, крѣпости пали бы сами собою. Этотъ недостатокъ въ дѣлѣ стратегической подготовки, столь вѣрно, въ данномъ случаѣ, очерченный А. Н. Петровымъ, является глав-

ною причиною относительно слабыхъ результатовъ, достигну-
тыхъ Багратиономъ въ походѣ 1809 г.

Повторяемъ, цѣлями наши генералы, въ эту войну, задава-
лись болѣе или менѣе правильно; не ихъ вина, что имъ давалось
слишкомъ мало войскъ, а главная ошибка заключалась въ томъ,
что эти *слабыя силы ими еще болѣе разбрасывались*, въ предѣлахъ,
далеко превосходившихъ требованія обстановки.

Этотъ недостатокъ, прежде всего, въ силахъ и далѣе не-
достаточность *стратегической подготовки*, — вотъ что слѣдовало
бы автору, въ заключительныхъ своихъ выводахъ въ концѣ
ч. III, съ особенною силой поставить на видъ, а между тѣмъ
въ нихъ объ этомъ и вовсе не упоминается.

Позволяю себѣ еще разъ замѣтить, что разъ-какъ всѣ за-
дачи технической части стратегіи, исполненія стратегической
операции, какъ организація маршей-маневровъ, различные случаи
расположенія арміи вблизи непріятели, ... сводятся къ искусной
комбинаціи элементовъ *силы, времени и мѣста* (пространства,
разстояній), то, въ важнѣйшіе моменты развитія операций, въ
описаніи послѣднихъ, они должны приводиться, въ особенности
данная *силы*, съ большою точностью, причемъ слѣдуетъ строго
отдѣлять силу *боевую* отъ силы *стисочной*, т. е. число *штыковъ*
и *сабель* отъ числа *ртовъ* (объ условіяхъ мѣста, пространствѣ,
разстояніяхъ заботиться нечего: ихъ даетъ карта, точно также
и о *времени*: стратегія считаетъ его *днями*, — другое уже дѣло
въ тактикѣ, какъ приведено будетъ ниже, такъ какъ тактика
считаетъ его *часами*).

Такимъ образомъ А. Н. Петровъ, разбирая вопросъ о до-
веденіи силъ Багратиона передъ Татарцикимъ сраженіемъ до
40 т., путемъ притягиванія корпусовъ Каменскаго 1-го и Засса,
и не приводя при этомъ ихъ боевой силы въ эту минуту, ста-
вить читателя въ необходимость вѣрить ему на слово въ возмож-
ность сосредоточить къ Силистріи эти 40 т. Можетъ быть, онъ
полагаетъ достаточнымъ приведенной числительной силы ихъ въ
началѣ кампаніи; но вѣдь эта данная со временемъ должна была

сильно измѣниться, въ особенности при тяжкихъ условіяхъ Балканскаго полуострова. Можетъ быть, по имѣющимся матеріаламъ, нельзя точно опредѣлить, съ должной обстоятельностью, боевой силы той или другой части въ тотъ или другой моментъ развитія операци; такъ это слѣдуетъ выяснить, или разъ навсегда оговорить въ предисловіи, или, еще лучше, — въ особомъ общемъ обзорѣ рукописныхъ матеріаловъ, въ приложеніи, подобно тому, какъ это авторомъ сдѣлано въ обзорѣ печатныхъ матеріаловъ, находившихся въ его распоряженіи.

Я далеко отъ мысли ставить *недостаточно точное указаніе силъ* въ упрекъ автору разбираемаго сочиненія, такъ какъ это — недостатокъ общій всѣхъ нашихъ военно-историческихъ сочиненій, но имѣю главнымъ образомъ въ виду только намѣтить его важность для будущихъ военно-историческихъ работъ.

Обращаясь къ *тактической* сторонѣ дѣла, слѣдуетъ признать, что она рѣзко отличается отъ сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго большею полнотой и основательностью въ описаніи болѣе крупныхъ сраженій, критическимъ разборомъ ихъ, отчетливымъ изображеніемъ важнѣйшихъ моментовъ въ бояхъ, какъ въ текстѣ, такъ и на планахъ, указаніемъ соответствующаго имъ расположенія войскъ и достаточною разработкой деталей.

Тактическій отдѣлъ въ сочиненіи А. Н. Петрова выигралъ бы еще болѣе, еслибъ авторъ, столь щедрый на выписки изъ подлинныхъ документовъ, въ особенности въ политическомъ отдѣлѣ, въ военно-административномъ и отчасти въ стратегическомъ¹⁾, не былъ такъ скупъ на нихъ въ тактическомъ. Такіе

¹⁾ Такимъ образомъ, высочайшій рескриптъ князю Прозоровскому, отъ 30-го іюля 1807 г. № 168, вмѣстѣ съ отношеніемъ къ нему военнаго министра приведены въ текстѣ почти полностью дважды (ч. II, на стр. 248 и 250 и на стр. 324—328); въ последнемъ случаѣ достаточно было бы и простой ссылки.

Невольно задаешь себѣ вопросъ: къ чему на стр. 144, ч. III, въ подлинникѣ, приведенъ документъ, не имѣющій никакого значенія: *условія Систос-*

важные документы, какъ на примѣръ *диспозиціи* для сраженій, по крайней мѣрѣ наиболѣе крупныхъ, должны быть приводимы въ возможной полнотѣ, а еще лучше — полностью, если не въ текстѣ, то по крайней мѣрѣ въ приложеніяхъ. Полностью въ подлинникѣ авторомъ приведена только одна диспозиція, отъ 23 марта 1809 г. (ч. II, приложение 6), для штурма Журжи; всѣ же остальные — въ выдержкахъ, въ болѣе или менѣе обобщенной формѣ.

Позволю себѣ еще одно замѣчаніе. Для возможно упорядоченнаго описанія хода сраженія, для изображенія его въ цѣльной картинѣ, и наконецъ для правильнаго сужденія о степени проявленія въ немъ собственно тактическаго искусства, для рѣшенія вопроса: было-ли оно ведено въ упорядоченномъ видѣ, въ духѣ единства въ дѣйствіяхъ, внутренней цѣльности, или же въ хаотическомъ беспорядкѣ, безъ внутренней связи между его частными эпизодами, для всего этого особенно важно возможно точное *указаніе времени, часа*, въ который разыгрался тотъ или другой эпизодъ сраженія.

Какъ извѣстно, каждое сраженіе состоитъ изъ двухъ главныхъ актовъ: *подготовки и рѣшенія* (атаки). Всѣ частные эпизоды сраженія, относящіеся къ подготовкѣ, должны находиться между собою въ связи *во времени*, въ отношеніи *последовательности*, т. е. должны разыграться *одинъ послѣ другого*; всѣ же частные эпизоды, относящіеся до рѣшительнаго акта атаки, должны находиться между собою въ связи по отношенію къ *пространству*, въ отношеніи *сосууществованія*, т. е. должны разыграться *одинъ возлѣ другого, одновременно*. Сраженіе, въ которомъ этимъ требованіямъ удовлетворено, является цѣльнымъ, упорядоченнымъ и представляетъ собою образецъ проявленія тактическаго искусства, однимъ словомъ — оно ведено *планообразно*

ской капитуляціи 2-го сентября 1810 г., не представляющей никакой выдающейся особенности.

При выборѣ документовъ для включенія ихъ въ текстъ сочиненія, необходимо прежде всего установить для того извѣстныя отправныя точки, руководящія положенія, а не предоставлять это дѣло *случаю*.

разно (какъ говорятъ нѣмцы, «*planmäßig*»), и наоборотъ, сраженіе, въ которомъ эти условія не выполнены, представитъ собою отсутствіе тактическаго искусства, такъ какъ оно ведено въ хаотическомъ безпорядкѣ. Такое сраженіе будетъ собственно *возденіемъ войскъ на убой* (Наполеонъ потому и рѣзко отличалъ «*conduire les troupes au combat*» или «*conduire les troupes à la boucherie*»).

Изъ приведеннаго видно, насколько *правильное пользованіе* столь вѣскимъ элементомъ, какъ *время*, важно въ веденіи боя. Настолько же важно *точное указаніе* его и въ описаніи боя (я разумѣю по отношенію къ важнѣйшимъ по крайней мѣрѣ его моментамъ). Безъ перваго не будетъ упорядоченнаго, внутреннецѣльнаго боя, безъ втораго не будетъ упорядоченной, цѣльной картины его.

Разберемъ съ этой точки одно изъ болѣе крупныхъ сраженій русско-турецкой войны 1806—12 г.г., сраженіе хорошо задуманное, но дурно исполненное, именно *подъ Шумлюю* 11-го іюня 1810 г., описаніе котораго является въ сочиненіи А. Н. Петрова нѣсколько менѣе удавшимся, сравнительно съ его же описаніемъ другихъ большихъ сраженій этой войны (напримѣръ при Обилешти, ч. I, стр. 186—190).

Описавъ приближеніе гр. Каменскаго 2-го съ главными силами къ Шумлѣ (ч. III, стр. 60), ознакомивъ съ самонадѣяннымъ приказомъ его отъ 9-го іюня и упомянувъ о рекогносцировкѣ непріятельской позиціи генераль-квартирмейстеромъ *Фридриши*, открывшимъ на лѣвомъ флангѣ противника никѣмъ не занятую высоту, командовавшую всею непріятельскою позиціей, А. Н. Петровъ знакомитъ съ планомъ, составленнымъ Каменскимъ для атаки этой позиціи 11-го числа, отличающимся вѣрностью и простотою замысла и состоявшимъ въ веденіи *главной атаки* нашимъ *правымъ флангомъ* (войсками Левиза и Сабанѣева) на означенную высоту и *демонстративной лѣвымъ флангомъ* (войсками гр. Каменскаго 1-го) (стр. 61). Этотъ весьма правильно-соображенный планъ былъ въ конецъ исполченъ въ исполненіи,

именно вслѣдствіе *путаницы во времени*, приведшей къ тому, что одни частные эпизоды сраженія, которые должны были разыгратъ въ началѣ его, разыгрались подъ конецъ и обратно.

На стр. 62-й упоминается, что атака главная (Сабанѣва) и демонстративная (гр. Каменскаго 1-го) должны быть ведены *одно-временно*. Если такое распоряженіе было дѣйствительно сдѣлано, то это во всякомъ случаѣ ошибка, которую слѣдовало бы отмѣтить, чего авторъ не дѣлаетъ. Демонстративная, ложная атака, будучи однимъ изъ видовъ подготовки главной атаки, уже по существу дѣла, какъ подготовка, должна (по крайней мѣрѣ начало ея) предшествовать главному акту, а не происходить одновременно съ нимъ. На самомъ же дѣлѣ вышло еще хуже, такъ какъ демонстративная атака была произведена даже послѣ главной. Последнее обстоятельство ставится на видъ авторомъ.

Относительно *центра* арміи сначала приводится, что когда правый флангъ (Сабанѣва) займетъ высоту, то центръ долженъ примкнуть къ нему съ лѣвой стороны, уступая свое первоначальное мѣсто, на Силистріійской дорогѣ, корпусу гр. Каменскаго 1-го, подающемуся для этого вправо. Далѣе, на стр. 62-й и 63-й говорится: «въ то время, какъ Левизъ и гр. Каменскій 1-й обратятъ на себя вниманіе противника, главныя наши силы, составляя центръ арміи, откроютъ рѣшительное наступленіе по Силистріійской дорогѣ(?)», съ которой, согласно вышеприведенному, онѣ должны были уже перейти вправо, — *явное противорѣчіе*, во всякомъ случаѣ недостатокъ ясности въ изложеніи *предварительныхъ къ бою распоряженій*.

Обращаясь къ описанію *самого хода боя*, рассмотримъ его съ точки *времени*, съ точки указанія авторомъ *часовъ*, когда разыгрался тотъ или другой изъ частныхъ эпизодовъ боя.

Въ 6 ч. утра главныя силы арміи двигаются по Силистріійской дорогѣ крайне медленно (сильно пересѣченная мѣстность). «Между тѣмъ (стр. 63), на правомъ флангѣ не было слышно еще выстрѣловъ изъ отряда Левиза, который *прежде всѣхъ(?)*

долженъ былъ начать бой и занять высоту», — противорѣчіе съ прежде приведеннымъ, да и противно логикѣ дѣла, чтобы главная атака предшествовала подготовительной. (Это и есть Наполеоновское *«возведение войскъ на убой»*). «Встрѣтивъ по дорогѣ разломанные мосты, отрядъ Левиза опоздалъ начать дѣло» (замѣчу отъ себя: это — *счастливая случайность*, готовая исправить дурныя распоряженія).

«Хотя центръ арміи, вслѣдствіе этой случайности, продолжаетъ авторъ (стр. 63), и приостановилъ свое движеніе, но уже оно было замѣчено изъ крѣпости, такъ что въ 9 ч. утра, по прибытіи центра къ рѣчкѣ Кадыкіой, увидѣли на противоположномъ берегу ея рядъ высотъ, въ 2 верстахъ отъ Шумлы, занятыхъ многочисленными массами непріятельской кавалеріи и пѣхоты».

Такимъ образомъ наше наступленіе обнаружено, и въ центрѣ завязывается весьма упорный бой.

Корпусъ же Каменскаго 1-го, которому прежде всѣхъ слѣдовало начать наступленіе (и идти приходилось не болѣе 6 верстъ), въ это время еще не трогался съ мѣста ночлега, подъ предлогомъ усталости людей (въ сущности же, какъ приводитъ А. Н. Петровъ по свидѣтельству генерала *Фридерци* [стр. 64], — по интригѣ старшаго брата противъ младшаго, главнокомандующаго [стр. 66]).

Левизъ пока еще не начинаетъ боя. Главнокомандующій приказываетъ приостановить наступленіе центра и принимаетъ съ своей стороны мѣры (*нѣсколько странныхъ*) для предварительнаго овладѣнія высотой, не выжидая подхода Левиза. Онъ *сперва* посылаетъ, для атаки высоты, сильно занятой непріателемъ, одинъ баталіонъ, за нимъ — полкъ, подъ начальствомъ кн. Трубецкаго, и далѣе еще 4 роты. Вопросъ идетъ объ атакѣ, которая должна быть прежде всего *сразу начата достаточными силами и ведена одновременно*; здѣсь же малыя части высылаются *последовательно*, по выраженію Наполеона, *«par petits paquets»*; авторъ даже не останавливается на такомъ безобразіи.

«Преодолѣвъ всѣ мѣстныя затрудненія и выдержавъ ожесточенный бой, кн. Трубецкой вступилъ наконецъ на высоту и построилъ каре» (дальѣ слѣдуетъ описаніе принятаго имъ боеваго порядка).

«Въ то же время г.-л. Левизъ вступилъ на ту же высоту и сталъ правѣе кн. Трубецкаго», а *въ какомъ именно часу* (этотъ актъ сраженія слишкомъ важенъ) — не обозначено.

«Только тогда (снова ссыла на тотъ же необозначенный часъ, стр. 66), когда отрядъ г.-л. Левиза вступилъ на высоты, на которыхъ завязался ожесточенный бой съ янычарами, корпуса гр. Каменскаго и Маркова вступили въ сферу артиллерійскаго огня» (чѣмъ подтверждается еще бдльшая важность этой минуты).

Такимъ образомъ ясно, что весь превосходно-составленный планъ сраженія этимъ былъ совершенно опрокинутъ. Вмѣсто наступленія на обоихъ флангахъ, демонстративнаго на лѣвомъ и главной атаки на правомъ, усиленныхъ войсками центра, бой начался въ центрѣ. Оба фланга опоздали, но по времени насколько—этого изъ описанія сраженія не видно.

Затѣмъ, продолжая описаніе боя на нашемъ правомъ флангѣ, авторъ (стр. 67) говоритъ: «Въ это время, около 8 часовъ утра, на (нашемъ) правомъ флангѣ бой все болѣе и болѣе разгорался». Если это такъ, то правый флангъ, ведущій упорный бой съ неприятелемъ уже въ 8 часовъ утра, вовсе не такъ сильно опоздалъ, сравнительно съ центромъ, который, какъ выше приведено, началъ наступленіе въ 6 часовъ утра и прибылъ въ 9 часовъ къ рѣчкѣ Кадыкѣ (стр. 63).

Дальѣ слѣдуетъ описаніе перехода турокъ въ наступленіе, для обхода нашего праваго фланга, и мѣръ главнокомандующаго для парализаціи этого обхода, уже *безъ всякаго обозначенія времени*.

И потомъ, *нѣсколько неожиданно* для читателя, вниманіе котораго все время сосредоточивалось до сихъ поръ на дѣйствіяхъ, относившихся къ утру 11-го іюня (на стр. 69-й), «наступающая

темнота прекратила, наконецъ, ожесточенный бой 11-го іюня. Войска наши не уступили ни одного вершка изъ занятыхъ ими позицій и остались на нихъ и слѣдующій день».

Такимъ представляется описаніе сраженія подъ Шумлюю, 11-го іюня, съ точки столь важнаго въ бою элемента *времени*. Оттого и трудно представить полную и ясную картину внутренняго развитія боя, связи во времени и въ пространствѣ между его частными эпизодами.

Здѣсь остается повторить то же, что мною высказано было по отношенію возможно точнаго обозначенія элемента *силы* въ описаніи исполнительской части стратегическихъ операцій, т. е., что вина въ этомъ падаетъ, можетъ быть, не на автора, а на матеріаль, которымъ онъ располагалъ, на *неполноту реляцій*. Такъ это слѣдовало бы оговорить гдѣ-нибудь и поставить на видъ, въ назиданіе составителямъ реляцій, которые, нерѣдко увлекаемая разнаго рода частностями, риторическими украшеніями, слишкомъ легко относятся къ вышеприведеннымъ важнымъ даннымъ и упускаютъ изъ вида возможно полное и вѣрное изображеніе внутренняго развитія сраженія, чтобы можно было судить, насколько *упорядоченно* или *безпорядочно* оно было ведено. Подобно тому, какъ необходимо помѣщать нѣсколько диспозицій въ приложеніяхъ, не мѣшало бы полностью привести въ нихъ и одну изъ реляцій болѣе крупнаго сраженія, хоть только-что разсмотрѣннаго, 11-го іюня 1810 г.¹⁾ Это было бы интересно и въ другихъ отношеніяхъ, знакомя отчасти со взглядами на дѣло, языкомъ... тогдашняго военнаго поколѣнія. Въ приложеніяхъ не встрѣчается ни одной реляцій.

Мною разобрано у А. Н. Петрова одно изъ менѣе удачныхъ описаній сраженій; но для справедливой оцѣнки его труда, съ тактической стороны, не слѣдуетъ упускать изъ вида ряда весьма удачныхъ описаній сраженій (о чемъ приведено выше), какъ-то: при *Обилешти*, *Рассевать*, *Татарлицъ* и *Батинъ*, осо-

¹⁾ Недостатки ея, въ случаѣ еслибъ они были, послужать во многомъ къ оправданію автора.

бенно — при *Обилешти*. Вся операція Милорадовича подъ Бухарестомъ, съ 31-го мая до 3-го іюня 1807 г., включая сраженіе при Обилешти, изложена образцово, начиная отъ частныхъ исполненія до общихъ соображеній; такъ мѣры для развѣдки о непріятелѣ; окончательное ориентированіе относительно его положенія; выработка основной идеи операціи (обращеніе противъ опасѣйшаго противника); мѣры къ обезпеченію фланговъ и тыла; выборъ пути (хотя и болѣе кружнаго и менѣе удобнаго) въ видахъ *внезапнаго* появленія передъ непріятелемъ; мѣры для обезпеченія съ обоихъ фланговъ наступательнаго марша къ Обилешти (поддержаніе связи между колоннами Уланіуса и Бахметьева, уравниеніе ихъ движенія), равно какъ распоряженія о сосредоточеніи къ полю сраженія, непосредственно передъ боемъ всѣхъ силъ, отрядовъ, высланныхъ вправо и влѣво (Нитича и Мелентьева), — все это, обнимающее пока только стратегическую сторону дѣла, изложено безупречно. То же относится и до тактической стороны и особенно до *разбора всей операціи* (стр. 192 — 194, ч. I).

У Михайловскаго-Данилевскаго та же операція изображена, хотя и весьма удачно, но только въ общемъ обзорѣ, въ главныхъ, магистральныхъ линіяхъ, на 5 страницахъ (ч. I, 53—58), минуя всѣ частныя подробности и безъ всякаго критическаго разбора. У А. Н. Петрова описаніе той же операціи, въ цѣломъ и въ частностяхъ, обнимаетъ до 15 страницъ (ч. I, 181—195), причемъ ни одна изъ болѣе или менѣе имѣющихъ значеніе частныхъ не упущена изъ вида, и всему сдѣлана полная и вѣрная оцѣнка.

Вообще тактическій отдѣлъ сочиненія А. Н. Петрова, «Русско-Турецкая война 1806 — 12 г. г.» по крайней мѣрѣ относительно большинства фактовъ, изслѣдованныхъ имъ съ тактической стороны, тоже долженъ быть причисленъ, къ сильнымъ отдѣламъ труда.

Не вполне упорядоченное описаніе нѣкоторыхъ сраженій, напр. подъ Шумлюю, съ точки точнаго указанія *времени*, когда

разыгрался тотъ или другой изъ его частныхъ эпизодовъ, хотя является немаловажнымъ недостаткомъ но онъ мною не ставится особенно на видъ автору, такъ какъ это—недостатокъ болѣе или менѣе общій всѣмъ до настоящаго времени вышедшимъ у насъ военно-историческимъ сочиненіямъ. Устраненіе его—это задача будущаго, потому собственно онъ мною и намѣченъ.

Тактическое искусство, вожденіе войскъ въ бой, обращается въ *вожденіе ихъ на убой* не только отъ недостаточной связи во времени (въ отношеніи къ ихъ *последовательности и сосуществованію*) между частными эпизодами сраженія, но и главнымъ образомъ отъ *недостаточной*, не доведенной до окончательной степени зрѣлости, *подготовки послѣдняго, рѣшительнаго акта боя*—атаки непріятельской позиціи или штурма крѣпости.

Выше мною рассмотрѣнъ вопросъ о томъ, какъ наши главнокомандующіе, въ войну 1806—12 г. г., относились къ подготовкѣ успѣха сраженій въ широкомъ смыслѣ, вопросъ о *стратегической подготовкѣ* рѣшающаго акта операціи (сраженій), причемъ въ большинствѣ случаевъ (кромѣ Кутузова въ 1811 г. и Милорадовича въ его операціи подъ Бухарестомъ въ 1807 г.) пришлось убѣдиться въ недостаточности ея, въ излишней разброскѣ и безъ того уже слабыхъ силъ.

Обращаясь теперь къ *тактической подготовкѣ*, насколько она проявляется въ *полевыхъ сраженіяхъ* Русско-Турецкой войны 1806—12 г. г. и въ *атакахъ крѣпостей*, нельзя не замѣтить, что она, въ наиболѣе крупныхъ полевыхъ сраженіяхъ, въ большей части случаевъ, внѣ упрека (*Обилешти, Рассеватъ, Батинъ, Руциукъ*), что и выяснено авторомъ. Исключеніе составляетъ *Татаричское* сраженіе, представляющее собою *дерзкую* фронтальную атаку 20 т. непріятельскихъ войскъ, расположенныхъ на сильной по природѣ и въ особенности сильно-укрѣпленной позиціи, съ 4.500 челов. пѣхоты, 25 эскадронами и 10 казачьими полками (общее число войскъ у А. Н. Петрова не показано; по другимъ же источникамъ оно не превосходило 7 т.). При этомъ слѣдуетъ еще замѣтить, что фронтальная атака, не смотря на сла-

бость нашихъ силъ, была ведена не на одинъ пунктъ, а на нѣсколько. Приводимое авторомъ (ч. II, 379) Суворовское правило «*считать непріятеля только послѣ его пораженія*» — правило хорошее, прежде всего, для самого Суворова; но для другихъ оно можетъ обратиться и въ браваду. Въ примѣненіи его есть *извѣстная мѣра*, какъ и въ примѣненіи каждаго правила, и въ данномъ случаѣ эта мѣра была перейдена кн. Багратиономъ, что автору не мѣшало бы подчеркнуть, разобравъ настолько же обстоятельно *тактическую подготовку* Татарицкаго сраженія, какъ тѣмъ имъ сдѣлано по отношенію къ *стратегической* подготовкѣ всей операціи, чего, однако, у него не встрѣчается.

Вопросъ о *недостаточности тактической подготовки въ атакахъ крѣпостей*, въ частныхъ описаніяхъ и разборахъ атакъ той или другой крѣпости, авторомъ констатируется съ достаточной ясностью; но въ виду той особенной роли, которую играли крѣпости какъ въ эту войну, такъ и вообще въ нашихъ прежнихъ войнахъ съ турками, въ *общемъ обзорѣ*, при разсмотрѣніи причинъ, постоянно проявлявшихся въ образѣ нашихъ дѣйствій въ турецкихъ войнахъ 1769—1812 г. г., изслѣдованію вопроса о вліяніи на наши дѣйствія крѣпостей и о способахъ овладѣнія ими не мѣшало бы посвятить и соответствующее ихъ значенію вниманіе, чего А. Н. Петровъ не сдѣлалъ.

Дѣйствительно, въ эту войну намъ пришлось не мало повоювать съ крѣпостями. Онѣ являются въ ней не менѣе 18 разъ нашими *предметами дѣйствій*: *Измаилъ* (два раза), *Журжа* (тоже), *Браиловъ* (тоже), *Мачинъ*, *Гирсово*, *Силистрія* (два раза), *Базарджикъ*, *Разградъ*, *Туртукай*, *Рушукъ* (два раза), *Систовъ*, *Турно* и *Никополь*.

Авторъ, такимъ образомъ, въ извѣстномъ смыслѣ, правъ, называя нашъ образъ веденія этой войны «*вознею съ крѣпостями...*» Какъ фактъ—это вѣрно; но самый фактъ отнесенъ имъ къ причинѣ невѣрной, къ «*современному тогда взгляду на военное искусство*». Полагалось невозможнымъ, говоритъ онъ (ч. III, 425), переходить черезъ Дунай прежде чѣмъ не будутъ взяты

всѣ турецкія крѣпости по лѣвой сторонѣ рѣки. Затѣмъ предстояло брать собственно дунайскія крѣпости праваго берега и уже потомъ признавалось возможнымъ наступать за Дунаемъ къ Балканамъ, для того, чтобы опять брать Варну и Шумлу, и только послѣ того переходить Балкань.

Какъ уже и было приведено, главною причиною этой «возни съ крѣпостями», къ которой она и должна быть прежде всего отнесена, была *слабость нашихъ силъ*, оправдывающая такой способъ дѣйствій, коренная причина всѣхъ явленій войны, причина всѣхъ причинъ, о которой авторъ въ своихъ заключительныхъ выводахъ и не упоминаетъ. Ее-то и слѣдовало бы съ особою силою отмѣтить и поставить во главѣ всего изслѣдованія.

Возвращаясь къ крѣпостямъ, къ способамъ овладѣнія ими и къ вопросу о тактической подготовкѣ ихъ атаки, замѣтимъ:

1) изъ 18 разъ, что крѣпости служили предметами нашихъ дѣйствій, было 13 удачныхъ и 5 неудачъ;

2) изъ 13 удачныхъ слѣдуетъ отмѣтить 7 случаевъ сдачи турецкихъ крѣпостей *безъ боя* (1810 г. 25 мая—Туртукай, 5 июня—Разградъ, 29 августа—Сисовъ, 15 сентября—Русчукъ и Журжа, 6 октября—Турно, 15 октября—Никополь; послѣднія 6 сдались подъ вліяніемъ моральнаго давленія, произведеннаго побѣдою гр. Каменскаго 2-го при Батинѣ 26 августа 1810 года).

Такимъ образомъ, на 6 удачныхъ атакъ крѣпостей приходится 5 неудачъ.

Къ удачнымъ относятся:

а) взятіе *Мачина* (14-го августа 1809 г. обложенъ; съ 15-го — *бомбардированіе* съ 300 саж.; 18-го —сдача на капитуляцію Маркову);

б) взятіе *Гирсова* 20-го августа 1809 г. Платовымъ (послѣ двухдневнаго *бомбардированія* 18-го и 19-го августа);

в) взятіе *Измаила* 14-го сентября 1809 г. Эссеномъ 3-мъ (23-го августа обложенъ; съ 4-го сентября — *частное*, а съ

12-го—*общее* бомбардированіе; взрывъ пороховаго погреба и пожаръ);

г) взятіе *Браилова* 21-го ноября 1809 г. Эссенемъ 3-мъ (2-го ноября обложенъ; 13-го ноября—прібытіе осадной артиллеріи, чего и было достаточно для понужденія гарнизона къ сдачѣ; такимъ образомъ, крѣпость эта сдалась *почти безъ боя*, такъ какъ послѣдній заключался только въ отраженіи слабыхъ вылазокъ турокъ);

д) взятіе *Силистріи* Ланжерономъ 30-го мая 1810 г. (23-го мая — приближеніе къ ней; 25-го — обложеніе; 26-го — начало *бомбардированія*; къ ночи 29-го подступы доведены до 40 саж. отъ крѣпости; 30-го крѣпость сдалась);

е) взятіе *Базарджика* 22-го мая 1810 г. гр. Каменскимъ 1-мъ (прібытіе къ крѣпости — 21-го мая) *штурмомъ среди бѣлаго дня*, продолжавшимся съ 3 до 4 часовъ пополудни и предпріятымъ въ расчетъ на *неожиданность*, такъ какъ турки, въ виду нашихъ *штурмовъ*, производившихся обыкновенно ночью или на разсвѣтѣ, были особенно бдительны по ночамъ. Расчетъ гр. Каменскаго вполне оправдался: турки не обратили особеннаго вниманія на *всѣ подготовительныя къ штурму движенія*, исполненныя утромъ 22-го мая, принимая ихъ за демонстраціи, и были окончательно захвачены врасплохъ.

Итакъ, изъ 6 удачныхъ атакъ крѣпостей, *одна* (Базарджикъ) взята *штурмомъ*; *одна* (Браиловъ) — *почти безъ боя* и *четыре* (Мачинъ, Гирсово, Измаилъ и Силистрія)—посредствомъ *бомбардированія*.

Къ *неудачнымъ* атакамъ крѣпостей, въ эту войну, относятся:

а) Осада *Измаила* Мейндорфомъ (18 т.) съ 3-го марта до 12-го іюня 1807 г. Причины неудачи: сильный гарнизонъ, предводимый храбрымъ Пегливанъ-пашею; рядъ его энергическихъ вылазокъ (6-го и 17-го марта, 2-го апрѣля, въ концѣ мая и 12-го іюня); неимѣніе при корпусѣ Мейндорфа осадной артил-

леріи (слѣдовательно — невозможность бомбардированія); пришлось ограничиться блокадою, да и та была далеко не полною, по малочисленности войскъ и вслѣдствіе невозможности овладѣть предварительно крѣпостью Тульчей.

Слѣдовательно, главная причина неуспѣха нашего подъ Измаиломъ объясняется *недостаточностью средствъ* (войскъ и осадной артиллеріи) съ нашей стороны, недостаткомъ *стратегической* подготовки.

б) Неудачный штурмъ *Журжи* 24-го марта 1809 г. *Штурмъ, въ извѣстномъ смыслѣ, былъ подготовленъ путемъ тайныхъ сношеній* съ начальникомъ рущукскихъ войскъ, Ахметомъ-эфенди. Сношенія эти за два дня до штурма были обнаружены турками; Ахметъ бѣжалъ въ Бухарестъ, куда однако прибылъ послѣ уже штурма Журжи. Новый начальникъ, Хозревъ-Мегметъ, принялъ энергическія мѣры къ оборонѣ, между прочимъ — возвысилъ валъ и углубилъ ровъ (такъ что заготовленные нами лѣстницы оказались короткими). Все это было неизвѣстно Милорадовичу, на котораго князь Прозоровскій возложилъ главное руководство штурмомъ. И въ результатѣ, какъ говоритъ А. Н. Петровъ (ч. II, 214 — 215), «вмѣсто неожиданнаго нападенія и легкаго штурма, пришлось встрѣтить бдительный надзоръ и энергическое сопротивленіе».

По А. Н. Петрову, *неожиданность* обратилась противъ Милорадовича, который, вслѣдствіе этого, не можетъ быть отвѣтственнымъ за штурмъ, предпринятый безъ достаточной подготовки ¹⁾.

¹⁾ По Михайловскому - Данилевскому (ч. I, 185), дѣло объясняется иначе, именно, что Милорадовичу еще до штурма было извѣстно объ открытіи нашего намѣренія турками и что объ этомъ онъ донесъ главнокомандующему, который тѣмъ не менѣе приказалъ «штурмовать Журжу», присовокупляя, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, «сообразившись съ обстоятельствами».

Фактъ недостаточной подготовки штурма Журжи констатируется обоими писателями; но, по А. Н. Петрову, собственно виноватаго въ этомъ упущеніи нѣтъ, такъ какъ Прозоровскій передалъ распоряженіе всюю операціей штурма Милорадовичу, и послѣдній не зналъ о переиhrъ въ обстановкѣ, а по Михай-

в) Неудачный штурмъ *Браилова* 20-го апрѣля 1809 г. Главная причина.— *недостаточная подготовка*: прежде всего— мало войскъ, (8 т. противъ 12 т.), подступы доведены только на 200—250 саж. отъ крѣпости; наконецъ и самый штурмъ тремя колоннами, на которыя были раздѣлены войска, былъ веденъ ими *не одновременно, а послѣдовательно*; преждевременная атака лѣвой колонны, когда двѣ другія не успѣли еще подойти къ ретраншаменту, дала время неприятелю приготовиться къ отпору въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ.

Итакъ, главныя причины неудачнаго штурма Браилова сводятся къ: 1) *недостатку его подготовки*, и 2) *безобразному его веденію*.

г) Снятіе осады Силистріи 14-го октября¹⁾ 1809 г. (обложена съ 11-го сентября), вслѣдствіе Татарискаго сраженія (10-го октября), въ которомъ князю Багратиону хотя и удалось *отбить* ударъ турецкаго вспомогательнаго корпуса, прибывшаго на-выручку крѣпости, но не удалось *разбить* его; далѣе— по позднему времени года и вслѣдствіе близости 50-т. арміи визиря (около 10 верстъ). Багратионъ, по снятіи осады, отошелъ къ Черноводамъ, куда и прибылъ 20-го октября.

Главная причина этой неудачи— *недостаточность стратегической подготовки*, какъ приведено было выше, т. е. сосредоточенія къ Силистріи недостаточныхъ силъ.

и д) Два неудачныхъ штурма *Руцук*: первый—Засса, 6-ю іюля 1810 г., предпринятый *преждевременно*, съ цѣлью занять

ловскому-Данилевскому—оба объ этомъ знали, и главнымъ виновникомъ является князь Прозоровскій, несмотря на это, приказавшій Милорадовичу штурмовать *Жуцку*. Михайловскій - Данилевскій, въ подтвержденіе своего показанія, на этотъ разъ, ссылается на документъ, вопреки своей привычкѣ, именно *«повеліе» Милорадовичу отъ 10-ю марта № 72*. А. Н. Петровъ, тоже вопреки своему обычаю, для уясненія этого темнаго вопроса, не приводитъ документа».

¹⁾ У А. Н. Петрова — 14-ю сентября; это, очевидно, опечатка, но далѣе числа приводятся безъ означенія мѣсяца, что путаетъ читателя. Вообще опечатки въ *датахъ* затрудняютъ чтеніе, особенно стратегической стороны дѣла, а такихъ опечатокъ въ сочиненіи А. Н. Петрова, вѣроятно, вслѣдствіе спѣшности печатанія, не мало. Укажу хоть на ч. III, стр. 37, 49, 50, 75, 76, 90.

Рушукъ до прибытія къ нему главнокомандующаго, который выступилъ въ этотъ день отъ Шумлы къ Рушуку, для овладѣнія послѣднимъ, и второй—22 іюля, веденный самимъ главнокомандующимъ, *потерявшимъ терпѣніе* послѣ того, какъ усиленное бомбардированіе, начатое съ 11-го іюля и продолжавшееся въ послѣдующіе дни, оказало лишь слабыя успѣхи. Бреши не было пробито; лѣстницы, по обыкновенію, оказались коротки. Все это привело къ жестокой бойнѣ, стоившей намъ 8 т. (изъ 18 т.).

Главная причина неудачъ штурма Рушука — *недостатокъ подготовки какъ стратегической, такъ и тактической*. Недостатокъ *первой* выразился въ сосредоточеніи къ крѣпости слишкомъ слабыхъ силъ, только 18 т., когда ея гарнизонъ, подъ руководствомъ энергическаго Бошнякъ-аги, доходилъ до 20 т.; недостатокъ *второй*—въ преждевременномъ обращеніи формальной осады, уже приближавшейся къ концу, въ рискованный штурмъ.

Изъ *пяти* нашихъ неудачныхъ покушеній противъ крѣпостей въ войну 1806—12 г. г., *два* выразились въ *снятіи осады* (Измаилъ 1807 г. и Силистрія 1809 г.), по незначительности сосредоточенныхъ къ этимъ крѣпостямъ средствъ для овладѣнія ими, т. е. по недостатку *стратегической подготовки*, а остальные *три* (Журжа 1809, Браиловъ 1809 и Рушукъ 1810), главнымъ образомъ,—по недостатку *тактической подготовки* собственно штурма, причемъ, по отношенію къ Рушуку, вліялъ и недостатокъ силъ (недостатокъ стратегической подготовки), какъ выше указано.

Приведенный мною общій *сводъ всѣхъ крѣпостныхъ боевъ* въ одну цѣльную картину послужилъ бы къ наглядному уясненію значенія крѣпостей въ эту войну и навѣрно принятъ былъ бы читателемъ съ благодарностью. Авторъ, какъ уже мною замѣчено, не пользуется этимъ приѣмомъ и предоставляетъ работу *сводки частныхъ въ цѣлое* читателю, а этотъ приѣмъ именно и былъ бы очень кстати при описаніи событій этой продолжительной, сложной и запутанной войны.

Вообще, въ заключительныхъ выводахъ, уже лучше вовсе не касаться этого важнаго вопроса, чѣмъ бросить налету нѣсколько словъ о немъ.

Къ послѣдней главѣ ч. III мы впрочемъ и не имѣемъ права слишкомъ строго относиться, такъ какъ авторъ самъ заявляетъ (стр. 431), что онъ имѣлъ въ виду «ограничиться въ настоящемъ трудѣ только нѣсколькими общими замѣчаніями, потому что для подробнаго развитія высказанныхъ здѣсь (въ послѣдней главѣ) положеній и общихъ выводовъ изъ прошлаго, для настоящаго и будущаго, потребовался бы самостоятельный, отдѣльный трудъ, который можетъ составить отдѣльное сочиненіе».

Для окончательнаго заключенія о почтенномъ трудѣ г. А. Н. Петрова, его слѣдуетъ сравнивать не столько съ тѣмъ, что *желательно* требовать въ будущемъ отъ военно-историческихъ сочиненій, — въ этомъ направленіи мною отчасти и былъ веденъ разборъ его труда, главнымъ образомъ стратегической и тактической его части, — сколько съ наиболѣе капитальнымъ описаніемъ Русско-Турецкой войны 1806—12 г. г., ему предшествовавшимъ, т. е. съ сочиненіемъ генералъ-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго (1843 г.), бѣглый разборъ котораго мною приведенъ въ самомъ началѣ настоящей рецензіи.

Уступая послѣднему въ планѣ, *цѣльности*, упорядоченности въ описаніи весьма сложныхъ и нерѣдко перепутанныхъ событій, одновременно разыгрывавшихся на четырехъ театрахъ и относящихся къ 6-и лѣтней войнѣ, а также во всемъ, касающемся обобщеній, сочиненіе А. Н. Петрова должно быть поставлено выше перваго по *многосторонности* изслѣдованій автора, не останавливающегося только на одной специально *военной* сторонѣ дѣла, но разсматривающаго событія войны 1806—12 г. г. и съ *политической* стороны и съ точки военно-административныхъ условій, которыя или вовсе опускаются Михайловскимъ-

Данилевскимъ, или же онъ касается ихъ весьма поверхностно. Настолько же легко относится Михайловскій - Данилевскій и къ детальной сторонѣ дѣла. Описание сраженій и осадъ крѣпостей имъ приводится лишь только въ общихъ чертахъ, въ общихъ абрисахъ, въ то время, какъ въ сочиненіи А. Н. Петрова подробное и обстоятельное ихъ изложеніе, насколько то допускается архивнымъ матеріаломъ, которымъ онъ пользовался, составляетъ главное достоинство. Михайловскій-Данилевскій крайне рѣдко ссылается на документы и говоритъ отъ себя, вынуждая тѣмъ читателя вѣрить ему на-слово. А. Н. Петровъ порой излишне документаленъ; онъ очень щедръ на выписки изъ подлинныхъ документовъ. Приводя ихъ безпрестанно, онъ, посредствомъ ихъ, заставляетъ высказываться самихъ дѣятелей о принятыхъ ими рѣшеніяхъ и мотивахъ, ихъ вызвавшихъ, и этимъ путемъ знакомитъ съ внутренней стороною дѣла, съ вліяніемъ *субъективныхъ* причинъ на ходъ и развитіе военныхъ дѣйствій. Приводимые А. Н. Петровымъ документы даютъ, сверхъ того, читателю полную возможность повѣрить всѣ его выводы и заключенія. *Критическая оцѣнка* явленій войны 1806—12 г. г. у Михайловскаго-Данилевскаго совершенно отсутствуетъ, въ то время, какъ А. Н. Петровъ отводитъ ей широкое мѣсто, чтò отчасти видно изъ настоящей рецензіи. Съ критическими выводами автора, особенно же съ нѣкоторыми изъ его заключительныхъ выводовъ (въ концѣ ч. III его труда), не всегда можно согласиться, но зато фактическая сторона представлена, въ большей части случаевъ, не только обстоятельно, но и вполне правдиво.

Во всѣхъ только-что указанныхъ отношеніяхъ настоящее сочиненіе А. Н. Петрова является вполне *самостоятельнымъ изслѣдованіемъ* войны Россіи съ Турціею въ 1806—12 г. г.

Въ заключеніе сравненія двухъ приведенныхъ сочиненій позволяю себѣ замѣтить, что если *цѣльность* составляетъ главное достоинство труда Михайловскаго - Данилевскаго, а *правда, историческая достоверность*, становится иногда подъ сомнѣніе, то въ сочиненіи А. Н. Петрова, наоборотъ, *правда* — это его

самая сильная сторона, *цѣльность* же изложенія оставляетъ не малаго желать.

Какъ видно, эти два сочиненія одно другое дополняютъ. Въ чемъ сильно одно, въ томъ слабо другое, и обратно. Этимъ сразу и опредѣляется значеніе труда А. Н. Петрова. Изслѣдованіе его не упраздняетъ сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго, но весьма существенно его дополняетъ, устраняя почти всѣ недостатки послѣдняго. *Это—уже очень важный шагъ впередъ.*

Въ виду этого и особенно обилія данныхъ, основанныхъ на приводимыхъ въ первый разъ архивныхъ документахъ, проливающихъ новый свѣтъ на многіе факты я считаю долгомъ обратить вниманіе Императорской Академіи Наукъ на послѣднее сочиненіе А. Н. Петрова: «Война Россіи съ Турціею съ 1806 по 12 г. г.» и просить удостоить его одной изъ премій митрополита Макарія, какъ сочиненіе, представляющее, несмотря на нѣкоторые указанные мною недостатки, весьма цѣнный вкладъ въ литературу нашихъ турецкихъ войнъ, изслѣдованію которыхъ авторомъ посвященъ 27-лѣтній усиленный, настойчивый и въ высокой степени добросовѣстный трудъ. Сочиненіе это является продолженіемъ двухъ первыхъ сочиненій того же автора о турецкихъ войнахъ: «Война Россіи съ Турціею и польскими конфедератами съ 1767 по 1774 г.» и «Вторая Турецкая война въ царствованіе императрицы Екатерины II-й (1787—1791 г.г.)», изъ которыхъ послѣднее удостоено Академіею преміи гр. Уварова.

III.

ПОЛЬСКО-РУССКАЯ ВОЙНА 1831 г.

Составилъ генеральнаго штаба полковникъ (нынѣ генералъ-маіоръ)
А. К. Пузыревскій.

Рецензія члена Академіи Н. Ф. Дубровина.

Появленіе сочиненія подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ принадлежитъ къ числу выдающихся явленій въ нашей военной литературѣ. Оно написано адъюнктъ-профессоромъ Николаевской академіи генеральнаго штаба, еще до изданія своего труда, въ теченіе многихъ лѣтъ, читавшаго лекціи о польско-русской войнѣ и основательно знакомаго съ ходомъ военныхъ дѣйствій.

Исторія этой войны имѣетъ довольно обширную литературу на русскомъ и иностранныхъ языкахъ и впервые явилась въ связномъ разсказѣ въ нѣмецкомъ сочиненіи Ф. Смита, переведенномъ на русскій языкъ г. Квитницкимъ¹⁾. Будучи современникомъ описываемыхъ событій, но не военнымъ, Смитъ не всегда сохраняетъ безпристрастіе къ лицамъ и касается болѣе политическихъ событій чѣмъ военныхъ. Послѣднія часто изложены сбивчиво и не съ достаточной подробностью, а потому книга г. Пузыревскаго является желаемымъ дополненіемъ. Написанная спеціально для слушателей военной академіи, она

¹⁾ Подъ заглавіемъ «Исторія польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 гг.». Переведена съ нѣмецкаго гвардіи капитаномъ Квитницкимъ. 3 тома. С.-Петербургъ, 1863—1864 гг.

должна удовлетворять главнѣйшей потребности — изученію спеціально военнаго дѣла, и потому понятно, что авторъ принужденъ былъ касаться политической части лишь въ общихъ чертахъ на столько, на сколько это необходимо для уясненія военныхъ операцій, предпринимаемыхъ тою или другою стороною.

«Мой трудъ, говоритъ авторъ, составленъ и приспособленъ именно къ требованіямъ моихъ академическихъ слушателей. Этимъ опредѣляется уже въ значительной степени характеръ и объемъ сочиненія. Такимъ образомъ политическая сторона возстанія почти совершенно у меня исключена, и если я иногда обращаюсь къ ней, то лишь на столько, на сколько это необходимо для выясненія хода военныхъ дѣйствій. . . . Принимая указанную точку зрѣнія, я останавливаюсь на подробномъ изложеніи военныхъ дѣйствій, причемъ наиболѣе поучительная часть войны, а именно до назначенія главнокомандующимъ гр. Паскевича, описана съ возможными деталями, а операціи арміи подъ начальствомъ Паскевича изложены въ относительно сжатомъ, хотя, полагаю, въ достаточно обстоятельномъ очеркѣ »

Вѣрный высказанной имъ программѣ, авторъ предпосылаетъ своему труду обзоръ источниковъ, и въ числѣ главнѣйшихъ приводитъ 13 на русскомъ и 12 на французскомъ и польскомъ языкахъ. Сверхъ того, онъ указываетъ на многія статьи, помѣщенные въ журналахъ: «Военномъ Сборникѣ», «Русской Старинѣ», «Русскомъ Архивѣ» и другихъ. Въ теченіе полустолѣтія, прошедшаго съ окончанія военныхъ дѣйствій, появилось много отдѣльныхъ монографій, записокъ и статей, относящихся до войны 1831 года, которыя по видимому остались неизвѣстными автору, но этотъ упрекъ не можетъ умалить значенія и достоинства изслѣдованія г. Пузыревскаго. Надо быть очень близко знакомымъ съ русскою историческою библіографіею, чтобы не упустить нѣсколькихъ книгъ или статей, изданныхъ за полвѣка тому назадъ.

Возстаніе въ Польшѣ застало нашу армію не мобилизованною, широко расквартированной и имѣвшую мирную органи-

зацію. Только часть ея и притомъ случайно приводилась на военное положеніе въ виду предполагаемаго движенія въ Бельгію, для усмиренія происшедшаго тамъ возстанія.

Къ началу польской кампаніи въ ближайшей къ Польшѣ первой линіи, на пространствѣ 1200 верстъ, отъ Митавы, черезъ Гродно, Брестъ до Летичева, было расположено около 86 т. человекъ русскихъ войскъ; остальные находились далеко отъ границы внутри Имперіи. — Дурныя дороги и глубокая осень были причиною того, что сосредоточеніе достаточныхъ силъ могло произойти не ранѣе какъ черезъ три мѣсяца. Этимъ временемъ поляки воспользовались самымъ искуснымъ образомъ.

При началѣ возстанія они располагали всего 28 т. пѣхоты, 7 т. кавалерія при 106 орудіяхъ.

Благодаря неусыпнымъ стараніямъ Великаго Князя Константина Павловича, польскія войска были обучены превосходно. «Пренебреженные въ русской арміи, говоритъ авторъ, вспомогательные предметы обученія, какъ напримѣръ плаваніе¹⁾, фехтованіе и проч., ведены были въ польской арміи систематически съ должнымъ вниманіемъ. Полевые занятія и маневры, въ которыхъ польскіе начальники оказывались весьма искусными, ведены были цесаревичемъ тоже на болѣе раціональныхъ началахъ нежели внутри Россіи... Польская армія отличалась въ бою столько же пылкостью атакъ, сколько мужественной стойкостью при оборонѣ». — Дѣйствующая польская кавалерія и артиллерія были также очень хороши, но малочисленны.

Поляки сознавали, что при всѣхъ блестящихъ достоинствахъ ихъ регулярной арміи, численность ея, конечно, была далеко не достаточна для борьбы съ такимъ могущественнымъ государствомъ, какъ Россія. По этому для развитія своихъ боевыхъ силъ они рѣшились призвать подъ знамена старо-служащихъ,

¹⁾ Успѣхи войскъ въ этомъ отношеніи были, можно сказать, невѣроятными; такъ при испытаніи обученныхъ людей, они должны были переплыть Вислу безъ отдыха шесть разъ, или же цѣлыя части переплывали рѣку два раза въ мундирахъ, имѣя впереди офицеровъ и т. п. *Примѣч. автора.*

(которыхъ при десяти-лѣтнемъ срокѣ насчитывалось до 20 т. челов.) и собрать по набору 100 т. человѣкъ. — Для пополненія польской арміи офицерами имѣлась одна только Варшавская школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ. — Усиленный выпускъ изъ этого заведенія не могъ удовлетворить всей потребности, и потому пришлось давать офицерскіе чины многимъ шляхтичамъ (дворянамъ), никогда не служившимъ въ военной службѣ и приносившимъ большой вредъ арміи, подрывая дисциплину. Вызванный этою мѣрою ропотъ въ старыхъ войскахъ еще болѣе усилился, когда подобные офицеры были назначаемы на высшія мѣста и становились начальниками заслуженныхъ, опытныхъ офицеровъ.

Оружія было также недостаточно, и для вооруженія новобранцовъ служили старыя ружья, найденныя въ арсеналахъ, но ихъ было такъ мало, что третью шеренгу пришлось вооружить однѣми косами. Съ крайними усиліями поляки могли приготовить сорокъ милліоновъ патроновъ для пѣхоты и снабдить каждое орудіе 300 зарядовъ. Главнѣйшее затрудненіе заключалось въ комплектованіи арміи лошадьми для кавалеріи: пришлось брать сначала упряжныхъ, а потомъ довольствоваться и крестьянскими. Отъ этого новыя кавалерійскіе полки значительно уступали старымъ, по недостатку выучки и плохому конскому составу. Въ виду этого поляки охотно искали для боя пересѣченной мѣстности, гдѣ можно было парализовать дѣятельность превосходной русской кавалеріи.

Не смотря на громадность затрудненій, встрѣченныхъ, поляками въ формированіи арміи, они, къ началу военныхъ дѣйствій, могли считать въ своихъ рядахъ 130 — 140 т. челов.; но собственно для полевыхъ дѣйствій имѣли не болѣе 60 т. человѣкъ.

Противъ этихъ силъ къ 20 января 1831 года, на линіи Ковно-Гродно-Бѣлостокъ - Брестъ, нашъ главнокомандующій, графъ Дибичъ, успѣлъ сосредоточить до 98 т. пѣхоты, 28 т. кавалеріи и 144 орудія. Войска эти, хотя и уступали въ тактиче-

скомъ отношеніи дѣйствующимъ польскимъ войскамъ, хотя они и не были воодушевлены какъ польскія, дравшіяся за существованіе, но, говоритъ авторъ, «обычныя доблести русской арміи и традиціи о подвигахъ, совершенныхъ отцами и ими самими въ недавнихъ войнахъ, были такъ велики, что во всѣхъ столкновеніяхъ полки наши поддерживали старую славу и обнаружили свойственную имъ отвагу и стойкость. Въ особенности отличался гренадерскій корпусъ, а также 13 и 14 егерскіе полки, бывшіе красною русской арміи.»

При такихъ условіяхъ открылись военныя дѣйствія и польская война тянулась восемь мѣсяцевъ при совершенно разныхъ условіяхъ для двухъ противниковъ. Съ одной стороны выступало на борьбу обширное государство, обладающее громадными средствами, съ другой относительно малолюдная страна и съ сравнительно небольшими боевыми силами. Казалось, что результатъ борьбы несомнѣненъ и самый ходъ кампаніи долженъ представляться въ видѣ побѣднаго шествія сильнѣйшаго, но на дѣлѣ оказалось не такъ, успѣхъ часто колебался и было время, когда онъ склонялся на сторону слабѣйшаго.

Главнокомандующій русскою арміею, графъ Дибичъ Забалканскій, желая сохранить за собою блестящую боевую репутацію прежнихъ лѣтъ и не уронить авторитета, сталъ придумывать слишкомъ сложныя комбинаціи, которыя весьма рѣдко удаются. — «Продолжительная штабная служба и отдаленіе отъ войскъ отразились на немъ не выгодно; онъ умѣлъ сразу отгадывать стратегическую обстановку, сообразить важные пункты и слабыя стороны непріятеля, но самое веденіе, исполненіе дѣла для него представляли уже затрудненія и требовали той рѣшительности, которую онъ не всегда могъ проявить.»

Основной его планъ заключался въ томъ, чтобы держать свои силы сосредоточенными и разбить непріятеля или на лѣвомъ берегу Буга, или на правомъ Нарева, стараясь сколь возможно отдѣлать поляковъ отъ Варшавы. Въ случаѣ неудачи въ этомъ, Дибичъ предполагалъ, перейдя верхнюю Вислу, окру-

жить Варшаву и заставить ее, или голодомъ или штурмомъ, сдаться на капитуляцію. Планъ этотъ требовалъ быстроты и рѣшительности дѣйствій; онъ находился въ зависимости отъ погоды и запасовъ продовольствія. То и другое не благопріятствовало Дибичу, и отъ этого плана, какъ и отъ многихъ другихъ, пришлось отказаться потому, что погода мѣнялась, рѣки не вовремя вскрывались отъ льда, а продовольственная часть арміи была въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи. Нигдѣ продовольствіе не имѣло столь большаго значенія, какъ въ первой половинѣ польской кампаніи. Стѣсненный отпускомъ суммъ, необходимыхъ для потребностей арміи, Дибичъ по необходимости принужденъ былъ медлить наступленіемъ. Продовольственная и перевозочная части арміи были устроены на столько не удовлетворительно, что гибельно отразились на стратегическихъ соображеніяхъ и дѣйствіяхъ главнокомандующаго.

Какъ бы то ни было, но вѣрный первому своему плану, Дибичъ, согласно диспозиціи 24 — 25 января 1831 года, перешелъ границу одиннадцатью колоннами. Между тѣмъ поляки, не зная съ которой стороны будетъ наступать непріятель, рѣшились расположить свою армію эшелонами по двумъ дорогамъ, ведущимъ къ Варшавѣ — изъ Ковно и Брестъ-Литовска. Столица Польши была объявлена въ осадномъ положеніи; на высотахъ города, командующихъ Прагою, строились батареи, а въ городѣ баррикады, съ приспособленіемъ ихъ къ орудійной оборонѣ.

Первыя дѣйствія нашихъ войскъ ознаменовались неудачнымъ дѣломъ на лѣвомъ флангѣ при Сточекѣ. Незначительное дѣло это возвысило духъ поляковъ и показало намъ, что въ будущемъ мы будемъ имѣть счеты съ весьма стойкимъ противникомъ. Вслѣдъ за тѣмъ произошелъ цѣлый рядъ сраженій у Добре, при Ваврѣ, у Бялоленки и наконецъ 13-го февраля — генеральный бой у Грахова, всего въ 15 верстахъ отъ Варшавы, по сю сторону Вислы. Этотъ бой, въ которомъ участвовало со стороны поляковъ до 56 т. человекъ, а съ нашей до 70 т., былъ чрезвычайно кровопролитенъ и стоилъ обѣимъ сто-

ронамъ болѣе 20 т. челов., выбывшихъ изъ строя. Граховское сраженіе закончило собою первый періодъ кампаніи. Полякамъ нанесено было столь сильное пораженіе, что почти всѣ старшіе начальники потеряли голову, но Дибичъ не воспользовался плодами побѣды.

«Если бы Дибичъ зналъ, пишетъ авторъ, въ какомъ состояніи находилась польская армія, то едва-ли бы приостановился въ нанесеніи полякамъ рѣшительнаго удара. Деморализація была полная; всѣ почти стремились въ Варшаву, полагая тамъ найти убѣжище; никто не слушалъ приказаній». Главнокомандующій польскою арміею князь Радзивиль до того растерялся, что приказалъ очистить не только Прагу, но и пражскій тетдепонъ, но впоследствии отмѣнилъ это приказаніе. Жители Варшавы, слѣдившіе съ возвышеннаго берега рѣки за ходомъ сраженія, были уstraшены на столько, что національная гвардія побросала мундиры и смѣшалась съ населеніемъ. «Немного нужно было усилій, чтобы привести городъ въ повиновеніе русскому правительству, но когда гроза притихла — всѣ постепенно успокоились и настроеніе быстро измѣнилось.»

Дибичъ не довелъ начатаго дѣла до конца главнѣйшимъ образомъ потому, что Граховское сраженіе произошло случайно, ранѣе чѣмъ онъ предполагалъ, и не было ведено такъ какъ онъ рассчитывалъ.

Расположивъ армію на широкихъ квартирахъ, онъ занялся организаціею продовольственной части и подготовкой средствъ къ переправѣ черезъ Вислу.

Побѣда подъ Граховымъ была тактическая, но не стратегическая, и ея послѣдствіемъ было измѣненіе положенія дѣлъ въ пользу поляковъ. До сраженія польская армія занимала неудобную позицію, имѣла въ тылу рѣку, къ которой могла быть приперта и уничтожена; послѣ сраженія она отошла за рѣку, прикрылась ею. Владѣя тетдепономъ, поляки могли предпринять наступательныя операціи и скрываться за преградой когда нужно; а между тѣмъ ледъ на рѣкѣ сдѣлался ненадежнымъ, переправу

нашей арміи приходилось отложить, дожидаться вскрытія Вислы и просушки почвы. Все это затягивало войну, отдаляло ее на довольно продолжительное время, въ теченіе котораго поляки успѣли преобразовать армію и развить средства для дальнѣйшей борьбы. Князь Радзивиль былъ смѣненъ и главнокомандующимъ назначенъ Скржинецкій, вызвавшій вполнѣдствіи къ себѣ такую ненависть соотечественниковъ, что принужденъ былъ скрыться изъ Варшавы. Съ назначеніемъ Скржинецкаго польская армія лишилась многихъ талантливыхъ дѣятелей, что было причиною неудачъ въ позднѣйшее время. Теперь же, благодаря бездѣятельности графа Дибича, поляки могли съ успѣхомъ реорганизовать свою армію, и въ половинѣ марта силы ихъ доходили до 76 т. чел. при 158 орудіяхъ; изъ нихъ въ главной арміи было 51 т. чел., въ отрядахъ: Сѣвскаго 7 т., Дверницкаго $6\frac{1}{2}$ тысячъ и въ резервѣ у Паца 11 т. — Сверхъ того гарнизоны Модлина, Замостья, Праги и національная гвардія — до 26 т.; всего въ польской арміи было болѣе 100 т. чел. — Понимая, что и этихъ силъ недостаточно для борьбы съ русскою арміею, поляки стремились расширить театръ возстанія, и для затрудненія нашимъ войскамъ пользоваться средствами занятаго края, они организовали отдѣльные отряды, изъ которыхъ многіе ознаменовали свою дѣятельность особою смѣлостью. Таковы были напримѣръ дѣйствія Дверницкаго въ Люблинскомъ воеводствѣ.

Малочисленность нашего корпуса, оставленнаго подъ начальствомъ барона Крейца для защиты Люблинскаго воеводства, и слабое занятіе нами границы съ той стороны, обнадеживали поляковъ въ успѣхѣхъ дѣйствій въ этомъ направленіи. — Съ этою цѣлью рѣшено было сформировать партизанскій отрядъ, силою въ тысячу коней, подъ начальствомъ Дверницкаго и отправить его на Волынь для возбужденія тамъ возстанія. Дверницкій соглашался произвести экспедицію, но съ тѣмъ, чтобы ему данъ былъ весь его отрядъ, т. е. 4 баталіона пѣхоты, 22 эскадрона кавалеріи, 12 орудій или всего около 6,500 человекъ. Въ случаѣ, если бы на Волынѣ не удалось поднять населеніе

то Дверницкому приказано раздробить свой отрядъ на мелкія партіи и при невозможности держаться на Волини — броситься на сообщенія русскихъ въ Литву.

Выступивъ 17-го февраля отъ Козеницы къ Гнѣвашову, Дверницкій перешелъ Вислу у Пулавъ и двинулся къ Люблину, который и занялъ послѣ удачнаго для себя столкновенія съ отрядомъ барона Крейца. Занявъ Люблинъ 20-го февраля, Дверницкій оставался тамъ до 23-го числа, пополнилъ запасы, сформировалъ ополченіе и затѣмъ двинулся въ Красноставъ. Преслѣдуемый русскими отрядами, онъ успѣлъ однако же отойти къ Замостью и стать подъ защиту крѣпости. Хотя Дверницкій не достигъ никакихъ блестящихъ результатовъ, но экспедиція его принесла существенную пользу полякамъ тѣмъ, что она отвлекла на себя часть нашихъ силъ.

Между тѣмъ наступилъ мартъ мѣсяць, дороги испортились и отъ таянія снѣговъ обратились въ море грязи. — Главкомандующій, графъ Дибичъ, не слушая совѣтовъ начальника штаба, графа Толя, рѣшился приступить къ переправѣ черезъ рѣку Вислу. Двигаясь съ главными силами къ устьямъ Вепржа, онъ заслонилъ себя со стороны Праги корпусомъ барона Розена.

Поляки понимали всю трудность и даже невозможность непосредственной обороны Вислы, такъ какъ русская армія могла обратиться или къ Тырчину или къ Казимержу; съ другой стороны утвержденіе русскихъ за Вислою грозило паденіемъ Варшавы. Полякамъ казалось гораздо выгоднѣе броситься въ превосходныхъ силахъ на барона Розена, разбить его или по крайней мѣрѣ отбросить за Кодушинъ и ставъ между имъ и главными силами, дѣйствовать по обстоятельствамъ. Планъ этотъ, составленный Прондзинскимъ, былъ приведенъ въ исполненіе Скржинецкимъ.

Въ то время, когда Дибичъ готовился къ переправѣ, поляки своими главными силами нанесли рѣшительный и совершенно неожиданный ударъ барону Розену. Въ ночь на 20-е марта генералъ Рыбинскій съ 12 баталіонами, 18 оруд. и одною кав-

лерійскою бригадою подошелъ скрытно къ авангарду Розена, находившемуся подъ начальствомъ генерала Гейсмара у Вавра, близъ Грахова. На разсвѣтѣ Гейсмаръ былъ стремительно атакованъ и, будучи тѣснимъ превосходнымъ въ силахъ противникомъ, сталъ отступать на главную позицію при Дембе-Віельке. Не останавливаясь въ преслѣдованіи, поляки тотчасъ же атаковали главныя силы Розена и заставили его съ большими потерями отступить на Колушинь.

Донесеніе о неудачѣ, постигшей корпусъ Розена, и полученныя извѣстія о возстаніи въ Литвѣ заставили Дибича отложить переправу. Такимъ образомъ поляки успѣли на нѣкоторое время захватить инициативу дѣйствій въ свои руки. Рядомъ съ большими операціями противъ русской арміи, они развили такъ называемую малую войну и предприняли рядъ партизанскихъ набѣговъ. Отряды ихъ появлялись на флангахъ и въ тылу русской арміи и имѣли цѣлю поднятіемъ сочувствовавшего имъ населенія уравновѣсить шансы борьбы. Наскоро сформированныя толпы появлялись въ разныхъ пунктахъ: нападали на селенія, города, небольшіе наши отряды и вообще знаменовали собою всѣ признаки народной войны.

Описаніе этого отдѣла военныхъ дѣйствій является наиболѣе слабымъ въ сочиненіи г. Пузыревскаго, что объясняется двумя причинами: во первыхъ, отсутствіемъ достаточнаго числа данныхъ, бывшихъ въ распоряженіи автора, а во-вторыхъ тѣмъ, что при чтеніи своего курса въ академіи, онъ долженъ былъ обращать вниманіе слушателей на главныя дѣйствія, оставляя въ сторонѣ дѣйствія второстепенныя.

Это первый отдѣлъ кампаніи самый поучительный и мы остановились на немъ нѣсколько подробнѣе, рассказавъ краткое содержаніе дѣйствій обѣихъ сторонъ. Далѣе преобладаніе силы взяло перевѣсъ и со взятіемъ Варшавы поляки принуждены были признать себя побѣжденными. Авторъ также обращаетъ наибольшее вниманіе на первую часть кампаніи и излагаетъ ее съ наибольшею подробностію.

Вообще я долженъ сказать, что особенности и значеніе сочиненія г. Пузыревскаго заключаются въ томъ, что только путемъ самаго тщательнаго изученія источниковъ, въ особенности архивныхъ, онъ могъ доискаться истиннаго хода событій и дать правдивое, вполне безпристрастное описаніе военныхъ дѣйствій. Положеніе автора было тѣмъ болѣе трудно, что большинство польскихъ источниковъ, изъ которыхъ только и можно было главнѣйшимъ образомъ заимствовать свѣдѣнія о дѣйствіяхъ противной стороны, написаны подъ давленіемъ политическихъ страстей, предвзятыхъ взглядовъ и нерѣдко по слухамъ, хотя и участниками событій. Сочиненія подобнаго рода не опираются на чисто научныхъ началахъ, а скорѣе касаются области военной политики, переполнены симпатіями и антипатіями къ дѣйствующимъ лицамъ — что, конечно, отражается на правдивости разсказа, на достовѣрности сообщаемыхъ фактовъ. Историкъ, дающій вѣру подобнымъ сочиненіямъ и не подвергающій ихъ критической оцѣнки, неизбѣжно впадетъ въ грубыя ошибки и противорѣчія. Такъ случилось съ г. Смитомъ, изложеніе котораго во многихъ мѣстахъ мало достовѣрно.

Нельзя не поставить въ заслугу г. Пузыревскому то, что онъ удерживается отъ строгихъ приговоровъ и осужденія дѣятелей кампаніи. Сохраняя наибѣйшее безпристрастіе къ лицамъ и событіямъ, авторъ сообщаетъ лишь факты и приводитъ только данныя для характеристики лицъ, онъ предоставляетъ читателю выводить заключенія самому. Безъ приговоровъ автора читатель видитъ, что событія во многомъ не подчиняются воли даже и самыхъ талантливыхъ людей и часто не представляется возможнымъ предвидѣть гдѣ и когда случится самое грандіозное событіе, имѣющее рѣшающее значеніе на всю кампанію. Таковы особенности военнаго дѣла, требующія глубокаго изученія.

Польская кампанія поучительна еще и въ томъ отношеніи, что театръ войны на которомъ развивались самыя большія сраженія, остается и до сихъ поръ почти пограничнымъ, слѣдовательно тщательное изученіе его необходимо и для будущаго вре-

мени, какъ мѣста наиболѣе вѣроятнаго столкновенія съ непріателемъ. Свѣдѣнія о характерѣ страны, ея рельефъ и путей сообщенія, приобрѣтаются не изъ военно-статистическихъ или географическихъ описаній, а тщательнымъ изученіемъ разнообразныхъ операцій дѣйствительной войны.

Чтобы на такой мѣстности съ успѣхомъ бороться въ будущемъ, необходимо тщательно прослѣдить, что предпринималъ и чѣмъ пользовался противникъ, что было упущено и не предусмотрено у насъ. Вотъ почему въ подобномъ сочиненіи подробное и ясное описаніе театра войны является крайне необходимымъ. Г. Пузыревскій даетъ на столько обстоятельное описаніе, что, какъ намъ извѣстно, на бывшихъ въ прошломъ году маневрахъ на этой мѣстности, оно для многихъ служило руководствомъ.

Прочтя книгу г. Пузыревскаго не трудно видѣть, что причиною неудачнаго хода перваго періода кампаніи была, во-первыхъ, расброска силъ, а во-вторыхъ—плохое устройство продовольственной части. Въ этомъ отношеніи разбираемый трудъ имѣетъ особенность, на которую нельзя не обратить вниманія. Подробное, можно сказать детальное изученіе хозяйственнаго вопроса въ арміи составляетъ одно изъ достоинствъ труда г. Пузыревскаго.

Знаменитый фельдмаршалъ гр. П. А. Румянцовъ - Задунайскій говорилъ, что всякую войну надо начинать *съ брюха*, т. е. прежде всего обезпечить войска продовольствіемъ, обмундированіемъ и боевыми припасами. Только при такихъ условіяхъ полководецъ можетъ рассчитывать на цѣльность и законченность своихъ боевыхъ операцій. Многіе талантливые вожди лишали себя побѣдныхъ лавровъ, а войска заслуженной славы именно потому, что не обращали вниманія или не умѣли обезпечить войска всѣмъ необходимымъ.

Между тѣмъ большинство историковъ упускаютъ это изъ вида, вовсе не разбираютъ или только слегка касаются хозяйственныхъ

распоряженій главнокомандующаго ¹⁾). Отсюда происходит то, что многія событія остаются необъяснимыми и самый ход военныхъ дѣйствій непонятнымъ. Авторъ обратилъ на это серьезное вниманіе и въ своемъ сочиненіи даетъ намъ много чрезвычайно важныхъ и интересныхъ данныхъ до сихъ поръ неизвѣстныхъ. Самый ходъ кампаніи изложенъ подробно, сраженія описаны ясно, съ критическою оцѣнкою дѣйствій обѣихъ сторонъ; къ сочиненію приложенъ особый атласъ съ прекрасно исполненными планами сраженій.

Наша и иностранная литературы обратили вниманіе на сочиненіе г. Пузыревскаго тотчасъ послѣ его изданія. Оно переводится на польскій языкъ и во многихъ германскихъ газетахъ высказано желаніе имѣть его на нѣмецкомъ языкѣ ²⁾).

На основаніи всего изложеннаго, я считаю долгомъ обратить вниманіе Академіи на соч. г. Пузыревскаго и удостоить его наибольшей преміи, которую оно вполне заслуживаетъ.

¹⁾ Происходитъ это отъ того, что хозяйственная часть не возбуждаетъ интереса, а между тѣмъ разысканіе необходимыхъ данныхъ представляетъ не мало затрудненій.

²⁾ См. *Militer—Literaturzeitung* 1886 г. № 9 и *Deutsche Literaturzeitung* 1-e Januar 1887 г.

IV.

ОТЗЫВЪ АКАДЕМИКА Л. И. ШРЕНКА О СОЧИНЕНИИ ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТА КАПИТАНА 1-ГО РАНГА СТЕП. ОСИП. МАКАРОВА: «ОБЪ ОБМѢНѢ ВОДЪ ЧЕРНАГО И СРЕДИЗЕМНАГО МОРЕЙ».

Получивъ порученіе—разсмотрѣть участвующее въ конкурсѣ на преміи митрополита Макарія за 1887-ой годъ сочиненіе капитана 1-го ранга С. О. Макарова: «Объ обмѣнѣ водъ Чернаго и Средиземнаго морей», считаю прежде всего долгомъ обратить вниманіе комисіи на то обстоятельство, что объ этомъ сочиненіи имѣются уже два весьма вѣскихъ отзыва. Первый изъ нихъ былъ представленъ Академіи въ засѣданіи ея Физико-Математическаго Отдѣленія 21-го мая 1885 г. академиками Гадолинымъ и Вильдомъ, и на основаніи его трудъ капитана Макарова былъ напечатанъ въ Запискахъ Академіи, въ числѣ приложений (№ 6) къ LI-му тому этого изданія. Затѣмъ, послѣ появленія упомянутаго труда въ печати, помощникъ директора Главной Физической Обсерваторіи, капитанъ-лейтенантъ Рыкачевъ напечаталъ подробный разборъ его въ Морскомъ Сборникѣ за 1886 г. (№ 5).

Оба отзыва вполне одобрительные, и я, съ своей стороны, совершенно съ ними согласенъ. Въ виду этого считаю излишнимъ снова входить въ подробный разборъ сочиненія капитана Макарова, потому что мнѣ пришлось бы только повторить то, что уже до меня было написано и даже напечатано лицами вполне

авторитетными. Но дабы комиссія могла имѣть сужденіе объ упомянутомъ сочиненіи, имѣю честь, прилагая при семъ оттискъ печатнаго отзыва о немъ г. Рыкачева, предложить къ прочтенію въ комисіи упомянутую выше записку о томъ же предметѣ академикомъ Гадолина и Вильда, хранящуюся, въ рукописи, въ приложеніяхъ къ протоколамъ засѣданій Академіи.

Такъ какъ авторы этой записки имѣли въ виду лишь вопросъ о напечатаніи сочиненія капитана Макарова въ изданіяхъ Академіи, а не о присужденіи ему преміи, то мнѣ остается еще взглянуть на него и въ этомъ отношеніи. Изъ прочтенной записки комиссія можетъ усмотрѣть, что кап. Макаровъ помощію многочисленныхъ наблюденій, произведенныхъ имъ надъ движеніемъ, удѣльнымъ вѣсомъ и температурою воды въ Босфорѣ и въ смежныхъ съ нимъ Черномъ и Мраморномъ моряхъ, вывелъ новые, весьма замѣчательные и цѣнные для науки результаты относительно существованія и направленія теченій въ упомянутомъ проливѣ и происходящаго посредствомъ нихъ обмѣна водъ Чернаго и Средиземнаго морей. Такимъ образомъ трудъ кап. Макарова соотвѣтствуетъ требованію, изложенному въ параграфѣ второмъ Правилъ о преміяхъ митрополита Макарія, коимъ постановляется, что «этихъ премій могутъ быть удостоиваемы лишь самостоятельные труды и притомъ такіе, которые существенно обогащаютъ науку, внося въ нее новые факты, наблюденія и воззрѣнія». Нелишнимъ считаю прибавить, что кап. Макаровъ приступилъ къ своимъ изслѣдованіямъ по собственной инициативѣ, не получивъ къ тому ни порученія, ни инструкцій, и дѣлалъ ихъ своими средствами, пользуясь только тѣми пособіями, какія предоставляла ему занимаемая имъ должность командира станціонернаго парохода. Не имѣя сначала надлежащихъ приборовъ для производства точныхъ наблюденій, кап. Макаровъ съ замѣчательною настойчивостью старался устранять встрѣчаемыя имъ препятствія и недостатки инструментовъ помощію разныхъ приспособленій и приемовъ, а для главнѣйшихъ наблюденій, опредѣленія скорости теченія на раз-

ныхъ глубинахъ, придумалъ особый приборъ, названный имъ флюктометромъ и въ послѣдствіи еще усовершенствованный на опытѣ. Правда, нѣкоторыя величины, какъ напримѣръ количество воды, изливающейся въ единицу времени изъ Мраморнаго моря въ Черное и на оборотъ изъ Чернаго въ Мраморное, или разность уровней этихъ морей и т. подобн., въ трудѣ кап. Макарова, какъ по недостатку данныхъ, такъ и по непродолжительности наблюдений, опредѣлены лишь приблизительно, но авторъ и самъ не иначе смотритъ на эти опредѣленія.

Нельзя не пожалѣть объ одномъ упущеніи. Подымая посредствомъ батометра воду изъ разныхъ глубинъ въ Босфорѣ и смежныхъ съ нимъ моряхъ, для опредѣленія ея удѣльнаго вѣса и температуры, кап. Макаровъ не позаботился, однако, о сохраненіи образцовъ ея, для будущаго химическаго изслѣдованія ихъ, хотя это не составило бы большаго труда: стоило бы только наполнить ими бутылки, плотно закупорить ихъ и снабдить ярлыками, съ обозначеніемъ, гдѣ, съ какой глубины и при какихъ условіяхъ атмосферы зачерпнута вода, и какой найденъ въ ней удѣльный вѣсъ. А между тѣмъ, имѣя химическіе анализы воды съ разныхъ глубинъ Босфора и смежныхъ съ нимъ морей, можно было бы судить о происходящемъ между ними обмѣнѣ водъ еще и съ другой точки зрѣнія. Да кромѣ того, полученныя такимъ образомъ данныя могли бы послужить и къ разъясненію впредь разныхъ вопросовъ о вертикальномъ распредѣленіи и взаимномъ обмѣнѣ организмовъ Чернаго и Средиземнаго морей. Впрочемъ, достигнутые кап. Макаровымъ результаты отъ такого упущенія, понятнымъ образомъ, не умаляются.

На основаніи вышеизложеннаго я полагаю бы справедливымъ присудить сочиненію кап. Макарова: «Объ обмѣнѣ водъ Чернаго и Средиземнаго морей» неполную премию митрополита Макарія.

**Донесеніе академиковъ Г. И. Вильда и А. В. Гадолина о
сочиненіи Степ. Осип. Макарова «Объ обмѣнѣ водъ Чернаго
и Средиземнаго морей»,**

читанное въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія Академіи 21 мая
1885 г.

Имѣемъ честь обратить вниманіе Академіи на статью флигель-адъютанта, капитана 1-го ранга С. О. Макарова «*Объ обмѣнѣ водъ Чернаго и Средиземнаго морей*». Въ этой статьѣ авторъ излагаетъ главнымъ образомъ результаты произведенныхъ имъ въ 1881 и 1882 годахъ, во время командованія имъ пароходомъ Тамань, изслѣдованій надъ теченіями, удѣльнымъ вѣсомъ и температурою воды на различныхъ глубинахъ Босфора.

Существованіе поверхностнаго теченія воды изъ Чернаго моря въ Мраморное общеизвѣстно. На глубинѣ Босфора существуетъ обратное теченіе болѣе соленой воды изъ Мраморнаго моря въ Черное. Впервые теченіе это было доказано и причины его выяснены итальянскимъ ученымъ Марсильи, написавшимъ объ этомъ предметѣ въ 1681 году письмо шведской королевы Христины. Тѣмъ не менѣе впослѣдствіи существованіе нижняго теченія или вовсе игнорировалось, или же неточно объяснялось учеными, писавшими о Босфорѣ. Членъ Королевскаго Общества въ Лондонѣ, капитанъ Спраттъ, производившій съемку Босфора, представилъ этому Обществу докладъ, въ которомъ отрицалъ обратное нижнее теченіе, выражая мнѣніе, что соль, уносимая теченіемъ воды изъ Чернаго моря въ Мраморное, вознаграждается обратнымъ теченіемъ черезъ Босфоръ исключительно только въ зимніе мѣсяцы. Первое точ-

ное изслѣдованіе теченій водъ черезъ Босфоръ принадлежитъ г-ну Макарову, который опредѣлилъ скорость теченія въ разныхъ глубинахъ вмѣстѣ съ температурою и плотностью воды. Наблюденія его были сдѣланы въ различныя времена года и по нѣскольку дней подъ рядъ ежечасно; всего сдѣлано до тысячи измѣреній теченія и до четырехъ тысячъ опредѣленій температуры и удѣльнаго вѣса воды. На основаніи такого богатаго матеріала и нѣкоторыхъ добавочныхъ данныхъ о Черномъ и Мраморномъ моряхъ и Босфорѣ, г. Макаровъ весьма отчетливо обрисовалъ явленіе обмѣна водъ между этими морями. Оказывается, что граница между верхнимъ теченіемъ изъ Чернаго моря въ Мраморное и нижнимъ, совершающимся въ обратномъ направленіи, весьма рѣзко очерчена. Эта граница имѣетъ склонъ къ Черному морю; положеніе ея подвержено суточнымъ и другимъ колебаніямъ, но въ среднемъ можно полагать, что она противъ Константинополя, въ $15\frac{1}{2}$ морскихъ миляхъ отъ Чернаго моря, встрѣчается на глубинѣ 11 морскихъ сажень, а у Чернаго моря на глубинѣ $27\frac{1}{3}$ сажень. Русло верхняго теченія нѣсколько измѣняется въ ширинѣ, въ зависимости отъ ширины пролива; въ мѣстные заливы русло это однако не заходитъ—въ нихъ, напротивъ того, совершается обратное движеніе воды. По мѣрѣ того, какъ глубина русла дѣлается меньше по мѣрѣ приближенія къ Константинополю, скорость теченія увеличивается независимо отъ того увеличенія скорости, которое происходитъ въ болѣе узкихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ можно опредѣнить среднюю скорость у поверхности воды у Филь-Бурну, въ $1\frac{1}{2}$ миляхъ отъ Чернаго моря, въ 1,2 фута въ секунду; въ самомъ узкомъ мѣстѣ у Арнаутъ-Кіюй, въ 12-ти миляхъ отъ Чернаго моря, скорость эта достигаетъ наибольшей величины 6,5 футъ, противъ Константинополя-же она опять меньше ($4\frac{1}{4}$ фута). Верхнее теченіе вообще очень прихотливо; скорость его измѣняется въ частности отъ 0 до 10 футъ въ секунду. По мѣрѣ же углубленія скорость верхняго теченія постепенно убываетъ, на нѣкоторой глубинѣ вовсе прекращается, а при еще большей

глубинѣ, на границѣ, положеніе которой указана была нами выше, переходить въ обратное теченіе. Наибольшая скорость этого нижняго обратнаго теченія встрѣчается на глубинѣ, приблизительно, трехъ сажень ниже границы обѣихъ теченій и затѣмъ ближе къ дну движеніе постепенно замедляется. Нижнее теченіе гораздо болѣе постоянно, чѣмъ верхнее; на уровнѣ наибольшей скорости, при наблюденіяхъ г. Макарова, она колебалась всего въ предѣлахъ отъ 1,8 до 3,2 футовъ въ секунду.

Оба теченія отличаются другъ отъ друга также соленостью и температурою воды. Удѣльный вѣсъ воды верхняго теченія, составляющій при истокѣ изъ Чернаго моря 1,0140, лишь мало увеличивается на пути въ Константинополь, между тѣмъ какъ вода нижняго теченія въ этомъ мѣстѣ имѣетъ плотность 1,0283, одинаковую съ плотностью воды котловины Мраморнаго моря. Температура воды нижняго теченія мало измѣняется по временамъ года (отъ 13° Ц. до $18\frac{1}{2}^{\circ}$ Ц.), между тѣмъ какъ температура поверхностныхъ водъ во время произведенныхъ наблюденій измѣнилась отъ $3\frac{1}{2}^{\circ}$ Ц. до 24° Ц. Такъ какъ въ Черномъ морѣ на глубинахъ ниже 80 саж. температура воды бываетъ постоянно $10\frac{1}{2}^{\circ}$ Ц., то нижнее теченіе черезъ Босфоръ служитъ къ нагрѣванію водъ Чернаго моря, въ то же время, какъ оно пополняетъ въ этомъ морѣ количество соли, уносимой изъ него верхнимъ теченіемъ. Въ предположеніи постоянства содержанія соли въ Черномъ морѣ, г. Макаровъ разсчитываетъ, что въ то время, когда верхнее теченіе уноситъ въ секунду 370 тысячъ куб. футовъ воды изъ Чернаго моря, нижнее теченіе приноситъ 200 тысячъ куб. футовъ. Для сравненія упомянемъ, что Невою уносится въ секунду всего 106 тысячъ куб. футовъ воды. Избытокъ воды, истекающей изъ Чернаго моря, надъ притокомъ черезъ Босфоръ, составляющій 170 тысячъ куб. футовъ въ секунду, показываетъ, на сколько дождевые осадки вмѣстѣ съ прибылью отъ рѣкъ превышаютъ испареніе воды на поверхности Чернаго моря. Извѣстно, что въ Средиземномъ морѣ, наоборотъ, количество испаряющейся воды пре-

вышаетъ прибыль отъ дождей и рѣкъ, приче́мъ недостатокъ пополняется теченіемъ изъ Чернаго моря, съ одной, и изъ Атлантическаго океана черезъ Гибралтарскій проливъ, съ другой стороны.

Принимая во вниманіе разность удѣльныхъ вѣсовъ водъ Чернаго и Мраморнаго морей, а также и напоры, потребныя на приведеніе водъ въ движеніе черезъ Босфоръ и на поддержаніе этого движенія, г. Макаровъ разсчитываетъ, что уровень Чернаго моря долженъ былъ въ іюль мѣсяцѣ 1882 года стоять выше уровня Мраморнаго моря на 1,4 фута.

Кромѣ вышеизложеннаго, встрѣчаются въ статьѣ г. Макарова любопытныя замѣтки и нѣкоторыя новыя наблюденія надъ плотностью и температурою воды Чернаго и Средиземнаго морей и нѣкоторыя сужденія о движеніи водъ въ океанахъ. Мы здѣсь укажемъ только на замѣчательный выводъ, сдѣланный г. Макаровымъ изъ чиселъ, добытыхъ Англійскою экспедиціею Challenger, по которому выходитъ, что въ Атлантическомъ океанѣ давленіе воды на глубинѣ 1500 сажень, начиная съ южной широты $42^{\circ} 32'$ и до сѣверной въ $3^{\circ} 10'$, весьма медленно возрастаетъ, всего на величину, соотвѣтствующую столбу воды въ 0,5 фута, между тѣмъ, какъ въ Саргасовомъ морѣ, между $26^{\circ} 21'$ и $32^{\circ} 41'$ сѣверной широты, давленіе это на 3,3 фута больше, чѣмъ на экваторѣ. Явленіе это зависитъ отъ большей солености воды въ Саргасовомъ морѣ и должно быть сопряжено съ нѣкоторымъ пониженіемъ уровня воды въ Саргасовомъ морѣ и также вліять на морскія теченія.

Хотя мы не можемъ согласиться въ частности со всѣми воззрѣніями г. Макарова, тѣмъ не менѣе признаемъ трудъ его въ высшей степени интереснымъ и представляющимъ весьма драгоценный научный матеріалъ.

**ОТЗЫВЪ О СОЧИНЕНІИ Г. ЦВѢТАЕВА ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ—
«ИЗЪ ИСТОРИИ ИНОСТРАННЫХЪ ИСПОВѢДАНИЙ ВЪ РОССІИ
ВЪ XVI и XVII ВѢКАХЪ».**

Составилъ профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета и
Императорскаго Александровскаго Лицея Н. И. Карѣевъ.

I.

Сочиненіе г. Дм. Цвѣтаева «Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ», поступившее въ Академію Наукъ на соисканіе премій митрополита Макарія, по первоначальному плану, какъ говоритъ самъ авторъ въ предисловіи, должно было обнимать исторію протестантизма въ Россіи до временъ Петра Великаго. «Между тѣмъ, продолжаетъ онъ, болѣе подробное изученіе предмета по матеріаламъ московскихъ архивовъ и частныхъ и общественныхъ книгохранилищъ постепенно приводило насъ къ убѣжденію, что, при настоящемъ положеніи этого вопроса въ исторической наукѣ, полная его исторія за названный періодъ невозможна безъ предварительнаго изслѣдованія отдѣльныхъ сторонъ его». Такимъ образомъ книга г. Дм. Цвѣтаева заключаетъ въ себѣ лишь «предварительное изслѣдованіе отдѣльныхъ сторонъ» исторіи — и притомъ не одного протестантизма, но и католицизма въ Россіи, такъ какъ авторъ посвятилъ значительную часть своего труда разсмотрѣнію вопроса о построеніи въ Москвѣ перваго католическаго костѣла и тѣсно связанныхъ съ этимъ построеніемъ обстоятельствъ. Въ виду такого заявленія заглавіе книги вполне соотвѣтствуетъ

ея содержанію: это не полная исторія иностранных вѣроисповѣданій въ Россіи, а только, пользуясь нѣмецкимъ непереводаемымъ терминомъ, «Beiträge» къ такой исторіи. Сторона послѣдней, занимающая автора, это — протестантскія церкви и духовенство въ XVI и XVII вѣкахъ въ связи съ тою степенью вѣроисповѣдной свободы, которою иноземцы пользовались въ Московскомъ государствѣ. Самое обращеніе г. Цвѣтаева къ разсмотрѣнію вопроса о построеніи въ Москвѣ перваго католическаго костѣла объясняется его желаніемъ лучше освѣтить главный предметъ своего изслѣдованія. «Изученіе этой стороны протестантизма, говоритъ онъ въ предисловіи, привело насъ къ параллельному и одновременному разсмотрѣнію вопроса о построеніи въ Москвѣ перваго католическаго костѣла и обстоятельствъ, тѣсно связанныхъ съ нимъ». Авторъ ссылается еще на одну прежнюю свою статью «Протестантство въ Польшѣ и Литвѣ въ его лучшую пору», исторіей коего онъ занялся, по собственнымъ же его словамъ, «въ интересахъ сравнительнаго изученія». Другія статьи и изданія г. Цвѣтаева, перечисляемые имъ въ предисловіи и на обложкѣ, равнымъ образомъ указываютъ на то, что главнымъ его предметомъ является все-таки протестантизмъ, а не вообще иностранныя исповѣданія ¹⁾. Впрочемъ, въ самой книгѣ отдѣлъ, посвященный католицизму (стр. 279—462), только немного меньше отдѣла о протестантизмѣ (стр. 1—276).

Разсмотримъ теперь, какихъ предметовъ въ частности ка-

¹⁾ Памятники къ исторіи протестантизма въ Россіи. — Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ Московскаго періода. — Генералъ Николай Бауманъ и его дѣло. — Вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ купцовъ въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. — Построеніе первой каменной кирки въ Москвѣ. — Московскія протестантскія кладбища. — Положеніе протестантовъ до времени Петра Великаго — Протестантство при царевнѣ Софьѣ. — Браки протестантовъ съ православно-русскими — Кромѣ того, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ тексту своей книги г. Цвѣтаевъ ссылается и на другія свои статьи и замѣтки изъ той же области. См. стр. 17, 22, 23, 27, 266, 323. Въ примѣч. къ стр. 98 онъ говоритъ о будущемъ своемъ изслѣдованіи, касающемся «свойствъ протестантскаго богослуженія въ Россіи».

сается г. Цвѣтаевъ въ своемъ изслѣдованіи и какимъ матеріаломъ онъ пользовался.

Изслѣдованіе г. Цвѣтаева, какъ только-что я упомянулъ, состоитъ изъ двухъ частей; кромѣ того, къ книгѣ приложены документы, доселѣ не издававшіеся, стоящіе въ тѣснѣйшей связи съ второю частью изслѣдованія, и занимаютъ около 60 страницъ. Первая «книга» труда г. Цвѣтаева, озаглавленная «Протестантскія церкви и духовенство», состоитъ изъ трехъ главъ. Въ первой, которая называется — «Кирки и свобода богослуженія протестантовъ, съ появленія въ Россіи первой лютеранской общины до перенесенія московскихъ кирокъ въ Новоиноземскую слободу» (стр. 1 — 98), авторъ рассказываетъ о появленіи протестантовъ въ Московскомъ государствѣ, о судьбахъ первой лютеранской общины въ Москвѣ и ея церквей, о ея пасторахъ, о раздѣленіи общины на двѣ, объ образованіи реформатской общины и построеніи ею церкви, объ отношеніи православнаго духовенства къ иновѣрческимъ храмамъ, о московскихъ кладбищахъ, о протестантизмѣ внѣ Москвы и о договорахъ московскаго правительства съ Англіей, Ганзой, Швеціей, Голштиніей и Даніей о свободѣ вѣроисповѣданія для жившихъ въ Россіи иностранныхъ купцовъ. Изложеніе событій въ этой главѣ доводится до середины XVII вѣка, т. е. обнимаетъ первое столѣтіе существованія среди русскаго населенія иноземцевъ - протестантовъ. Вторая глава, съ названіемъ — «Протестантскія общины съ ихъ церквами и пасторами со времени устройства московской Новоиноземской слободы до соединенія существовавшихъ въ ней трехъ лютеранскихъ общинъ въ двѣ, старую и новую» (стр. 99 — 197), охватываетъ уже гораздо меньшій періодъ времени: начиная здѣсь изложеніе съ первой половины пятидесятихъ годовъ XVII в., авторъ доводитъ его до середины семидесятихъ, т. е. рассматриваетъ событія за какія-нибудь двадцать лѣтъ. Въ этой второй главѣ г. Цвѣтаевъ повѣствуетъ сначала о томъ, какъ за основаніемъ Новоиноземской слободы въ ней построили по особой церкви старая и новая

общины лютеранскія и реформатская, учредивъ и новое кладбище. Какъ и въ первой главѣ, авторъ слѣдитъ за исторіей этихъ общинъ, ихъ церквей, пасторовъ. Крімъ того, тутъ мы находимъ подробности объ отношеніяхъ между московскими протестантами и ихъ западными единовѣрцами, равно какъ нѣкоторыя данныя о ходатайствахъ западныхъ государей за своихъ единовѣрцевъ предъ московскимъ правительствомъ. И окончаніе этой главы посвящено протестантскимъ общинамъ внѣ Москвы и посѣщеніямъ пасторами протестантовъ, живущихъ въ другихъ городахъ. Глава третья — «Протестантскія церкви и духовенство въ періодъ построенія московскихъ каменныхъ кирокъ» (стр. 198 — 276), въ томъ же хронологическомъ порядкѣ расположенія матеріала обнимаетъ событія послѣдней четверти XVII вѣка: и здѣсь авторъ повѣствуетъ объ отдѣльныхъ московскихъ протестантскихъ общинахъ, о постройкѣ ими себѣ церквей, о дѣйствовавшихъ тогда пасторахъ, вставляя въ свой рассказъ извѣстія о появленіи новыхъ протестантовъ (гугенотовъ), о ходатайствахъ иноземныхъ государей за своихъ московскихъ единовѣрцевъ, объ отношеніи къ послѣднимъ со стороны православнаго духовенства, и переходъ отъ этого къ протестантскимъ общинамъ, киркамъ и пасторамъ внѣ Москвы.

«Книга» вторая изслѣдованія г. Цвѣтаева озаглавлена — «Сооруженіе перваго католическаго храма въ Москвѣ». Въ ней также три главы. Въ первой, названной — «Время напрасныхъ попытокъ католиковъ имѣть въ Москвѣ свое духовенство и костѣль» (стр. 279 — 309), рассказывается, собственно говоря, о взаимныхъ отношеніяхъ Московскаго государства и католической церкви со времени Ивана Грознаго до Михаила Федоровича и Алексѣя Михайловича: это скорѣе введеніе въ болѣе подробное изложеніе фактовъ, какое представляютъ изъ себя двѣ слѣдующія главы. Во второй разсматривается «временное пребываніе иезуитовъ въ московской Новоиноземской слободѣ и отправленіе ими богослуженія въ домѣ, купленномъ тайно на средства австрійскаго императора Леопольда» (стр. 310 — 382):

это — время царевны Софьи, когда католики получили нѣкоторое облегченіе отъ московскаго правительства. И здѣсь авторъ въ общемъ главное вниманіе обращаетъ на предметы, аналогичныя съ тѣми, которые составляютъ содержаніе главъ о протестантахъ: на хлопоты католиковъ о костѣлѣ, на дѣятельность ихъ духовныхъ лицъ и т. п. И третья глава «(Водвореніе католическаго духовенства и построеніе каменнаго костѣла въ Москвѣ» (стр. 383 — 482), обнимающая послѣднее десятилѣтіе XVII вѣка (собственно съ 1689 г.), содержитъ въ себѣ главнымъ образомъ извѣстія о хлопотахъ московскихъ католиковъ изъ за разрѣшенія имѣть священника, о дѣятельности католическихъ ксендзовъ въ Москвѣ и о построеніи костѣла.

Таково содержаніе изслѣдованія г. Цвѣтаева. Что касается источниковъ и пособій, коими онъ пользовался, то вотъ что самъ онъ говоритъ объ этомъ въ предисловіи: «матеріалъ, сюда относящійся, изложенъ нами какъ по даннымъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ сохранились документы Посольскаго, Иноземскаго и другихъ приказовъ, вѣдавшихъ дѣла иноземцевъ, такъ, гдѣ было то необходимо, и по сказаніямъ иностранныхъ писателей о Россіи, причемъ мы пользовались и всѣми другими относящимися сюда изданіями и сочиненіями, которыя могли имѣть подъ рукою.» Выписываю вполнѣ эти слова, дабы показать, что особое значеніе авторъ придаетъ архивному матеріалу, который въ его изслѣдованіи, дѣйствительно, и играетъ главную роль: какъ мы увидимъ, мѣстами его книга получаетъ даже характеръ простой передачи сыраго матеріала, часть каковаго и включена въ составъ книги, въ видѣ «pièces justificatives». Это не значитъ, впрочемъ, чтобы г. Цвѣтаевъ пренебрегъ уже изданными источниками и литературой предмета, и подстрочныя примѣчанія, нерѣдко съ критическими экскурсами, занимаютъ довольно видное мѣсто въ сочиненіи. Назвавъ въ прим. на стр. 18—19 болѣе десятка сочиненій о началѣ, судьбѣ, мѣстѣ, числѣ, устройствахъ протестантскихъ церквей въ Россіи, авторъ прибавляетъ,

что «изъ всѣхъ ихъ отдааетъ предпочтеніе труду Фехнера¹⁾), какъ самому документальному и осторожному»; въ остальныхъ слишкомъ много непровѣренныхъ критикой фактовъ, неправильностей, противорѣчій и сбивчивости, отчего вопросъ дѣлается по мѣстамъ крайне запутаннымъ. «Чтобъ предупредить повтореніе ошибокъ, мы, по мѣрѣ силъ и возможности, заключаетъ онъ, постараемся указать и разъяснить ихъ». Продолжительное, какъ заявляетъ самъ г. Цвѣтаевъ въ предисловіи, пользованіе какъ изданными, такъ и неизданными матеріалами упомянутого архива, конечно, и дозволило ему явиться съ многочисленными поправками къ трудамъ своихъ предшественниковъ. Между прочимъ, авторъ нерѣдко ссылается и на первую часть изданныхъ имъ «Памятниковъ къ исторіи протестантства въ Россіи», а мѣстами отмѣчаетъ, что то или другое изъ найденнаго имъ у другихъ писателей не подтверждается архивными данными или что о томъ-то раньше въ печати не упоминалось (стр. 32, 51, 56, 73, 117, 167, 257, 318, 462). Однимъ словомъ, со стороны матеріала и способа имъ пользоваться сочиненіе г. Цвѣтаева съ перваго же просмотра производитъ впечатлѣніе вполне самостоятельнаго труда, основаннаго частью на неизвѣстномъ прежде матеріалѣ, тщательно собранномъ въ архивахъ²⁾, частью на кропотливомъ изученіи изданныхъ источниковъ и обширной литературы³⁾, и нужно замѣтить, что, рассматривая изслѣдованіе, все болѣе и болѣе убѣждаешься, что первое впечатлѣніе не было обманчиво. Съ этой стороны трудъ г. Цвѣтаева совершенно подходитъ подъ условіе, выраженное во второмъ параграфѣ Высочайше утвержден-

1) Fehner. Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau. M. 1876.

2) Авторъ въ предисловіи, кромѣ главнаго архива Мин. Иностр. Дѣлъ, упоминаетъ и о другихъ, на которые и ссылается (см., напр., на стр. 167 и 267 Моск. архивъ Мин. Юстиціи или на стр. 461 архивъ моск. римско-католич. церкви ап. Петра и Павла).

3) Конечно, можно было бы указать и на кое-какіе пробѣлы, но съ этой стороны, въ виду все таки большой полноты, мы не станемъ рассматривать книги. Для примѣра, впрочемъ, отмѣчу пропускъ на 4 стр. изданія полемики Рокиты съ Иваномъ IV, сдѣланнаго Демьяновичемъ на основаніи рукописи XVI в., найденной въ Холмѣ.

ныхъ положеній для присужденія Академіей Наукъ премій митрополита Макарія: «преміи преосвященнаго Макарія могутъ быть удостоиваемы лишь *самостоятельные труды* и притомъ такіе, которые *существенно обогащаютъ науку*, внося въ нее новые факты, наблюденія и воззрѣнія». Цѣлью дальнѣйшаго разбора книги г. Цвѣтаева будетъ опредѣлять, насколько тѣ новые факты, наблюденія и воззрѣнія, которые несомнѣнно есть въ этомъ изслѣдованіи, существенно обогащаютъ науку: своими замѣчаніями объ этой сторонѣ труда г. Цвѣтаева я желаю точнѣе установить, какой преміи оно заслуживаетъ, полной или неполной.

II.

Общій вопросъ, лишь части котораго посвященъ трудъ г. Цвѣтаева, представляетъ весьма значительный историческій интересъ: вопросъ этотъ — судьбы и роль западно-европейскаго протестантизма въ допетровской Руси, или «отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ», какъ назвалъ свое широко-задуманное изслѣдованіе, вышедшее въ свѣтъ тому назадъ семь лѣтъ, г. Иванъ Соколовъ, работавшій въ той же области, въ которой производилъ свои изысканія и г. Цвѣтаевъ. Первоначально, какъ мы видѣли, и нашъ авторъ предполагалъ написать исторію протестантизма въ Россіи, но, нашедши, что «полная его исторія за названный періодъ *невозможна* безъ предварительнаго изслѣдованія отдѣльныхъ сторонъ его», ограничился «пока» лишь частью всего предмета: «чѣмъ пристальнѣе, говоритъ онъ, мы всматривались въ избранный предметъ, тѣмъ число такихъ вопросовъ становилось больше, и *неизбѣжность* монографическаго изложенія ихъ дѣлалась осязательнѣе» (предисловіе). Попытаемся отвѣтить, въ виду такихъ заявленій автора ея, на два вопроса: во первыхъ, насколько вѣрно то, что полная исторія протестантизма въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ пока невозможна, и во вторыхъ, въ какомъ отношеніи стоятъ ре-

зультаты работы самого г. Цвѣтаева къ тому, что можно назвать въ данномъ случаѣ «полной исторіей».

Отвѣтить на первый вопросъ вполне точно — представляется мнѣ затруднительнымъ въ томъ отношеніи, что авторъ нигдѣ болѣе опредѣленнымъ образомъ не поясняетъ, что именно разумѣетъ онъ подъ полною исторією, которую считаетъ невозможною. Судя по общему характеру всей книги г. Цвѣтаева, можно принять однако, что полноту онъ полагаетъ не столько въ томъ, чтобы объять весь предметъ со всѣхъ его сторонъ, сколько въ томъ, чтобы сдѣлать наше знаніе о немъ какъ можно болѣе полнымъ въ смыслѣ обилія фактическаго матеріала. Есть разница между «*egründen*» и «*zu Ende zählen*», и, не входя въ сравнительную оцѣнку значенія для науки обоихъ отношеній къ предмету, мы можемъ отмѣтить, что въ книгѣ г. Цвѣтаева преобладаетъ второе отношеніе. Если въ такомъ случаѣ подъ полнотою слѣдуетъ разумѣть чисто фактическую полноту, то, конечно, пока не будутъ приведены въ извѣстность *все* данныя архивовъ, касающіяся предмета изслѣдованія г. Цвѣтаева¹⁾, о полной исторіи протестантизма въ Россіи въ XVI и XVII вв., т. е. о такой исторіи, которая вмѣщала бы въ себѣ всѣ относящіяся сюда факты, и рѣчи быть не можетъ. Другое дѣло — изслѣдованіе того же предмета безъ погони за накопленіемъ новаго матеріала, каково бы ни было содержаніе послѣдняго: тутъ и при наличномъ количествѣ фактовъ, по моему мнѣнію, возможно было бы дать довольно полную исторію протестантизма въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ — въ смыслѣ всесторонняго освѣщенія предмета, въ смыслѣ болѣе широкой постановки общаго вопроса и возбужденія новыхъ вопросовъ частныхъ. Конечно, изслѣдованіе г. Цвѣтаева касается глав-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи, разумѣется, книгѣ г. Цвѣтаева далеко до полноты, и мы могли бы повторить хотя бы упрекъ, сдѣланный ему на диспутѣ въ С.-Петербургской Дух. Акад. въ томъ, что онъ не имѣлъ случая воспользоваться новыми, недавно открытыми матеріалами для исторіи іезуитской миссіи въ Россіи въ к. XVII в.

нымъ образомъ одной стороны предмета, а подобныя вообще изслѣдованія имѣютъ большую цѣну и, въ виду такой задачи, весь вопросъ заключается лишь въ томъ, какія стороны предмета надлежало бы особенно подвергнуть болѣе обстоятельному предварительному изслѣдованію, въ виду пополненія новымъ фактическимъ матеріаломъ всего изслѣдованія предмета. Признавая, что при современномъ состояніи науки, т. е. при наличныхъ изданіяхъ источниковъ и работахъ по данному предмету возможна научная работа вообще надъ исторіей протестантизма въ Россіи, хотя бы въ смыслѣ 1) постановки общаго и частныхъ вопросовъ, 2) классификаціи фактовъ по степени ихъ важности и 3) возможности общихъ рѣшеній для поставленныхъ вопросовъ, — признавая это, мы могли бы требовать отъ г. Цвѣтаева, чтобы работа его была предпринята именно въ виду извѣстныхъ вопросовъ, намѣчаемыхъ самою сущностью дѣла, а не являлась результатомъ болѣе или менѣе случайнаго выбора той стороны предмета, на которой авторъ сосредоточилъ свое вниманіе. Не давъ себѣ, какъ мнѣ кажется, вполне яснаго отчета о томъ, что главное, что самое важное, что самое интересное въ исторіи протестантизма въ Россіи, въ какихъ отношеніяхъ вслѣдствіе этого должны находиться однѣ къ другимъ различныя стороны предмета, отдѣльныя категоріи фактовъ, г. Цвѣтаевъ не имѣлъ твердаго критерія для опредѣленія, во первыхъ, того, что же должно составлять содержаніе его работы внѣ накопленія, критической провѣрки и извѣстнаго расположенія фактовъ, а вовторыхъ, и того, въ какомъ отношеніи должны находиться всѣ эти факты къ тому, что дѣйствительно можно было бы назвать полною исторіей протестантизма въ Россіи. Этимъ, думаю я, и объясняется тотъ фактъ, что г. Цвѣтаевъ остановился на такой сторонѣ общаго вопроса, которая наименѣе имѣетъ важности, такъ что даже еще болѣе кропотливыя изысканія въ этой ограниченной области весьма мало могли бы прибавить чего-либо, бросающаго свѣтъ на весь вопросъ.

Весь вопросъ, т. е., такъ сказать, центръ его тяжести — въ отношеніяхъ протестантизма къ той новой для него средѣ, которую онъ нашель въ Россіи. Полная его исторія есть исторія по возможности всѣхъ этихъ отношеній или, по крайней мѣрѣ, самыхъ важныхъ по своему культурному значенію. Книга г. И. Соколова, о которой я упомянулъ, именно такъ ставитъ вопросъ, и если въ результатѣ попытки этого автора получилось нѣчто очень неудачное ¹⁾, то не вслѣдствіе недостатка въ историческомъ матеріалѣ, а вообще вслѣдствіе свойствъ самого лица, взявшагося за разрѣшеніе этой задачи. Матеріала, уже раньше бывшаго въ распоряженіи науки, хватило для г. Соколова, и самъ г. Цвѣтаевъ пользуется далеко не однимъ архивнымъ матеріаломъ, прямо даже ссылаясь на то, что обращался къ разнымъ изданіямъ и сочиненіямъ, «которые могъ имѣть подъ рукою», и даже послѣдними словами давая почувствовать свою неувѣренность въ томъ, что все напечатанное имъ исчерпано ²⁾. Не вдаваясь въ разборъ исполненія задачи у г. Соколова, а останавливаясь на самомъ замыслѣ, мы видимъ, что матеріала этого хватало для отвѣтовъ на вопросы о внѣшнемъ гражданскомъ положеніи протестантовъ въ Россіи, о судьбѣ протестантской пропаганды у насъ, о противодѣйствіи ей со стороны церкви и общества, объ отношеніи этой пропаганды къ русскому расколу, о вліяніи протестантизма на развитіе просвѣщенія въ Россіи, на нравственное состояніе и церковную жизнь русскаго общества ³⁾. Конечно, и эту программу можно было бы еще развить въ подробностяхъ, если не дополнить еще и новыми чертами, да и самому г. Цвѣтаеву приходится обо всемъ этомъ, —

¹⁾ На многія подстрочныя примѣчанія въ книгѣ г. Цвѣтаева можно смотрѣть, какъ на обстоятельную и безпощадную критику книги г. Соколова; впрочемъ, совершенно справедливую. См. стр. 12, 22, 23—24, 29, 32, 37, 59, 60, 90, 92, 114, 117, 128, 143, 259, 270 и др.

²⁾ Что это такъ, мы указали выше, обнаруживъ на одной изъ первыхъ же страницъ (4) книги пропускъ указанія на одно изданіе.

³⁾ Таково содержаніе первой части соч. г. Соколова, посвященной исторіи протестантизма въ московскомъ государствѣ.

по крайней мѣрѣ, иногда хоть вскользь—упомянуть въ своей работѣ, но разъ онъ нашелъ нужнымъ изслѣдовать отдѣльныя стороны предмета, то прежде всего можно возразить противъ того, что онъ сосредоточилъ все свое вниманіе на самой внѣшней сторонѣ дѣла: его книга производитъ впечатлѣніе документальной исторіи постройки протестантскихъ и католической церкви въ Москвѣ, около чего группируется и остальной матеріалъ болѣею частью столь же внѣшняго свойства. Въ этомъ отношеніи для автора безъ всякаго значенія осталась упоминаемая имъ въ предисловіи статья «Протестантство въ Польшѣ и Литвѣ», съ которой, по собственнымъ словамъ, онъ «ознакомился въ интересахъ сравнительнаго изученія»: мы нарочно искали слѣдовъ этого «сравнительнаго изученія» и убѣдились, что его нѣтъ ни малѣйшаго слѣда, да это и понятно, такъ какъ сравненіе могло бы явиться только при болѣе широкой постановкѣ вопроса. Кстати замѣчу здѣсь мимоходомъ, что одинъ фактъ изъ исторіи польскаго протестантизма истолкованъ у г. Цвѣтаева невѣрно. «На Быхавскомъ реформатскомъ соборѣ (1550 г.), говоритъ онъ на стр. 3, было положено отправить въ Москву изъ Польско-Литовскаго королевства двухъ миссіонеровъ. Миссія явилась въ 1570 году въ посольствѣ польскаго короля Сигизмунда-Августа». Это мѣсто, нужно полагать, основано на невѣрномъ пониманіи словъ Венгерскаго, съ передѣлкой имени собора (быхавскій, вм. быхавскій) и ошибкой въ датѣ, а Венгерскій говоритъ именно, что на быхавскомъ соборѣ 1560 г. «*eliguntur ministri St. Vartensius et Nicolaus Zytno, qui publico ecclesiae sumptu, iter in Russiam capessant, Ecclesias illic reformaturi.*»¹⁾: здѣсь рѣчь идетъ не о сѣверо-восточной Руси, которая у поляковъ Русью и не называлась, будучи для нихъ Московіей, а о Руси холмской, какъ полагаетъ проф. Любавичъ, говоря о пропагандированіи кальвинизма въ русскихъ земляхъ люблинскаго округа²⁾.

¹⁾ *Regenvolsclia. Systema historico-chronologicum ecclesiarum slavonicarum*, 184.

²⁾ Любавичъ. Исторія реформаціи въ Польшѣ. Варшава, 1883. Стр. 321.

Съ другой стороны, противъ утвержденія автора, будто у насъ пока невозможна исторія одного иностраннаго исповѣданія, — обобщая подъ послѣднимъ понятіемъ обѣ главныя формы протестантизма, — можно выставить вопросъ, почему же оказалась возможною исторія другаго иностраннаго исповѣданія, т. е. католицизма, если г. Цвѣтаевъ во второй части своего труда дѣлаеть въ сущности только дополненія и кое-гдѣ мелкія фактическія поправки къ труду гр. Д. А. Толстаго о «Римскомъ католицизмѣ въ Россіи». Возбуждаеть, наконецъ, недоумѣніе и то обстоятельство, что автора изученіе избранной имъ стороны протестантизма привело не къ постановкѣ вопросовъ о другихъ его сторонахъ, а «къ параллельному и одновременному, какъ онъ самъ выражается, разсмотрѣнію вопроса о построеніи въ Москвѣ перваго католическаго костѣла.» Параллелизмъ тутъ однако чисто внѣшній, и это параллельное изученіе не выясняетъ намъ взаимныхъ отношеній между католицизмомъ и протестантизмомъ на чуждой имъ обоимъ почвѣ Московскаго государства. У г. Цвѣтаева въ сущности подъ однимъ заглавіемъ и въ одной обложкѣ мы находимъ двѣ какъ-бы отдѣльныя книги: въ первой изъ нихъ разсказывается исторія постройки протестантскихъ кирокъ въ Москвѣ, во второй — сооруженія перваго католическаго храма. Между тѣмъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ католицизма и протестантизма въ Московскомъ государствѣ весьма интересенъ и съ точки зрѣнія исторіи самихъ этихъ вѣроисповѣданій, между которыми происходила борьба, и съ точки зрѣнія исторіи Россіи, такъ какъ указанная борьба осложнилась у насъ вопросомъ, какой культурѣ суждено было явиться цивилизующимъ элементомъ въ Россіи въ готовившуюся «эпоху преобразованій»¹⁾. Г. Цвѣтаеву постоянно приходится обращаться къ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ построеніе иновѣрческихъ храмовъ въ Москвѣ, и эти-то *побочныя* по отношенію

¹⁾ См., напр., объ этомъ соображенія въ статьѣ г. Бѣлова «Московскій смуты въ концѣ XVII в.» (Ж. М. Напр. Пр. 1887. I—II). Указываю по отд. изд. стр. 4, 7, 8, 9, 10, 11, 82, 93.

къ *главному* предмету книги обстоятельства и являются наиболѣе существенными фактами, будучи взяты сами по себѣ. Ихъ въ сочиненіи помѣщено немалое количество, что можно видѣть хотя бы изъ сдѣланнаго выше обзора всей книги, но они не собраны вмѣстѣ; а разбросаны по разнымъ мѣстамъ, такъ что авторъ и не пользуется ими для какихъ бы то ни было общихъ выводовъ. Оно и понятно, въ виду основнаго содержанія книги, которымъ обуславливается и самое расположеніе матеріала, очень удобное для внѣшняго упорядоченія отдѣльных фактовъ, но крайне непригодное для дѣйствительно сравнительнаго, параллельнаго, обобщающаго изученія: авторъ отдѣляетъ протестантскія кирки и ихъ настоятелей отъ католическихъ костѣловъ и ксендзовъ, а затѣмъ въ каждой части слѣдуетъ строго-хронологическому порядку, давая для дѣленія на главы чисто внѣшнія основанія, а затѣмъ ставя рядомъ факты, связанные между собою лишь одною одновременностью, и не сближая фактовъ разновременныхъ, но сродныхъ между собою. Иного порядка и не могло быть: онъ только показываетъ, до какой степени въ трудѣ г. Цвѣтаева преобладаетъ интересъ къ чисто внѣшнимъ фактамъ построения иновѣрческихъ церквей и смѣны духовныхъ лицъ, т. е. къ такимъ фактамъ, которые дѣйствительно лучше всего и укладываются въ чисто хронологическія рамки. Разъ въ весьма многихъ случаяхъ важные вопросы изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи вводятся въ книгу въ качествѣ относящихся къ обстоятельствамъ, которыя сопровождали построеніе храмовъ, то иногда въ роли такихъ же обстоятельствъ являются факты, по существу не связанные даже съ исторіей протестантизма или католицизма, а попавшіе въ сочиненіе г. Цвѣтаева главнымъ образомъ потому, что онъ находилъ ихъ въ своихъ источникахъ¹⁾. Для примѣра я укажу на одно только мѣсто. Говоря объ одномъ изъ московскихъ па-

¹⁾ Ср., напр., стр. 186 вѣ., 349 вѣ., 402 и др. Иногда трудно даже выдѣлать это «лишнее», мало идущее къ дѣлу.

сторовъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, именно Грегори, г. Цвѣтаевъ безъ особенной нужды на полутора страницахъ (174—175) распространяется о дѣятельности этого пастора при организаціи перваго у насъ придворнаго театра и поправляетъ проф. Тихонравова указаніемъ на то, что первое представленіе «Артаксерксова дѣйства» было не въ ноябрѣ, а въ октябрѣ 1672 г., и эти полторы страницы стоятъ между отдѣлами, посвященными вещамъ, которыя ничего общаго съ театромъ не имѣютъ. Такія, если можно такъ выразиться, излишества появляются нерѣдко въ трудѣ г. Цвѣтаева вслѣдствіе его обыкновенія заимствовать изъ того или другаго источника если не все, что онъ даетъ, то по возможности какъ можно болѣе, вслѣдствіе чего прямо относящееся къ дѣлу входитъ въ изложеніе въ сопровожденіи подробностей, безъ которыхъ во многихъ случаяхъ обойтись было бы гораздо лучше. Мѣстами сочиненіе получаетъ вслѣдствіе этого характеръ пересказа сыраго матеріала, т. е. именно вслѣдствіе того, что авторъ слишкомъ дорожитъ всѣмъ; что попадаетъ ему подъ руку, — и точно желаетъ весь имѣвшійся у него запасъ отдѣльныхъ фактовъ безъ малѣйшаго остатка перевести въ свою книгу. Нельзя отрицать того, что запасъ этотъ очень великъ и что отдѣльные факты проверены критически, но авторъ не произвелъ ихъ сортировки, взялъ за основу своего изложенія факты чисто внѣшняго свойства и со всѣми ихъ подробностями, иногда мелочными и, не внесши въ свою работу объединяющей идеи, не сдѣлалъ изъ своего матеріала историческихъ выводовъ общаго свойства. Этотъ недостатокъ, недостатокъ въ системѣ, прямо бросается въ глаза при чтеніи книги, а по временамъ удивляешься, почему авторъ не выдѣляетъ изъ массы мелочныхъ подробностей вещей, дѣйствительно, крупныхъ, не останавливается на нихъ съ болѣе вниманіемъ, не освѣщаетъ ихъ значенія: особенно я имѣю въ виду тѣ страницы, гдѣ, оставляя на время подробности, авторъ касается такихъ вопросовъ, какъ взаимныя отношенія иновѣрцевъ и русскихъ (правительства, церкви и народа) или

протестантовъ и католиковъ, тѣмъ болѣе, что собранные здѣсь факты и не всегда общеизвѣстны, и очень важны.

Мнѣ кажется, что все это слѣдуетъ разсматривать, какъ довольно серьезный недостатокъ книги г. Цвѣтаева, указывающій на нѣкоторую поспѣшность, съ какою онъ приводитъ въ порядокъ собранный имъ матеріалъ. Оцѣнивая его сочиненіе, мы должны принять въ расчетъ, какъ одно изъ его достоинствъ, то, что авторъ написалъ свою книгу на основаніи уже ранѣе произведенныхъ работъ, появившихся въ печати чуть не въ теченіе десяти лѣтъ и отчасти вошедшихъ въ самую книгу, но нельзя не выразить сожалѣнія о томъ, что онъ не подвелъ итогу подъ всѣми своими работами въ смыслѣ болѣе широкихъ обобщеній, которыя были бы по отношенію къ нимъ не простою суммою, но ихъ синтезомъ. Полагая, что высшей награды можетъ быть удостоено лишь вполне образцовое сочиненіе, которому нельзя было бы сдѣлать серьезныхъ упрековъ, но въ то же время считая представленный въ Академію трудъ г. Цвѣтаева по всей справедливости заслуживающимъ преміи, я, съ своей стороны, нашелъ бы совершенно подходящимъ къ этому труду присужденіе его автору неполной преміи митрополита Макарія.

